

"Все закручено (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Эмма Чейз

Всё закручено

Пролог

Женщины вечно балансируют на грани фола.

Скромница.

Распутница.

Стерва.

Мямля.

Определение того, кем вы являетесь для внешнего мира — постоянный процесс балансирования. Это изнуряет. Но для некоторых женщин — это в порядке вещей. Оправдание, которое позволяет им говорить все, что они думают, дает им право прощать даже тогда, когда они знают, что делать этого не стоит. И подталкивает их не отказывать себе в тех извращенных маленьких фантазиях — без греховных последствий.

Алкоголь.

Он может придать смелости говорить непристойности и позволить пойти домой вместе с барменом.

Это алиби. Прикрытие.

Это ведь были не вы, вами завладел Капитан Морган¹ или Серый Гусь².

К сожалению, у меня очень хорошая переносимость алкоголя.

Хреново быть мной.

За все время, что мы были вместе, Билли никогда не удавалось меня спить. Ни разу. Может потому что я начала пить еще по молодости. Может, была рождена для этого.

В общем, мне требуется много выпивки, чтобы захмелеть и еще больше, чтобы напиться.

Вот почему в свое время я предпочитала травку.

На много больше толку.

Да, вы не ослышались. Кейт Брукс — та еще наркоманка. Я и Грейтфул Дэд³? Мы могли бы стать лучшими друзьями. Травка придала мне храбрости сделать тату.

Печально, но это дела давно минувших дней. Как только я поступила в школу бизнеса, я поняла, что последствия от того, что тебя застукают с запрещенными веществами, слишком серьезны.

Так что теперь я довольствуюсь только санкционированными средствами. В основном, вином. Каждый вечер Дрю и я выпиваем немного, просто чтобы расслабиться. И раз в неделю у нас что-то вроде свидания — особенный вечер. Мы вместе готовим. Дрю большой фанат фахитас.

Мы пьем, болтаем и еще пьем.

Сегодня мы выпили немного больше, чем обычно. Так что, даже если я не пьяная в стельку, то в моих конечностях все равно чувствуется слабость. Я расслаблена. Как и мои комплексы.

Я привлекла ваше внимание? Отлично.

Открывайте окно, дамы и господа! Сейчас здесь будет жарко.

Мы в постели.

Я лежу на спине, а Дрю у меня между ног.

Ну, точнее, его лицо.

— Я люблю твою киску.

Я издаю стон, а он усиливает свои слова действиями. Он очень хорош в действиях.

Влажных, боготворящих действиях.

— Я бы мог жить здесь внизу.

Он выбирает свой ритм, и прежде, чем вы успеете сказать «Шлепни меня хлыстом», я тяну его волосы и выкрикиваю его имя.

Мгновения спустя, Дрю гордо улыбается и ползет вверх по моему телу. Мои конечности ленивы от вина, и, конечно, от оргазма. Повсюду приятная дымка, легкая туманность, делающая все вокруг сказочным.

А потом мы целуемся. А по моему телу растекается тепло, как электрический ток, возвращая меня назад.

Заставляя меня чувствовать, насколько все реально.

Отрываю от него свои губы и шепчу, алкоголь делает меня храброй:

— Дрю... Дрю, мне хочется попробовать чего-нибудь.

Это привлекает его внимание.

— Что ты хочешь попробовать?

Его язык скользит по моему соску.

Я улыбаюсь и прикусываю губу.

— Чего-нибудь новенького.

Он поднимает голову. Его веки тяжелые и прекрасные.

— Я люблю новенькое.

Я смеюсь и отталкиваю его от меня, потом встаю и направляюсь к шкафу, врезаясь по дороге в ночной столик.

— Извините.

Я открываю верхний шкафчик и достаю оттуда две пары наручников. Долорес приобрела их для своего пост-девичника, но у нее уже были одни.

Не спрашивайте.

Я кручу одну пару вокруг своего пальца. Моя до жути сексуальная походка назад к кровати практически сорвалась, когда я чуть не свалилась на своих четырехдюймовых каблуках, и захихикала.

Дрю встал на свои колени. У него был голодный взгляд, как у льва, наблюдающего за сочным стейком, который нельзя достать.

Он двигается, чтобы забрать у меня наручники, но я отталкиваю его от себя.

— На спину, мой мальчик.

Я знаю, о чем он думает. Разве вам не слышно его мыслей?

Ммм... Кейт хочет быть главной? Интересненько.

Он отступает назад и подносит свои запястья к изголовью кровати. Я одеваю ему наручники и застегиваю их.

Клик.

Клик.

Он тянет руки, проверяя их на прочность, а я остаюсь рядом с ним в своих шпильках, взглядом скользя по рельефному голому совершенству, что представляет из себя Дрю Эванс.

Красавец.

— Ты что-то задумала? Или собираешься пялиться на меня так всю ночь?

Я смотрю на него. А его глаза жаждут, побуждают меня к действию.

О, и я буду действовать. Даже не сомневайтесь.

С гордостью задираю подбородок и кладу свои руки ему между ног. Медленно потираю и массирую его яички. Скольжу рукой вверх по его уже твердому члену, сжимая его крепко — так, как, я знаю, он это любит — перед тем, как сделать несколько жестких движений вверх и вниз.

У Дрю начинает сильнее вздыматься грудь.

И, правда, интересненько.

И прежде, чем вы спросите, нет, я не всегда была такой. Такой авантюристкой.

Смелой.

Вся моя сексуальная жизнь с Билли включала два уровня: скромность и обыденность. Робость и механичность. Только после Дрю я поняла, как мы с Билли друг друга тормозили.

В сексе, в жизни.

В глазах друг друга мы всегда останемся Кейти и Билли. Незрелыми. Зависимыми. Вечно молодыми, как в том фильме про Тагов с источником бессмертия⁴.

Потом в моей жизни появился Дрю Эванс, и откровенная, требовательная, и да, похотливая женщина, что росла внутри меня, наконец-то выбралась на волю. По крайней мере, в постели.

Его постели.

Я сгибаюсь, поднимая зад вверх, и захватываю ртом всю его длину. При этом он чуть дергается. Алкоголь, видимо, притупил мой рвотный рефлекс, потому что я могу проглотить его всего.

И я так и делаю.

Четыре, пять, шесть раз. Потом я встречаюсь с ним глазами. Во время минета? Парни любят зрительный контакт. Не спрашивайте меня, почему. Понятия не имею.

— Тебе нравится, когда я сосу твой член, Дрю?

Он тоже любит всякие непристойности. На самом деле, Дрю *много* чего любит.

Он закатывает глаза.

— Черт, да.

Я возвращаюсь к работе, пуская в ход свой язык.

Его голос с придыханием:

— Боже, малыш, ты — самая лучшая. Ты можешь давать хреновы уроки.

Ха, это забавно. Основной курс по Облизыванию Члена.

После того, как мы вместе провели практически два года, я эксперт по чтению языка тела Дрю. Так что, когда его бедра начинают вздыматься, а руки сжиматься в воздухе, я знаю, он уже близок. Его одобрительное мычание и рычание практически заставляют нарушить мой план.

Но я этого не делаю.

В последнюю секунду, пока он не успел кончить, я убираю свои руки. И сажусь прямо. Дрю

сжимает глаза, ожидая разрядки, которой не следует.

Он открывает глаза, которые смотрят на меня в недоумении.

Я улыбаюсь, чувствуя себя могущественной.

И испорченной.

Я наигранно зеваю.

— Знаешь, вино отнимает у меня кучу сил. Я, вроде как, устала.

— Ч-что? — бормочет он.

— Думаю, мне нужна передышка. Ты же не возражаешь, правда?

Он рычит:

— Кейт...

Я сажусь на него верхом, зажимая его впечатляющий эрегированный член у себя между ног, не даю скользнуть ему внутрь.

— А еще я хочу пить. Пойду, схожу за водой. Тебе принести?

— Это ни черта не смешно, Кейт.

Оооо, он злится.

Как страшно.

Я веду своим пальчиком вниз по его груди.

— А кто смеется?

Он тянет руки, которые в наручниках. В этот раз сильнее. Но когда у него не получается, я хихикаю. Кто бы мог подумать, что дразнить льва так забавно!

— Расслабься, Дрю. Веди себя, как хороший мальчики я вернусь... — я пожимаю плечами, — Рано или поздно.

Быстренько целую его в нос, спрыгиваю с кровати, и спешу выбежать из комнаты, пока он кричит мое имя.

Не смотрите на меня так, я просто хочу его немного подразнить. Вы же знаете, он этого заслуживает. Ничего, ведь, страшного, правда?

Я бегу ну кухню, гордая сама собой. Когда я ступаю на холодный кафельный пол, по моему телу бегут мурашки. Я и, правда, хочу пить. Поэтому беру из шкафчика стакан и наполняю его водой.

Стоя возле раковины, я делаю большой глоток, закрывая глаза, когда прохладная жидкость освежает мое горло. Капля стекает по моему подбородку, потом ключице и вниз по груди.

И тут, без предупреждения, к моей спине с силой прижимается чья-то грудь. Я вскрикиваю и роняю стакан в раковину.

Не знаю, как он освободился, но наручники свободно болтаются у него на руках. Он жестко притягивает меня к себе, захватывая в ловушку.

По мне пробегает дрожь, когда на своем ухе я ощущаю теплое соблазнительное дыхание.

— Это было нехорошо, Кейт. И я тоже могу быть нехорошим.

У него тихий голос, не злой, но строгий. Невероятно возбуждает.

Одной рукой хватая меня за волосы на затылке и тянет, заставляя меня выгнуться назад, а нижней частью тела прижаться к краю раковины. Резко отклоняет мою голову на бок, а потом целует меня, запуская свой язык мне в рот, и я тоже набираю скорость, чтобы не отставать от него.

Поцелуй его властный.

Доминирующий.

Спустя мгновение он с легкостью входит в меня и начинает импульсивные движения, а низ его живота шлепками бьется о мой зад.

Это опьяняет.

Я слышу свои стоны. Животом ударяюсь о столешницу, но меня это не волнует. Все, что я чувствую, это Дрю.

Который контролирует меня. Сводит меня с ума. Владеет мной.

Его свободная рука берет мою и подносит ее к моему клитору. Прижимая мои пальцы, принуждая меня поласкать саму себя.

У парней особое отношение к мастурбации. Я поняла, что это их жутко возбуждает, прямо взрыв мозга — как бросить спичку в бензоколонку.

Он отпускает мою руку, но мои пальцы продолжают двигаться, как он этого хотел. Как будто я марионетка на веревочках, а Дрю кукловод. И потом он отклоняется назад, забирая все тепло своей груди с собой.

Ритм его толчков замедляется. И я чувствую, как он проводит своей рукой по моей спине. Между нами.

К моей попе.

Его рука массирует мою кожу, потирает ее. Потом его пальцы скользят по моим ягодицам. Вверх и вниз по гиперчувствительной дырочке между ними.

Я напрягаюсь.

Для нас это новая территория. Ну, для меня. И я понятия не имею, что Дрю, в тот или иной момент, побывал во всех доступных отверстиях женского тела.

Но для меня это неизведанно. И немного заставляет нервничать.

Он пальцами делает несколько безобидных нажимов до тех пор, пока я не расслабляюсь. Пока напряжение не сходит с моих плеч, и я опять не отвлекаюсь на глубокое чувство удовольствия, доставляемое ритмом его движений.

И потом он проникает одним пальцем внутрь.

Никакой боли. Или дискомфорта. Двойное проникновение больше похоже на прыжок с парашютом. Чтобы по достоинству его оценить, вам нужно попробовать это сделать. Это не описать словами.

Но я попробую: восхитительно.

В запрещенной, извращенной манере.

Медленно, Дрю входит своим пальцем внутрь, а потом наружу, в одном ритме с его членом.

А я издаю стоны, тихие и глубокие и ничем не стесненные. Своими собственными пальцами я растираю у себя впереди быстрее, сильнее. И ловлю ртом воздух, когда он растягивает меня шире, чтобы проникнуть еще одним пальцем.

Его движения неторопливые. Томительные и дразнящие.

И мне хочется открыть свой рот, чтобы умолять его о большем.

Больше прикосновений, больше страсти.

Быстрее. Сильнее. *Пожалуйста.*

Дрю подталкивает меня чуть вперед. Наклоняет меня так, что мои волосы падают на дно раковины. И потом все исчезло... его нет внутри моего тела.

И мне больно от этой потери.

Пока я не начинаю чувствовать, как влажная от моих соков головка его члена, прикасается к тому месту, где только что были его пальцы.

— Дрю...

Это глубокий стон, на половину от удовольствия, на половину от боли.

И все с мольбой.

— Скажи да, Кейт. Черт... пожалуйста, скажи да.

У него хриплый голос. Жесткий.

Нуждающийся.

Во мне.

И вдруг я ощущаю могущество.

Странно, если рассматривать положение, в котором мы находимся, но, тем не менее — это я здесь все контролирую. Он может умолять меня у моих ног.

Надеяться и ждать моей команды.

Я не трачу время на раздумья. Не взвешиваю все «за» и «против» и не думаю о последствиях. Я просто чувствую, погружаюсь в восторженные ощущения.

Я расслабляюсь.

И я доверяю.

— Да...

Медленно, как никогда, Дрю проникает в меня. На мгновение чувствую боль, тянущее жжение, и резко втягиваю воздух. Он останавливается. Когда я выпускаю воздух, он нежно продвигается вперед до тех пор, пока самая интимная часть его тела полностью не скрывается во мне. Потом он стоит, абсолютно не двигаясь. Позволяя моему телу привыкнуть к вторжению.

Я чувствую, как его рука спускается вниз по моему бедру, продвигаясь к моей вагине. Потом она скользит под мою руку, и его пальцы водят по мне круговыми движениями. Так чувственно и волшебно, как раз перед тем, как проникнуть мне внутрь. Снова и снова.

Я всегда думала, что анальный секс — это предел доминирования, принудительный, может даже оскорбительный.

Но сейчас я так не чувствовала.

Это первобытно... неизведанно... но также прекрасно. Божественно.

Как будто я только что подарила ему свою девственность. В какой-то мере так оно и было.

Я начинаю двигаться первой, толкаясь немного назад.

Разрешая Дрю, я хочу тем самым познать, испытать эти новые ощущения. Мне нужно пересечь конечную черту. Вместе с ним.

Это не просто эротично. Это интимно, сокровенно.

Дрю прижимается губами к моей спине. Целуя, сквернословя и шепча мое имя. И потом он единственный, кто совершает движения. Возвращая себе контроль. Скользя внутрь и назад, нежно, но стойко.

Божественно.

Накрываю своей рукой его руку, которая на моем клиторе. Мои ноги дрожат, и я понимаю, что уже близко. *Так близко.* Будто поднимаюсь в гору и чувствую что вершина всего в нескольких шагах от меня.

Мы тяжело дышим, глотая ртом воздух с каждым движением бедер Дрю.

— Да... да... да...

Оргазм у мужчин в девяносто процентах на физическом уровне. Им легче кончить, независимо от того, где сейчас их мысли. С женщинами сложнее. Наш оргазм зачастую зависит от наших мыслей. Что означает, если вы, парни, хотите довести нас до оргазма? Нам нельзя думать о куче нестиранного белья в соседней комнате, или завалах бумаг, что ожидают нас на столе.

Что объясняет, что это не рука Дрю, или его член делают со мной такое.

Это его голос.

Прижимаясь лбом к моему плечу, он бормочет:

— О Боже, о Боже, о Боже...

Это так на него не похоже.

Его голос такой открытый. Незащищенный.

Уязвимый.

Этот гневный мужчина, который всегда хочет быть главным, все контролировать. Мужчина, который и шагу не ступит, чтобы все не обдумать, не прокрутит все в своем великолепном уме — все «за» и «против», возможные последствия.

Он рассыпается на части позади меня.

И когда он шепчет проклятья и молитвы, я проваливаюсь в пропасть.

В экстазе.

Я запрокидываю голову назад и закрываю глаза. За закрытыми веками у меня взрываются фейерверки, когда я напрягаюсь и кричу, и наслаждение волной за волной бьется о мое тело.

Движения Дрю становятся несдержанными и резкими, более сильными и бесконтрольными.

Мгновение спустя, он прижимается к моим ногам, удерживая меня так, испуская последний гортанный стон со своих губ.

После этого мы пытаемся отдышаться. Наши тела все еще вместе и дрожат, как толчки землетрясения. Его руки гладят меня по плечам, когда он выскользывает из меня.

Он разворачивает меня к себе лицом, гладит меня по щекам, а потом целует меня.

Не знаю почему, но мои глаза наполняются слезами.

Тут же, взгляд Дрю становится обеспокоенным.

— Ты в порядке? Я... сделал тебе больно?

Я улыбаюсь сквозь слезы, потому что это слезы счастья. Потому что по какой-то странной, необъяснимой причине, я никогда не чувствовала себя ближе к нему, чем прямо сейчас.

— Нет. Все прекрасно. В следующий раз не стесняйся быть со мной нехорошим.

И тут он тоже улыбается. С облегчением и удовлетворением.

— Так и запишем.

Дрю поднимает меня на руки и несет в душ. Мы стоим под теплыми струями воды и боготворяще омываем друг друга. Потом Дрю заворачивает нас в толстые теплые полотенца и несет меня в кровать.

Накрывает нас обоих одеялом и прижимает меня крепко к себе.

И это заставляет меня чувствовать себя любимой.

Он заставляет меня так себя чувствовать. Всегда.

Желанной.

Обожаемой.

Чувствовала ли я себя болезненно на следующий день? Немного. Но все было нормально.

Слишком много информации?

Простите. Просто пытаюсь быть полезной.

В любом случае, боль и недомогание на следующее утро меня не волновали.

Но в чем смысл всего этого, спросите вы меня? Почему я делюсь этим с вами?

Из-за хорошего секса? Действительно, действительно хорошего секса?

Алкоголь здесь ни при чем. И речь идет не о совместимости, или практике или даже любви.

Все дело в доверии.

Расслабиться. Доверить себя другому человеку и позволить ему увести тебя туда, где ты никогда не был.

И я доверила Дрю. Свою душу, сердце и тело. Я доверяла ему полностью.

По крайней мере, тогда.

Глава 1

В старшей школе биология была моим любимым предметом. Что привлекало меня больше всего, так это то, что есть виды, которые могут трансформироваться в другое живое существо. Как головастики. Или бабочки. Они начинают, как одно существо, но заканчивают абсолютно другими.

Неузнаваемыми.

Все всегда смотрят на бабочек и думают: «Какая красота!». Но никто никогда не задумывается о том, через что им пришлось пройти, чтобы стать такими. Когда гусеница строит свой кокон, она не знает о том, что происходит. Она не понимает, что меняется.

Она думает, что умирает. Что мир на этом заканчивается.

Метаморфозы мучительны. Ужасны и таят неизвестность. Это только потом гусеница понимает, что оно того стоило.

Потому что сейчас она умеет летать.

И я чувствую то же самое. Я что-то большее, чем была раньше. Я стала сильнее.

Думаете, это я раньше была жесткой?

Обманула вас. Кое-что было просто бравадой. Показухой.

Иметь дело с Дрю Эвансом все равно, что нырнуть в одну из тех огромных волн на пляже. Он подавляет. И, либо ты усердно барахтаешься, чтобы держаться на плаву, либо он накроет тебя и оставит позади с лицом в песке.

Так что мне приходилось притворяться быть жесткой.

Больше мне не нужно притворяться, потому что теперь я — гранит. Непроницаемая, во всех отношениях.

Спросите кого-нибудь, кто выжил в землетрясении ночью, или в пожаре, который сметает все на своем пути. Непредвиденные разрушения меняют вас.

И я скорблю по старой себе. По своей старой жизни. Той, что я планировала навечно разделить вместе с Дрю.

Вам, кажется, непонятно. Простите, начнем сначала.

Видите там ту женщину? На качелях, на этой пустой площадке?

Это я — Кейт Брукс.

Ну, не совсем я. По крайней мере, не та Кейт, которую вы помните. Как я и говорила, теперь я другая.

Наверно, вам интересно, почему я здесь, снова в Гринвилле, Огайо, совсем одна.

С технической точки зрения, я не одна.

Но к этому позже.

Причина, по которой я оказалась в Гринвилле — проста. Я больше не могла оставаться в Нью-Йорке. Ни одного дня. Ни после всего, что было.

Дрю?

Он все еще в Нью-Йорке. Возможно, лечится от сильного похмелья. А, может, все еще пьяный. Кто знает? Не стоит переживать о нем слишком сильно. Он с привлекательной стриптизершей,

которая позаботится о нем.

Да, я сказала стриптизерша. По крайней мере, я надеюсь, это была она. Это не могла быть проститутка.

А вы думали, что мы будем жить поживать и добра наживать? Жить долго и счастливо? Ага, и я так думала. Как оказалось, долго и счастливо длилось два года.

Можете не проверять название книги. Все правильно. Вы все еще на шоу с Кейт и Дрю. Просто, все запутано. Наперекосяк. Добро пожаловать в страну Оз, Тототшка. Здесь хреново.

Что это? Думаете, я говорю, как Дрю? Долорес тоже так говорит, что он заразил меня своими ругательскими словечками. Она называет это «Дрю говорит». Думаю, после двух лет на мне это сказывается.

В общем, вижу, что вам интересно, что же произошло. *Вы так любили друг друга. Идеально подходили друг к другу.* Скажите мне это. А лучше скажите той стриптизерше.

В любом случае, хотите верьте, хотите нет, но реальная проблема не в другой женщине. Вернее, не главная проблема. Дрю не лгал, когда говорил, что всегда хотел только меня. Он хотел. И все еще хочет.

Он просто не хочет *нас*.

Все еще не понимаете? Это потому что я не совсем понятно изъясняюсь. Следует начать с самого начала. Видите ли, на прошлой неделе я узнала...

Нет, постойте. Это тоже не сработает. Чтобы вам понять, мне надо вернуться назад еще дальше.

Начало нашего конца случилось месяц назад. Начну оттуда.

За пять недель до этого

— Что ж, вот черт, похоже, мы заключили отличную сделку!

Парень в ковбойской шляпе? Подписывающий эту кучу бумаг, сидя напротив меня за столом переговоров? Это Джексон Говард старший. Молодая его версия в черной шляпе, сидящая рядом с ним? Это его сын, Джек младший.

Они разводчики крупного рогатого скота. Собственники самого большого ранчо в Северной Америке, и они только что приобрели самого инновационного разработчика программ GPS навигации в стране. Сейчас вы можете себя спросить, зачем двум уже успешным бизнесменам ездить по всей стране, чтобы расширять свою империю?

Потому что они хотят самого лучшего. А я — самая лучшая.

Или следует сказать *мы*.

Дрю забирает у него последние документы.

— Конечно, Джек. Я бы начал присматривать яхту для деловых путешествий, будь я на твоём месте. Когда твои отчеты по налогам начнут расти, твой налоговый консультант захочет списать побольше средств со счета.

Кейт и Дрю.

Команда мечты Эвансов, Райнхарта и Фишера.

Джон Эванс, отец Дрю, определенно знал, что он делал, когда свел нас вместе. И он с гордостью любит припоминать нам сей факт.

Говорит, что он знал, что Дрю и я будем непобедимой командой, если только не поубиваем друг друга. На самом деле, это был просто шанс, которым Джон хотел воспользоваться. Конечно, он не знал, что в конечном итоге мы будем вместе, как сейчас, но... он считает, что это тоже его заслуга. Начинаете понимать, откуда это в Дрю, да?

Сейчас входит Эрин с верхней одеждой наших клиентов. Она встречается взглядом с Дрю и показывает ему на часы. Он осторожно кивает.

— Предлагаю пойти и где-нибудь отпраздновать! Гульнуть хорошенько! Посмотрим, сможете ли вы городские жители обойти таких, как я! — говорит Джексон Говард.

Несмотря на то, что он приближается к семидесяти, в нем энергии, как у двадцатилетнего. И я подозреваю, что от него можно ожидать гораздо больше, чем несколько историй про бои быков.

Я открываю рот, чтобы принять приглашение, но Дрю меня перебивает.

— Мы бы с радостью, Джек, но, к сожалению, у меня и Кейт уже назначена еще одна встреча. Внизу вас ожидает машина, чтобы отвезти вас в самое лучшее заведение города. Наслаждайтесь. И, конечно, расходы мы берем на себя.

Они стояли, и Джек сделал реверанс в сторону Дрю.

— Это чертовски здорово, сынок.

— Не стоит благодарности.

Пока мы идем к дверям, Джек младший поворачивается ко мне и протягивает свою карточку.

— Было действительно приятно с вами работать, Мисс Брукс. Если вам когда-нибудь доведется побывать в наших краях, буду рад показать вам окрестности. У меня такое чувство, что Техас вам понравится. Может, вы даже захотите остаться там и пустить корни.

Да, он подкатывает ко мне. Может, вам покажется, что это грязно. Пару лет назад, я бы тоже так подумала. Как мне тогда сказал Дрю, такое часто случается. Бизнесмены хитрые, нахальные. Вроде как, такими они и должны быть.

Это одна из причин, почему в этой области третий, самый высокий, уровень супружеских измен, сразу после дальнбойщиков и полицейских офицеров. Долгие часы, частые путешествия, интрижки становятся практически неизбежными. Всем известный результат.

Мы с Дрю с этого и начинали, помните?

Но Джек младший не похож на других придурков, которые делали мне подобные предложения. Он кажется искренним. Милым. Поэтому я улыбаюсь и протягиваю руку, чтобы взять у него карточку, просто из вежливости.

Но Дрю меня опережает.

— Мы бы с радостью. У нас особо нет дел на Юге, но если будут, мы обязательно примем ваше приглашение.

Он старается вести себя профессионально, безэмоционально. Но челюсть его сжата. Конечно, он улыбается, но вы смотрели когда-нибудь *Властелин колец*? Голлум тоже улыбался.

Как раз перед тем, как откусить тому парню руку вместе с «прелестью».

Дрю по натуре собственник и за свою территорию стоит горой. Такой уж он есть.

Однажды Мэтью рассказал мне историю, как для первого дня Дрю в детском саду, его мама купила ему коробочку для ланча. С изображением Йоды⁵. На площадке Дрю не выпускал ее из рук, потому что боялся, что кто-нибудь ее сломает. Или украдет. Мэтью потребовалась неделя, чтобы убедить Дрю, что никто не возьмет ту коробку, а если и так, то вместе они смогут надрать задницу любому, кто это сделает.

В такие моменты, я начинаю понимать, как чувствовала себя та коробка.

Я по-доброму улыбаюсь Джеку младшему, и он снимает передо мной свою шляпу. И потом они выходят за дверь.

Как только она за ними закрывается, Дрю рвет карточку Джона младшего напополам.

— Кретин.

Я толкаю его в плечо.

— Прекрати. Он был милым.

Дрю бросает на меня свой взгляд.

— Ты думала, что детская любовь между Люком и его сестрой Дейзи Дьюк⁶ была милой? Правда? — он делает шаг вперед.

— Вообще то, да.

Он начинает через чур растягивать свои слова в манере Юга.

— Может, мне стоит прикупить себе ковбойские гамашы и шляпу.

Потом снова возвращается к своему акценту.

— Оооо, или лучше, мы приобретем такие тебе. Я могу стать твоим диким жеребцом, а ты будешь крутой девочкой-ковбоем, которая оседлает меня.

И, знаете, что самое смешное? Он ведь не шутит.

Я качаю головой, улыбаясь.

— Ну и что это загадочная встреча, на которую мы идем? В моем расписании ничего такого нет.

Он широко улыбается.

— У нас встреча в аэропорту.

Он достает из кармана два билета на самолет.

Первый класс, в Кабо-Сан-Лукас.

Я втягиваю воздух.

— Кабо?

У него сверкают глаза.

— Сюрприз!

За последние два года у меня было намного больше путешествий, чем за всю мою прошлую жизнь — цветущая сакура в Японии, кристальные водопады Португалии... Все то, что Дрю уже видел, места, в которых он уже бывал.

Места, которыми он хотел поделиться... со мной.

Я смотрю внимательней на билеты и хмурюсь.

— Дрю, самолет вылетает через три часа. Я ни за что не успею собраться.

Он достает из своего шкафа две сумки.

— Ну, хорошо, что я уже успел это сделать.

Я обнимаю его шею и сжимаю руки.

— Ты самый лучший бойфренд на свете.

Он улыбается такой улыбкой, от которой мне хочется одновременно его поцеловать и вlepить пощечину.

— Да, я знаю.

Отель удивительный. Такие виды бывают только на открытках. Мы на самом верхнем этаже — пент-хаусе. Как Ричард Гир в *Красотке*, Дрю приверженец «только самого лучшего».

Мы прибываем на место когда уже совсем поздно, но мы оба подремали в самолете, поэтому взбудоражены. Полны энергии.

И голодны.

В наше время все авиакомпании экономят. Даже в первом классе. Сэндвичи могут быть бесплатными, но не значит съедобными.

Пока Дрю в душе, я быстренько начинаю распаковываться. Почему мы не моемся вместе? Мне не нужно отвечать на этот вопрос, верно?

Я кладу сумки на кровать и открываю их. Многие мужчины смотрят на пустой чемодан, как на уравнение по физике — они могут часами на них смотреть, но так и не найти ответа, что с этим делать.

Только не Дрю.

Он Мистер-я-думаю-обо-всем.

Он упаковал всякие мелочи, о которых многие мужчины даже не задумываются. Все, что мне пригодится, чтобы сделать отдых комфортным и веселым.

За исключением нижнего белья. Во всех этих чемоданах нет ни одной пары трусов.

И это не ошибка.

Мой парень серьезно против нижнего белья. Будь его воля, мы бы оба расхаживали как Адам и Ева, конечно не прикрываясь листочком.

Но он взял с собой остальные принадлежности. Дезодорант, крем для бритья, косметику, противозачаточные, лосьон, другие мои антибиотики от ушной инфекции, которая была у меня на прошлой неделе, крем для глаз и так далее.

И здесь надо сделать паузу, для короткой социальной рекламы.

У меня есть несколько клиентов из фармацевтической области. И в тех компаниях есть целые отделы, которые занимаются только написанием.

Написанием чего, спросите вы? Знаете, тех маленьких вкладышей, которые идут вместе с вашим лекарством? Те самые, которые перечисляют все возможные побочные эффекты, и что вы должны делать, если какие-то из них случаются? В случае сонливости, не управляйте большими устройствами или аппаратами, сразу обратитесь к врачу и бла, бла, бла.

Многие из нас просто открывают коробочки, достают оттуда свои таблетки и выкидывают аннотацию. Многие из нас так делают... но не должны. Не собираюсь читать вам лекцию. Все, что я скажу в данный момент: Читайте аннотацию. Вы будете рады, если сделаете это.

А теперь, назад в Мексику.

Дрю выходит из ванны с полотенцем вокруг бедер, и я забываю про наш багаж. Знаете, есть мужчины, которые тащатся от сисек, другие от женских задниц? То же самое и у женщин. Я прусь от мужских рук. Есть что-то в них... сексуальное. Мужественное... во многих смыслах этого слова.

Дрю самый прекрасный из тех, кого я когда-либо видела. Подтянутый и загорелый — не слишком большой, и не слишком худой, с нормальным количеством растительности на теле. И я уверена, что начинаю пускать слюни.

А, может, все-таки меня привлекают задницы.

— Знаешь, невежливо так пялиться.

Я поднимаю свой взгляд к его глазам. Он улыбается. И я делаю шаг к нему, как пантера к своей жертве.

— Да, правда?

Дрю облизывает свои губы.

— Определенно.

По его груди стекает капелька воды.

Кто-нибудь еще испытывает жажду?

— Ну, я не хочу быть грубой.

— Боже упаси.

Как только я собираюсь наклониться к нему, чтобы слизать с него эту капельку, у меня урчит живот. Громко.

Rrrrrrr.

Дрю смеется.

— Может, стоит тебя сначала покормить. Для того, что я запланировал, тебе понадобятся силы.

В предвкушении, я прикусываю губу.

— У тебя есть планы?

— На тебя? Всегда.

Он разворачивает меня вокруг и шлепает по ягодицам.

— А теперь, тащи эту восхитительную задницу в душ, чтобы мы могли идти. Чем быстрее мы поедем, тем быстрее сможем вернуться сюда и трахаться до рассвета.

Он на самом деле не собирается быть таким грубым, как это может показаться.

Да, вы правы, наверно, собирается.

Час спустя мы направляемся на ужин. Дрю удивил меня новым платьем — белое платье-бюстье с цветочным набитым рисунком, длиной до колена. Мои волосы распущены, чуть завиты, как, я знаю, нравится Дрю.

Что касается моего бойфренда — я не могу оторвать от него глаз. На нем светлые брюки и накрахмаленная белая рубашка, верхние пуговицы расстегнуты, рукава завернуты до локтя.

Великолепен.

Мы приходим в ресторан.

Всегда считала латинскую культуру очень интересной. Музыка. Люди. Полные энергии. Веселые. Живые.

Страстные.

Все эти слова описывают место, в котором мы находимся сегодня. Здесь темно, освещение исходит только от свечей на столе и сверкающих лампочках на потолке. Небольшая группа музыкантов в углу наигрывает ударные ритмы.

Дрю на испанском просит столик на двоих.

Да, он говорит по-испански. И по-французски. Учит японский. Вы думали у него сексуальный голос? Поверьте мне, пока вы не услышите, как он шепчет всякие неприличия на иностранном языке, вы не узнаете значения слова «сексуальный».

Мы следуем за крепкой, темноволосой официанткой к столику в углу.

Теперь, не пожалейте времени и оглянитесь вокруг. Видите, все это женское внимание, которое обращено на Дрю, который всего лишь просто идет через зал? Одобряющие взгляды, приглашение в глазах?

Я замечаю, всегда замечаю.

Но есть одна вещь: Дрю не замечает. Потому что он не смотрит. Ни на одну из них.

Для вас, парни, кто считает, что простые взгляды не причиняют боли? Вы не правы. Потому что мы, женщины, не думаем, что вы просто наслаждаетесь видом. Мы считаем, что вы сравниваете нас, что вам чего-то не хватает. И это причиняет жгучую боль. Как порез бумаги на вашем глазном яблоке.

Я полностью отдаю себе отчет в том, что Дрю может заполучить любую женщину, которую только пожелает — модель из Беверли-Хиллз, богатую наследницу с Парк Авеню. Но он выбрал меня. Он боролся за меня. Так что когда мы куда-то выходим, это дает толчок чувству моей уверенности в себе.

Потому что я единственная женщина, на которую он смотрит.

Мы сидим за столом и просматриваем меню.

— Ну-ка, объясни мне, как ты умудрилась окончить колледж и высшую школу бизнеса, так и не попробовав неразбавленной текилы.

Я засмеялась, вспоминая.

— Ну, тогда в старших классах, мы иногда ходили в поход.

Вы когда-нибудь спали на бутылке из-под воды вместо подушки? Не шибко весело.

— Как-то ночью Билли и другие ребята пили текилу, и Билли проглотил червяка. А потом у него начались галлюцинации. На биологии мы как раз изучали тогда анатомию земноводных

животных, и в таком состоянии Билли решил, что он лягушка, и что Долорес собиралась вскрыть его тело. Он сбежал в лес, и у нас ушло три часа, чтобы его найти — с языком в земле. С тех пор мне не очень хотелось пробовать текилу.

Дрю качает головой.

— Это еще раз подтверждает, что я уже и так знаю. Билли Уоррен есть и всегда был, придурочным идиотом.

Я привыкла к язвительным замечаниям со стороны Дрю в адрес Билли. А в этом случае? Не так уж он и не прав.

Поэтому я ему говорю:

— Если мне не придется закусывать червяком, то я готова попробовать.

Его глаза светятся, как у мальчишки в магазине с велосипедами.

— Ты знаешь, что это значит?

— Что?

Он водит бровями вверх и вниз.

— Мне придется научить тебя пить из стопки, без помощи рук.

Хоть я и не считаю, что нужно быть пьяной, чтобы получить великолепный секс, но легкое спиртное точно не помешает.

Дрю и я едем в лифте в наш номер, мы оба более чем просто хмельные от текилы. Я могу чувствовать ее на языке Дрю — с горьковатым привкусом цитруса. Он пригвоздил меня к стенке лифта, моя юбка задрана на бедрах, и мы тремса и толкаемся друг о друга.

Я рада, что в лифте больше никого нет, хотя на этом этапе? Мне уже действительно все равно.

Мы вваливаемся в комнату.

Все еще тискают друг друга, и целуются.

Дрю захлопывает дверь и разворачивает меня кругом. Одним ловким движением он стягивает с меня платье, оставляя меня обнаженной. Остаются только туфли.

Я наклоняюсь на стол, опираясь на него локтями. Слышу звук расстегивающейся молнии, а потом я чувствую его. Скользящего своим членом между моих губ, проверяя, на сколько я влажная, на сколько я готова.

Для него я всегда готова.

— Не дразнись, — хныкаю я.

Между текилой и лифтом, я стала жутко возбужденной. Нуждающейся. Он входит медленно,

но до самого основания. И я вздыхаю.

Сейчас вот, мы все знаем старое высказывание — больше — лучше. Дрю — большой, не то чтобы мне есть много с кем сравнивать, но он в два раза больше Билли. Я же не заставляю вас там чувствовать себя неудобно, парни? Что б вы знали, именно так девушки и говорят. По крайней мере, когда вы этого не слышите.

В любом случае, это ведь не размер делает мужчину. А ритм — скорость — знание как добраться до самых чувственных мест, с правильной силой давления. Так что, когда в следующий раз увидите рекламу Членоувеличителя или Чудо-Члена?

Приберегите свои денежки. Купите вместо этого Камасутру.

Дрю хватает меня за волосы, тянет мою голову назад и начинает двигаться быстрее. Жестко и быстро. Я хватаюсь за край стола, пытаюсь удержать равновесие.

Он целует меня в плечо и шепчет мне на ухо:

— Тебе нравится, малыш?

Я издаю стон.

— Да... да... очень сильно.

Он начинает делать более сильные толчки, сотрясая стол.

И вот так, я кончаю с ужасной неконтролируемой силой. Я умираю от удовольствия. Нахожусь в невесомости.

Блаженство.

После того, как я кончаю, Дрю замедляет движения своих бедер, делая их более медленными. Он поднимает меня, прижимает к своей груди, а его пальцы бегают по моему животу вверх к моей груди, охватывая и лаская ее обеими руками.

Я завожу свои руки ему за шею, поворачивая свою голову и притягиваю его губы к своим.

Я люблю его рот, его губы, его язык. Целоваться — это целое искусство, и Дрю Эванс — Микеланджело.

Он выходит из меня и разворачивает кругом, что бы я оказалось к нему лицом. Толкаю его к кровати. Он садится на ее край, и я забираюсь на него, обнимая ногами его за пояс.

Господи, да.

Так мне нравится больше всего — грудь к груди, рот ко рту, ни миллиметра между нашими телами. Я беру его член в руки и насаживаюсь на него. Внутри у меня все растягивается от того, как он меня заполняет, а Дрю стонет. Я медленно поднимаюсь и сильно опускаюсь вниз. Проверяя на прочность пружины кровати.

Скрип.

Скрип.

Я двигаюсь быстрее. Сильнее. Наши тела скользкие от мексиканской жары.

А потом Дрю берет в руки мое лицо, пальцами водит по моей коже. Неожиданно нежно. С заботой.

Мы прижимаемся лбами друг к другу и в тусклом свете, я могу видеть, как он смотрит вниз, наблюдая за тем, как он входит и выходит из меня.

И я тоже смотрю вниз.

Это эротично. Чувственно.

Я убираю со лба его волосы.

И просто умоляю его:

— Скажи, что любишь меня.

Он не часто мне это говорит. Предпочитает показывать. Но я никогда не устану это слушать. Потому что каждый раз, как он произносит эти слова, меня переполняет удивительное чувство, как и в первый раз.

— Я люблю тебя, Кейт.

Мое лицо все еще у него в руках. Мы оба тяжело дышим — двигаемся быстрее — приближаемся к развязке. Это кажется возвышенным.

Священное единство.

Голос Дрю тихий. Запыхавшийся.

— Скажи мне, что никогда меня не оставишь.

Сейчас у него мягкий взгляд, прям жидкое серебро. Молит о заверении.

При всей его смелости и самоуверенности, мне кажется, что какую-то его часть все еще преследуют воспоминания той неделе, когда он думал, что ему я предпочла Билли. Думаю, поэтому он так старается мне доказать, как сильно он меня хочет.

Показать мне, что я делала правильный выбор.

Я нежно улыбаюсь и смотрю ему прямо в глаза.

— Никогда. Я никогда тебя не оставлю, Дрю.

Слова похожи на клятву.

Он хватается за мои бедра, приподнимая меня вверх, помогая мне двигаться.

— Боже, Кейт... — он закрывает глаза.

А наши рты открываются, дыхание переплетается. Он растягивается во мне еще больше, пульсирует, когда я сама сильно сжимаюсь вокруг него.

И мы кончаем вместе. В унисон.

После этого, руки Дрю сжимаются вокруг меня. Я прикасаюсь к его лицу и с нежностью его целую. Он откидывается назад на кровати, притягивая меня за собой, и я оказываюсь на нем. Так мы и лежим какое-то время, пока наши сердца не замедляют ритм, а наше дыхание не успокаивается.

А потом Дрю перекачивается, и я оказываюсь под ним.

И мы делаем это снова.

Глава 2

Сцена в одном из Нью-Йоркских клубов.

Громкая музыка, при которой можно вести разговор, если только ты умеешь читать по губам. Вспотевшие макаронники⁷ в своих Я-такой-сексуальный шелковых рубашках в обликку, для которых обычный вздох уже знак, что вы им заинтересовались. Невозможно длинные очереди в баре и сумасшедшие цены на разбавленную водой выпивку.

Не самое мое любимое место.

Я больше предпочитаю бары. Бутылочное пиво, музыкальный автомат, бильярдный стол — Я могу быть той еще бильярдной акулой, если понадобится.

Не то чтобы я ни разу не была на буйных вечеринках в свое время.

Что? Вы думали, что покурить план — это было единственное незаконное вещество, которым я наградила свои сосуды? Боюсь, что нет. Экстази, ЛСД, грибы — все это я пробовала.

Кажется, вы немного шокированы. Не стоит.

Вся наркотическая культура обязана своим существованием интеллектуалам из высших учебных заведений. Даже не пытайтесь убедить меня, что Билл Гейтс придумал свой Windows — эту путаницу из взаимосвязанных между собой, разноцветных путей — без помощи серьезных галлюциногенов.

Как бы то ни было, четыре недели спустя после Кабо, Дрю и я оказываемся в самом горячем на тот момент клубе. С нашими лучшими друзьями, Мэтью и Долорес. Чтобы отпраздновать их первую годовщину.

Вы не знали, что они поженились? Это было великолепно. Вегас. Надо ли рассказывать здесь что-то еще?

Долорес любит танцевальные клубы. Когда нам было по десять, ее мама, Амелия, купила ей импульсную лампу в спальню. Долорес могла часами сидеть и смотреть на нее, будто это был магический шар или картина Джексона Поллока.

Сейчас, когда я об этом думаю, это многое объясняет.

В общем, вы нас видите? Долорес и Мэтью как раз уходят с танцплощадки и направляются ко мне. Я сижу в центре модных мягких красных кресел. Дрю пошел еще за выпивкой.

Я просто чертовски устала, чтобы танцевать. Долорес, смеясь, падает на стул рядом со мной.

Я зеваю.

— Дерьмово выглядишь, Петунья.

Хорошая подруга должна говорить вам все в лицо. Может, ваш бойфренд таскается по бабам, или в этом платье видны все ваши жировые складки на талии? В любом случае, если им не хватает смелости об этом сказать? Это не лучшая подруга.

— Спасибо, Ди-Ди. Я тоже тебя люблю.

Она откидывает назад свои длинные светлые волосы, которые завиты и светятся блестками по случаю праздника.

— Я просто хочу сказать, что, глядя на тебя, тебе не помешал бы день в спа-центре.

Она права. Всю неделю я была как на износ, тот самый случай, когда тебе кажется, что на твоих плечах непосильная ноша. Вчера я даже заснула за столом.

Может, я заболеваю гриппом, который сейчас гуляет повсюду.

Долорес машет на себя рукой.

— Где шляется Дрю с этими напитками? Я умираю здесь.

Уже прошло несколько минут, как его нет, что вполне нормально для такого места.

Тем не менее, оглядываю помещение.

И тут я его нахожу глазами. У бара, с выпивкой в руках, разговаривает с какой-то женщиной.

Красивой, светловолосой женщиной с ногами длиной как весь мой рост.

На ней серебряные босоножки и расшитое пайетками мини-платье. Она выглядит... веселой. Знаете, есть такой тип женщин — прикольные девочки, с которыми парням нравится зависать, потому что они не сдерживают отрыжку и смотрят спорт. Она улыбается.

Что еще важнее — Дрю улыбается в ответ.

И вы видите, как она к нему наклоняется? Наклон ее головы? Легкое потирания бедрами?

У них был секс. Не может быть сомнений.

Сукин сын.

Это не в первый раз, когда я сталкиваюсь с прошлыми девицами Дрю. По правде говоря, это происходит практически ежедневно — официантка в Нобу, барменша в Бар и Гриль МакКарти, несколько случайных покупательниц в Старбаксе. Дрю вежлив, но отстранен, уделяя им не больше внимания, чем старой однокласснице, чье имя сложно вспомнить.

Так что обычно меня это не волнует.

Но как я сказала, эта неделя какая-то ненормальная. Усталость сделала меня нервной. Через чур чувствительной. Раздраженной.

И он все еще какого-то черта трепится с ней.

Она кладет свою руку ему на предплечье, и пещерная женщина, что засела внутри меня, колотит себя в грудь, словно Кинг Конг в юбке. Передо мной стоит пустой стакан. Помните Марсию Брэди и футбол? Как думаете, я смогу отсюда попасть в них?

Вы когда-нибудь замечали, что серийные киллеры и массовые убийцы всегда в основном мужчины? Это потому что мужчины любят распространять свой гнев повсюду. Женщины же держат всю боль в себе. Позволяют ей их терзать.

Да, я прошла курс психологии в школе.

Но суть в том, что вместо того, чтобы пойти туда и порушить все ожидания той Блондинки, чего мне и хочется, я встаю с места.

— Я иду домой.

Долорес моргает.

— Что? Почему?

Потом она видит мое лицо.

— Что придурок натворил сейчас?

Вот вам совет, если вы злитесь на важного для вас человека, не рассказывайте своим подругам. Потому что после того, как вы его простите? Они этого не забудут никогда.

Я вам рекомендую пожаловаться его семье. Они уже в курсе всех его отрицательных, эгоистичных, дурацких черт, какие только могут быть, так что вряд ли вы им откроете Америку.

Я качаю головой.

— Ничего. Я просто... устала.

Она на такое не покупается. И ее взгляд падает туда, куда все еще смотрю я. Длинноногая откидываю свою голову назад и смеется. У нее идеальные жемчужно-белые зубы. Что-то они у нее не погнили от булемии.

Пока что.

Долорес поворачивается к своему мужу.

— Мэтью, сходи заведи своего друга. Пока я не сходила. Тогда тебе понадобится швабра, чтобы собрать его.

Я упрямо вздергиваю вверх свой подбородок.

— Нет, Мэтью, не надо. Очевидно, что Дрю счастлив находиться там, где он сейчас. Зачем его этого лишать?

Глупо? Возможно.

Мэтью смотрит то на меня, то на Долорес. Потом его взгляд устремляется в сторону Дрю.

Ди-Ди так хорошо его натренировала. Она и Переводчика с Собачьего ⁸заставит чувствовать себя виноватым.

Я обнимаю ее на прощание.

— Позвоню тебе завтра.

И потом направляюсь к выходу, не оглядываясь назад.

Я никогда не жила сама по себе.

В восемнадцать я ушла из родительского дома в общежитие. На втором курсе Билли приехал ко мне и Долорес в Пенсильванию, и мы снимали в аренду большой дом без ремонта, но за пределами кампуса с четырьмя другими студентами. Крыша протекала и отопление неисправное, но арендная плата была приемлемой.

После того, как Долорес уехала в Нью-Йорк, а я все еще оставалась в Уортоне, Билли и я подыскивали себе местечко. Потом мы тоже переехали в город, ну а остальное вы знаете.

Зачем я вам это рассказываю?

Потому что я не настолько независима, как кажется. Я одна из тех женщин. Которые включают дома везде свет, если остаются в нем одни. Которые идут ночевать к своим друзьям, если их парень уехал из города.

Я никогда не оставалась одна. Никогда не была без парня. Это одна из причин, почему мы с Билли продержались так долго. Потому что я предпочитала исчерпавшие себя отношения, чем вообще никаких.

Когда я возвращаюсь домой, то иду сразу в спальню и переодеваюсь в майку и пижамные вишневые штаны. Когда заканчиваю смывать со своего лица макияж, слышу как открывается и закрывается входная дверь.

— Кейт?

Я не отвечаю.

Слышу, как он идет по коридору, и мгновение спустя Дрю оказывается в дверях ванны.

— Эй. Почему ты ушла? Я вернулся назад с выпивкой, а Долорес начала швырять в меня кубики льда, обзывая дерьмом.

Я не смотрю ему в глаза. А голос у меня отстраненный. Пренебрежительный.

— Я устала.

Почему бы мне просто ему не сказать, что меня беспокоит? Потому что в такие вот игры играют женщины. Мы хотим, что бы это вытягивали из нас. Показали, что вам интересно. Это

проверка, что бы посмотреть, насколько вы переживаете.

Дрю идет за мной в спальню.

— Почему ты не дождалась меня? Я бы поехал с тобой.

Поднимаю на него свои глаза. Лицо мое стянуто, тело напряжено, я готова к сражению.

— Ты, наоборот, был занят.

Он смотрит вниз, пряча глаза. Пытается расшифровать мои слова. Потом сдается.

— О чем ты говоришь?

Объясняю, специально для него.

— Блондинка, Дрю. В баре?

Он смеряет меня любопытным взглядом.

— А что с ней?

— Ты мне скажи. Ты ее трахал?

Дрю фыркает.

— Конечно, я ее не трахал. Я ушел через две минуты после тебя. Мы оба знаем, что обычно я держусь намного дольше. Или тебе стоит напомнить?

Нет, он не такой болван, каким кажется. На самом деле, он ведет себя даже по-умному. Пытается быть забавным. Сексуальным. Хочет отвлечь меня.

Так обычно он и поступает. И обычно это срабатывает. Но не сегодня.

— Ты когда-нибудь с ней спал?

Дрю проводит рукой себе за шеей.

— Ты действительно хочешь, чтобы я ответил?

Это большое жирное «да», на твой случай, если вам интересно.

Я всплескиваю руками.

— Конечно! Конечно, ты ее трахал. Боже упаси, если мы *хоть раз* куда-нибудь пойдем, и ты не встретишь кого-нибудь, в ком еще не побывал твой член! Не говоря уже о том, что ты и половины из них не помнишь.

Дрю прищуривает глаза.

— Так что же? Тебя бесит, когда я их не помню, или когда помню? Просвети меня, Кейт, чтобы я мог закатить тебе скандал, на который ты явно напрашиваешься.

Я беру свой крем для тела и быстро растираю его себе по рукам.

— Я не хочу скандала, просто интересно знать, почему ты ее запомнил.

Дрю пожимает плечами, и его тон становится нейтральным.

— Она модель. Ее реклама висит посреди Таймс Сквер. Довольно трудно забыть лицо, которое ты видишь практически каждый день.

И *такое* заставляет меня чувствовать себя *намного* легче.

— Очень мило. Почему ты тогда здесь? Почему бы тебе не вернуться и не отыскать свою модельку, если она так много для тебя значит?

Какая-то маленькая часть меня понимает, что я веду себя неразумно, но мой гнев, словно оползень, если уже попер, то его не сдержать.

Дрю смотрит на меня так, будто я сошла с ума, и протягивает свои руки.

— Она ничего для меня не значит. Ты это знаешь. С какого хрена ты вообще это взяла?

И потом его осеняет.

— У тебя ПМС? Не психуй, я только спрашиваю, потому что последнее время ты ведешь себя так... мне кажется прозвище Александры под угрозой.

Возможно, что он прав. У нас в старшей школе был один коридор, мы его называли крыло L, которое на переменах вечно было забито учениками. И я знала, что у меня вот-вот начнутся месячные, если проходя по этому коридору, мне хотелось воткнуть в шею карандаш тому, кто шел впереди меня.

Хотя, специально для вас, парни. Даже если ваша девушка страдает от ПМС? Не говорите ей этого в лицо. Для вас это добром не кончится.

Я беру свою туфлю и швыряю в него, попадаю Дрю как раз меж его светло-голубых глаз.

Он хватается рукой за лоб.

— Что за дерьмо?! Я просил тебя не психовать.

В любых отношениях кто-то любит поорать. Пошвырять вещи. Сломать их. У нас я такая. Но это не моя вина. Вы не можете обвинять ядерную ракету в том, что она взорвалась, после того, как были нажаты все необходимые кнопки.

Я взяла вторую туфлю и швырнула ее тоже. Дрю хватается подушку и использует ее в качестве щита. Я бросаюсь к шкафу за новыми боеприпасами, но Дрю успевает схватить меня за руку.

— Может, ты прекратишь, мать твою! Почему ты себя так ведешь?

Я смотрю на него.

— Потому что тебя даже не волнует! Я здесь расстроенная, а тебе плевать!

Он широко раскрывает глаза, в недоумении.

— Конечно, мне не все равно, это мне в голову запустили Джимми Чу⁹, как чертовы сюррикены!

— Если тебе так не все равно, то почему ты не извинишься?!

— Потому что нихрена такого не сделал! У меня нет проблем с тем, чтобы приползти к тебе на коленях, если я чего-то натворил. Но если ты думаешь, что я буду вымаливать прощение, потому что тобой овладел Гормональный Демон, то ты просто свихнулась, дорогая.

Я вырываюсь из его хватки и двумя руками толкаю его в грудь.

— Прекрасно. Просто прекрасно, Дрю. Меня больше не интересует, чем ты будешь заниматься.

Я хватаю одеяло и подушку и бросаю их ему.

— Но сегодня ты точно не спишь со мной, после того, что сделал. Убирайся!

Он смотрит вниз на простыни. Потом опять на меня. И его лицо расслабляется. Становится спокойным.

Слишком спокойным, как затишье перед бурей.

— Я никуда не пойду.

Он падает на кровать, по сторонам раскидывая свои руки и ноги, как ребенок, который рисует руками и ногами звездочку лежа на спине в снегу.

— Так уж случилось, что я люблю эту кровать. Она удобная. Уютная. У меня с ней связаны великолепные воспоминания. И это *единственное* место, где я собираюсь спать.

Спорить смысла не было, когда Дрю становился таким — упрямым, как мальчишка.

Я выдернула из-под его головы подушку, оставляя его лежать на плоской поверхности матраса, и поднять на меня свои глаза.

Он хмурит брови.

— Что ты делаешь?

Пожимаю плечами.

— Я же сказала, что не буду спать с тобой. Так что, если не ты спишь на диване, тогда буду я.

Он садится.

— Ерунда какая-то, Кейт, скажи мне, что ты это осознаешь. Мы ругаемся из-за ничего!

Я повышаю свой голос.

— Значит, мои чувства значат *ничего*?

— Я такого не говорил!

Я тычу в него пальцем.

— Ты сказал, что мы ругаемся из-за ничего, и мы ругаемся из-за того, как ты заставил меня себя чувствовать, значит, ты думаешь, что мои чувства — это ничего!

Он открывает свой рот, как рыба, хватаящая воздух!

— Ты меня запутала. Не понимаю, чего ты только что наговорила.

Я закрываю глаза. И тут мой гнев меня отпускает.

На его место приходит боль.

— Забудь, Дрю.

Как только я выхожу в коридор, его голос преследует меня.

— Какого хрена сейчас произошло?

Я слишком устала, чтобы что-то объяснять. Обычно, когда мы ругаемся, мне трудно заснуть. Слишком подзаряжена адреналином, гневом.

Но сегодня это не проблема. Я сразу же отрубилась, как только моя голова касается подушки.

Немного позже — это могло быть через три минуты, или три часа, — к моей спине прижимается теплая крепкая грудь, которая меня и разбудила. Чувствую его руку у себя на животе. Он прижимает свое лицо к моим волосам и делает глубокий вдох.

— Прости.

Видите, мальчики, это все, что нужно. Это поистине волшебные слова — способные обойти любое препятствие.

Даже ПМС.

Я поворачиваюсь в его руках, и смотрю ему в глаза.

— За что ты извиняешься?

Лицо Дрю бледнеет в поисках правильного ответа. Потом он улыбается.

— За все, что ты хочешь, чтобы я извинился.

Я смеюсь, но слова мои серьезны.

— Нет, это ты меня прости. Ты был прав, я вела себя как сучка. Ты ничего не сделал. У меня точно ПМС.

Он целует меня в лоб.

— Это не твоя вина. Во всем виновата Ева.

Я с нежностью целую его в губы. Потом в шею. Делаю дорожку из поцелуев по его груди, спускаясь вниз по его торсу, полностью проснувшись, испытывая острое желание доставить ему удовольствие. Я смотрю вверх на него.

— Хочешь, чтобы загладила свою вину?

Его пальцы проходят, я уверена, по темным кругам у меня под глазами.

— Ты устала. Как насчет того, чтобы загладить вину утром?

Я подтягиваюсь к нему ближе и прижимаюсь своей щекой к его коже. Закрываю глаза, уже готовая вернуться ко сну.

Пока голос Дрю не нарушает тишину.

— Если только... знаешь... ты, правда, *хочешь* загладить свою вину сейчас. Потому что если хочешь, я вовсе не...

Я громко смеюсь, обрывая его слова, и с головой ныряю под одеяло, медленно спускаясь вниз, чтобы загладить свою вину.

Самым любимым его способом.

Глава 3

Спустя два дня мы завтракаем за столом на кухне. Дрю любит заниматься вечерами после работы, чтобы снять стресс, накопившийся за день. Я же, одна из тех сильно раздражающих людей, которые любят совершать пробежки в пять утра. Завтрак проходит там, где мы встречаемся, обычно где-нибудь посередине. После чего, Дрю отправляется в офис, а я в душ.

— Знаешь, что я больше всего люблю в хлопьях Cookie Crisp? — смотрит он на свою ложку.

Никогда не видела, чтобы человек поглощал столько хлопьев. Клянусь, если бы я не готовила, мы бы питались только ими.

Я проглатываю свой йогурт — Dannon Light&Fit. Рекламы не врут, он на самом деле вкусный. Клубнично-банановый — самый лучший.

— Что?

— По форме они как печенки. Так что они не просто классные, но еще у меня чувство, что я мщу своим родителям за то, они заставляли меня есть чертову овсянку первую половину моей жизни.

Поэт и философ, Дрю прям человек эпохи Возрождения.

Я открываю рот, чтобы подразнить его, но тут же его закрываю, потому что мое горло, словно молнией поражает приступ тошноты. Я прочищаю горло и подношу тыльную сторону ладони к своим губам.

— Кейт? Ты в порядке?

Когда я пытаюсь ответить, мой желудок совершает такое сальто, которому бы позавидовала сама Надя Команечи¹⁰.

Меня сейчас стошнит.

А я это ненавижу.

До сих пор, если у меня кишечный вирус, я сижу на телефоне со своей мамой, которая отвлекает меня разговором от рвотных позывов.

Я не успею добраться до ванны, поэтому я бросаюсь к кухонной раковине. Пока весь мой завтрак выходит наружу, Дрю удерживает прядки моих волос, которые выбились из моего хвоста.

Мне хочется сказать ему, чтобы он ушел, но к горлу опять подступает рвота. Некоторые женщины не испытывают проблем, чтобы пойти в ванну, пустить газы или рыгнуть перед своим бойфрендом.

Я не одна из них.

Может, это глупо, но если вдруг я умру, мне не хочется, чтобы последнее воспоминание обо мне у Дрю было то, как я сижу в туалете.

Или в данном случае блюю в раковину.

У него добрый голос. Успокаивающий.

— Все хорошо... расслабься. Все в порядке.

Когда кажется, что худшее уже позади, Дрю передает мне влажное бумажное полотенце. Потом смотрит в сток раковины.

— Ну, какое разноцветное.

Мой голос хрипит.

— Я так и знала, что подхватчу грипп.

— Похоже на то.

Я качаю головой.

— У меня нет времени болеть. У меня сегодня встреча с Робинсон.

Энн Робинсон — это клиентка, которую я обрабатывала месяцами. Старая аристократка, и я делаю акцент на слове «старая». Сколько ей, девяносто пять. Если я сегодня с ней не подпишусь, то может оказаться поздно, в прямом смысле слова, чтобы подписаться с ней вообще.

— Малыш, ты больна. И я не думаю, что миссис Робинсон впечатлится, если ты блеванешь ей прямо на ее старинную брошку. Тебе повезло, что у тебя есть гениальный парень, который прекрасно держится в напряженных ситуациях. Давай мне папку, я пойду на встречу. Все будет хорошо.

Он берет меня в охапку.

— Дрю, нет...

Он меня обрывает.

— Нет. Никакого ворчанья. Не хочу этого слышать. Я уложу тебя в постель.

Я слабо улыбаюсь.

Дрю укладывает меня в постель и оставляет на прикроватном столике стакан имбирного напитка.

Кажется, он поцеловал меня в лоб, но я не уверена. Потому что уже засыпаю.

Три часа спустя, я выхожу из лифта на 40 этаже нашего офисного здания.

Мой желудок пуст, но после хорошего сна, я проснулась, чувствуя себя лучше. Свежей. Готовая захватить мир и Энн Робинсон. Я прохожу к маленькому конференц-залу и заглядываю через стекло.

Вы видите Дрю? Сидящего рядом с маленькой седой женщиной в кресле-каталке? Пока он разговаривает с ее законным представителем, который сидит с другой стороны стола, руки миссис Робинсон исчезают под столом.

И секундой позже Дрю дергается, будто получил электрошок.

Старые женщины западают на Дрю.

Это просто невероятно.

Он смеряет миссис Робинсон жестким взглядом. А она всего лишь ведет своими бровями вверх. Потом он закатывает свои глаза, перед тем, как посмотреть в сторону, но при этом замечает меня.

Дрю извиняется и выходит в коридор, его лицо светится чувством облегчения.

— Ради всего святого, слава Богу, ты здесь.

Я расплываюсь в улыбке.

— Я не знаю, кажется, миссис Робинсон наслаждается твоей компанией.

— Да, если она попытается насладиться ей еще больше, я точно приколю ее руки степлером к столу.

Потом он оглядывает меня, обеспокоенно.

— Не думай, что я не схожу с ума от радости видеть тебя, потому что так и есть. Но что ты здесь делаешь? Ты должна быть в кровати.

Я пожимаю плечами.

— Должно быть просто недомогание. Сейчас я чувствую себя хорошо.

Дрю берет в ладони мое лицо, трогает мой лоб, проверяя, нет ли у меня жара.

— Ты уверена?

— Да, в полном порядке.

Он кивает, но взгляд у него подозрительный, не совсем убежденный.

— Ладно. О, сегодня у нас ужин в доме моих родителей. Думаешь, ты сможешь пойти или мне лучше отменить?

Ужин у Эвансов всегда интересное событие.

— Думаю, я буду в порядке, чтобы пойти.

Он отдает мне папку по Робинсон.

— Ладно. Они трепещут от твоих инвестиционных стратегий. Уже все мокрые и распластались в ожидании, когда ты их прижучишь.

Его образы слегка меня отвлекают.

— Фу, как противно, Дрю.

Он невозмутим.

— Плевать, — потом он меня быстренько целует. — Иди, сделай их, красотка.

Он уходит, а я захожу в конференц-зал, чтобы заключить сделку.

Так, до вас уже начинает доходить, не так ли? Проблема, общая картина? Я знаю, это заняло какое-то время, но мы подходим к сути.

Наслаждайтесь хорошими временами, пока есть такая возможность, — они не продлятся слишком долго.

Причина, по которой я вам все это рассказываю, в том, чтобы вы поняли, почему я была так шокирована. Насколько неожиданно, неумышленно, на самом деле все это было.

Кажется, в жизни всегда так.

Вы думаете, что у вас все под контролем. Что ваш путь четко нанесен на карту. А потом, в один день, вы едете и *Бам!* Кто-то на дороге въезжает вам в зад.

И никогда такого не ожидали.

С людьми также. Непредсказуемо.

Не важно, насколько хорошо, по вашему мнению, вы знаете человека? Насколько вы уверены в его чувствах, его реакциях? Они все равно могут вас удивить.

И самым печальным образом.

Глава 4

Встречи с семьей Дрю никогда не бывают скучными. Будучи единственным ребенком в семье, семейные сборища поначалу мне казались немного удручающими. Но сейчас я к ним привыкла.

Дрю и я приезжаем последними.

Фрэнк Фишер — отец Мэтью — и Джон Эванс стоят у небольшого барчика в углу, обмениваясь биржевыми сводками. Долорес сидит на ручке кресла рядом с Мэтью и смотрит футбольную игру, пока сестра Дрю, Александра, которая «Сучка» и ее муж, Стивен, сидят на диване.

Маккензи, племянница Дрю, сидит на полу. Она изменилась по сравнению с прошлым разом, когда я ее видела. Сейчас ей шесть лет, ее волосы длиннее, а лицо уже более девичье, менее малышковое, но все равно прекрасное. Она играет с кучей кукол и игрушечной больничкой.

Мама Дрю, Энн, и мама Мэтью, Эстель, скорее всего на кухне. И если вам интересно, где овдовевший отец Стивена, Джордж Райнхарт, пока мы его не увидим.

Когда мы проходим в комнату, Стивен приветствует нас и предлагает нам обоим выпить.

Мы устраиваемся на двухместном диванчике, с выпивкой в руках и смотрим игру.

Маккензи нажимает на кнопку на одной из своих кукол, и кукольный голосок наполняет комнату.

— Нет, нет, нет! Нет, нет, нет!

Макензи склоняет голову на бок, пока смотрит на эту назойливую куклу.

— Я думаю, ты не прав, папа. Нет-Нет Нэнси вообще не похожа голосом на маму.

Комментарий привлекает внимание Александры.

— Что ты имеешь в виду, Маккензи?

За спиной у своей жены, Стивен качает головой в сторону дочери, но, к сожалению, для него, она не понимает намека.

Вместо этого она объясняет.

— Как-то раз, когда тебя не было, папочка сказал, что Нет-Нет Нэнси говорит, как ты. Но вместо нет, ты постоянно ворчишь «Не-не-не».

Все повернули головы к Александре, наблюдая за ней, как за бомбой с часовым механизмом, время которой приближается к нулю.

Он пытается мужественно разрядить ее. Улыбается и дразнит ее.

— Ты должна признать, дорогая, сходство необыкновенное...

Александра щипает его за руку. Но он напрягает свой бицепс до того, как она до него дотрагивается, всасывая в себя воздух. Она снова его щипает, уже не так шутливо.

Стивен просто хвастается.

— Ты не сможешь продать железо, малыш. Будь осторожна, не хочу, чтобы ты повредила свою руку.

Быстрее пули, Александра впивается своими пальцами в нежную кожу задней стороны его трицепса, заставляя его упасть на колени.

Дрю строит гримасу и трет свою собственную руку за компанию.

— Наверняка останется след.

Голос у Александры строгий. И решительный.

— Я не ворчу. Я добрая, заботливая, во всем поддерживающая своего мужа жена, и если бы ты просто делал то, что должен был, я бы и слова не сказала.

Он взвизгивает.

— Да, дорогая.

Она отпускает его руку и встает.

— Пойду, помогу маме на кухне.

Как только она уходит, Маккензи задумчиво смотрит вниз на свою куклу, потом опять вверх на отца.

— Вообще то, ты прав, папочка. Мама, и правда, разговаривает как Нэнси.

Стивен подносит ко рту свой палец.

— Ш-ш-ш.

Немного позже, Дрю, Мэтью, Долорес и я сидим в комнате на уроке Маккензи по игре на гитаре.

Я учу ее играть. Мне было пять, когда мой папа меня учил. Он мне сказал, что музыка — это как секретный код, волшебный язык, который всегда будет со мной. Чтобы меня поддержать, если вдруг мне станет грустно, или помочь мне радоваться, когда я была счастливой.

И он был прав.

Это урок, который, я ценила всю свою жизнь. Маленький кусочек, оставшийся от моего отца, за который я могла держаться, когда его не стало. И я рада, что могу передать это знание Маккензи.

Сейчас она играет «Twinkle, Twinkle. Little Star».

Она хороша, не так ли? Сосредоточена. Решительна. Я не удивлена, она племянница Дрю, как ни как. Когда она заканчивает песню, мы все хлопаем.

Потом я поворачиваюсь к Долорес.

— Прошлой ночью мне звонил Билли. У него отпуск на несколько недель. Он приезжает в город на следующей неделе и хочет поужинать вместе.

Сарказм стекает со слов Дрю, как шоколад с клубники.

— Говнюк приезжает в город? Как здорово! Все равно, что Рождество.

Долорес смотрит на Дрю.

— Эй, Говнюк — это мое прозвище для него. Найди себе свое.

Дрю кивает.

— Ты права. Мешок с дерьмом подходит ему больше.

Вам интересно, что стало с Банкой Плохих слов? Для тех, кто не в курсе, Банка Плохих слов была придумана Александрой, чтобы штрафовать любого — обычно Дрю — кто матерился в присутствии ее дочери. Изначально, каждое плохое слово стоило доллар, но когда Дрю и я решали свои проблемы, я убедила Маккензи поднять цену до десяти. Называйте меня мстительной.

Как бы то ни было, теперь Банкой больше не пользуются. У Маккензи есть свой счет. И поскольку она уже достаточно взрослая, чтобы писать, она записывает кто и сколько ей должен в свою голубую книжечку, ту самую, в которой она карябает прямо сейчас.

Всем нам придется заплатить, прежде чем уйти. Или же попасть на проценты.

У меня такое чувство, что однажды Маккензи станет первоклассным банкиром.

Она кладет свою книжечку и направляется назад к своей гитаре. Потом поворачивается к Дрю.

— Дядя Дрю?

— Да, милая?

— Откуда берутся дети?

Дрю нисколько не мешкаясь:

— От Бога.

Я узнала основы, когда мне было одиннадцать. Моя мама придерживалась взглядов «навсегда оставайся моей маленькой девочкой и никогда не занимайся сексом». Амелия Уоррен, наоборот, более чем хотела заполнить пробелы. Она хотела, чтобы ее дочь Доллорес и я владели информацией. И были готовы. К тринадцати годам, мы могли натянуть презерватив на банан быстрее любой проститутки.

Чтобы вы не делали, не позволяйте своим детям узнать о деторождении из «То самое видео». Узнать о тычинках и пестиках все равно, что узнать, что Санты не существует — постепенно дети об этом узнают, но это будет воспринять легче, когда это исходит от вас.

Маккензи кивает и возвращается к своей гитаре. Пока не...

— Дядя Дрю.

— Да, Маккензи?

— Ребенок растет у мамы в животике, так?

— Вроде того.

— А как... именно он туда попадает?

Дрю проводит пальцами по своим губам, обдумывая ответ.

А я задерживаю дыхание.

— Ну, ты знаешь, вот когда ты рисуешь? И ты смешиваешь голубой и красный? И у тебя получается...

— Фиолетовый!

— Отлично, да, у тебя получается фиолетовый. Вот и с детьми примерно также. Немного голубой краски от папы, немного красной от мамы, хорошо перемешать вместе, и бум — ты получаешь нового человека. Надеюсь не фиолетового, но если тетя Долорес замешана? Все возможно!

Долорес показывает Дрю средний палец за спиной у Маккензи.

Маккензи кивает. И продолжает перебирать струны. В течение целой минуты.

— Дядя Дрю?

— Даа?

— Как голубая краска от папы попадает в красную к маме?

Дрю поднимает вверх брови. Он заикается.

— Как... как она... попадает туда?

Маккензи жестикулирует своей рукой.

— Ну, да. Может доктор ей делает укол с голубой краской? Или мама глотает голубую краску?

Мэтью улыбается.

— Только если папе очень сильно повезет.

Долорес дает ему подзатыльник. Но круглые голубые глаза Маккензи продолжают смотреть на Дрю, ожидая ответа.

Он открывает свой рот.

А потом закрывает.

Потом опять начинает.

А потом останавливается.

Наконец, словно прыгая «бомбочкой» в бассейн в первый весенний день, он рискует.

— Ну... мама и папа занимаются сексом.

Совершенно точно. Александра прильнет к его. В этот раз по-настоящему. Я стану вдовой, еще не успев стать женой.

Лицо Маккензи сморщилось в замешательстве.

— Что такое секс?

— Секс это как получают дети.

Она на мгновение задумывается. А потом кивает.

— О. Хорошо.

Ух ты!

А я думала, что это выпускные экзамены в школе были сложными.

Дрю справился с этим довольно хорошо, вам не кажется? Он умеет обращаться с детьми. Что логично, потому что во многом... он сам все еще ребенок.

В комнату входит Александра. Сейчас она кажется счастливой, сейчас, когда она доказала Стивену, что его «стальное оружие» можно продать. Она вся светится.

— Чем мы тут занимаемся?

Дрю невинно улыбается.

— Разговариваем о красках.

Александра улыбается и гладит свою дочь по волосам.

Когда Маккензи добавляет.

— И сексе.

Рука Александры останавливается.

— Погоди... что?

Дрю наклоняется и шепчет мне на ухо.

— Наверно, сейчас нам стоит отсюда уйти.

Как только за нами закрывается дверь, мы слышим:

— Дрю!

И Александра больше не кажется счастливой.

Наконец, подают ужин. Сам процесс поедания пищи проходит спокойно, но во время десерта, Александра стучит своей ложкой по бокалу.

— Пожалуйста, все, можно минуточку внимания?

Она широко улыбается Стивену, а потом продолжает.

— Маккензи хочет сделать объявление.

Маккензи забирается на свой стул и заявляет:

— Мои мама и папа занимались сексом.

За столом гробовая тишина.

Пока Мэтью не поднимает свой бокал

— Поздравляю, Стивен. Это как Комета Галлея, случается раз в 75 лет?

Долорес смеется.

А Джон прочищает свое горло. Неловко.

— Это... это... очень мило, дорогая.

Потом в разговор решает вступить Фрэнк.

— Секс — это хорошо. Заставляет соблюдать режим. Я стараюсь заниматься сексом по крайней мере три раза в неделю. Не то чтобы моя Эстель настолько похотлива, но за сорок лет брака, у нее ни разу не болела голова.

Эстель гордо улыбается, сидя рядом с ним.

А Мэтью закрывает свое лицо руками.

Остальные из нас просто таращимся, с выпученными глазами, слегка открытыми ртами.

До тех пор, пока Дрю не закидывает голову назад и не начинает смеяться.

— Просто великолепно.

Он вытирает глаза, практически мокрые от слез.

Александра качает головой.

— Подождите. Есть еще кое-что. Продолжай, Маккензи.

Маккензи закатывает глаза.

— Ну, это значит, что скоро у них будет ребенок, конечно же. Я буду старшей сестрой.

Отовсюду посыпались поздравления. Энн прослезилась, когда обнимала свою дочь.

— Я так счастлива за вас, дорогая.

Дрю поднимается и с нежностью обнимает свою сестру.

— Поздравляю, Лекс.

Потом он хлопает Стивена по спине.

— Я придержу для тебя комнату для гостей, дружище.

Я не поняла.

— Комнату для гостей?

Дрю объясняет.

— Когда в прошлый раз Александра была беременной, оны вышвырнула Стивена из дома, и это было не раз, и не два, а четыре чертова раза.

Мэтью присоединяется.

— И это не считая того раза, когда она разрешила ему остаться, но выкинула все его вещи в окно.

Дрю усмехается.

— Выглядело так, будто на Парк Авеню взорвался грузовик с Барни и его друзьями¹¹. Еще никогда бомжи не одевались так хорошо.

Александра закатывает глаза и поворачивается ко мне.

— Гормоны. Из-за них случаются действительно ужасные перемены в настроении. Я становлюсь немного... стервозной... во время беременности.

Дрю скалится.

— По сравнению с остальным временем, когда ты такая милая?

Знаете, как некоторые собаки продолжают жевать вашу обувь — не важно, сколько раз вы поддавали им газетой? Они просто не могут устоять?

Дрю одна из таких собак.

Александра поворачивается к своему брату и шипит на него, как кошка на змею.

— Ты знаешь, Дрю, быть беременной? Это как получить карточку «освобождение из тюрьмы»¹² нет такого суда в стране, который мог бы меня осудить.

Он медленно пятится назад.

Я качаю на него головой, а потом спрашиваю Александру:

— Помимо этого, как ты себя чувствуешь?

Она пожимает плечами.

— Уставшая, по большей части. И рвота мучает. Большинство женщин тошнит по утрам, но меня по ночам, что просто отвратительно.

А?

Рвота.

Усталость.

Перепады настроения.

Определенно звучит знакомо.

Что? Что вы на меня так смотрите?

Нет, нет — все же знают, что самый верный признак беременности — это задержка. И мои месячные должны один... два... четыре...

Пять...

Мои месячные должны были прийти пять дней назад.

О.

Мой.

Бог.

Глава 5

Отрицание — этот навык я приобрела в молодые годы.

Не думать об этом. Не говорить об этом. Смириться с этим. Проглотить.

В ночь смерти моего отца я не плакала.

Ни когда шериф Митчелл приехал к нам и забрал нас в больницу, ни когда доктор сказал нам, что они его потеряли. Я не проронила ни слезинки, ни во время поминок, ни на похоронах.

Спасибо за ваши соболезнования.

Да, я буду сильной, ради мамы.

Вы так добры.

Через восемь дней после его погребения, мама работала в столовой внизу. Я была на кухне, пыталась открыть банку с солеными огурцами.

Я зашла в спальню родителей и позвала отца на помощь. И вот когда до меня дошло, когда я смотрела на пустую комнату. Его там не было. И больше не будет никогда. Я рухнула на пол и рыдала, как ребенок.

Над банкой с огурцами.

Именно этот навык позволил мне пережить оставшийся вечер у Эвансов. Я улыбаюсь. Болтаю. Обнимаю на прощание Маккензи. Дрю и я едем домой, занимаемся любовью.

И я ничего ему не говорю.

Вы же не кричите пожар в кинотеатре, пока не убедитесь, что там пламя.

Вы когда-нибудь смотрели *Унесенные ветром*? Скарлетт О'Хара — мой идол.

«Я не могу думать об этом сейчас. Я подумаю об этом завтра»

Таков мой план. По крайней мере, на данный момент.

Завтра наступило быстро.

И, очевидно, что у Бога нездоровое чувство юмора. Потому что куда не глянь, меня везде окружают беременные.

Вот посмотрите:

Женщина, выгуливающая собаку, которая проходит мимо меня по тротуару, регулировщица движения, женщина на обложке журнала *People* в газетном киоске, сотрудница офиса в набитом лифте, которая выглядит так, будто она контрабандой несет медицинбол под своей блузкой.

Я закрываю рукой рот и стараюсь держать дистанцию, как турист, пытающийся не подхватить свиной грипп.

Постепенно, я добираюсь до офиса. Сажусь за стул и открываю свой надежный ежедневник.

Да, я все еще пользуюсь бумажным календарем. Дрю купил мне Blackberry на рождество, но он все еще в коробке. Я не доверяю всяким устройствам, которые способны отправить всю мою работу в бездну при нажатии одной кнопки.

Я люблю бумагу. Она твердая — реальная. Разрушить ее — вам надо ее поджечь.

Обычно, я довольно дотошная. Я записываю *все*. Я — банкир, мы живем и умираем по расписанию. Но последнее время, я какая-то рассеянная, озабочена усталостью и постоянным ощущением вздора вокруг меня. Так что я упустила тот факт, что начала новую упаковку противозачаточных, но месячных после прошлой так и не было.

И говоря о противозачаточных, что с ними?

Девяносто девять процентов эффективности, ну-ну.

Та же самая статистическая погрешность тех тестов на беременность, так что я не собираюсь делать его. Вместо этого, я беру телефон и звоню в офис Доктора Роберты Чанг.

Помните тех четырех студентов, с которыми Долорес, Билли и я жили за пределами кампуса в Пенсильвании? Бобби была одной из них. Ее муж, Даниэль, был другим.

Бобби — удивительный человек. Ее родители мигрировали из Кореи, когда она была ребенком. Она маленькая — до такой степени, что одевается в детском магазине — но у нее характер Амазонки.

Еще она блестящий акушер-гинеколог. Для вас это доктор малыша.

Боб и ее муж переехали в Нью-Йорк всего несколько месяцев назад. Я не видела ее несколько лет, но у нас одна из таких дружб, что мы можем лет десять не общаться, но потом, когда, наконец, мы сходимся, все так, будто мы не пропустили и дня.

Я назначаю встречу и автоматически делаю пометку в планере.

Боб — 7.00

Закрываю книжку и кладу ее рядом с телефоном на столе. Потом я смотрю на часы и понимаю, что опаздываю на встречу.

Черт.

Хватаю папку и выхожу за дверь.

Все еще не думая об этом... на тот случай, если вам интересно.

Когда я возвращаюсь два часа спустя, Дрю сидит за моим столом, нетерпеливо тарабаня ручкой по темному дереву. Обычно мы вместе обедаем — заказываем в офис — и едим в одном из наших кабинетов.

— Эй.

Он смотрит вверх.

— Привет.

— Ты уже заказал, или ждал меня?

Он в каком-то замешательстве.

— А?

Я присела на край стола.

— Ланч, Дрю. Ты же здесь за этим, верно?

Он качает головой.

— На самом деле, я хотел договориться с тобой об ужине. В Маленькой Италии открылось новое местечко, и мне хочется пасты. Я собирался зарезервировать столик для нас на вечер. В семь.

Я застываю.

Мне не приходилось особо врать. Не со времен старшей школы, по крайней мере. Даже тогда, было не так уж много лжи. Больше... недоговорок о поступках, от которых моя мама взбесилась бы. Когда возникала необходимость соврать, я обращалась к Долорес, она была моим алиби. Сейчас ничего не изменилось.

— Я не могу вечером. Долорес устраивает девичник. Мы уже не встречались какое-то время.

Давайте сделаем паузу. Это важно.

Вы видите его лицо? Приглядитесь поближе, а то вы это пропустите.

Просто на секундочку, так вспышка удивления. Намек на злость... может боль. Потом он берет себя в руки, и его выражение возвращается к нейтральному. В первый раз я пропустила этот взгляд. Вам следует его запомнить. Оно обретет намного больше смысла часов через десять.

Голос Дрю ровный. Как у детектива, который пытается раскусить преступника.

— Ты же виделась с Долорес прошлым вечером.

У меня забулькало в животе, как конфета-шипучка, опущенная в содовую.

— Это было не так, там были все. Сегодня вечером мы будем просто вдвоем. Возьмем чего-нибудь выпить, поедим жирных закусок, и потом я вернусь домой.

Дрю встает, его движения спешные, напряженные.

— Прекрасно, Кейт. Делай, что нахрен хочешь.

Он пытается пройти мимо меня, но я хватаю его за ремень.

— Эй, не будь таким. Мы можем поужинать завтра вечером. Не злись.

Он позволяет мне подтянуть его ближе к себе, но ничего не говорит. Я улыбаюсь ему заигрывающе.

— Ну же, Дрю. Давай пообедаем вместе, а потом, после этого, ты можешь меня взять прямо здесь.

Я провожу своей рукой по его груди, пытаюсь смягчить его.

Но он не сдается.

— Я не могу. Мне надо закончить кое-какую работу. Поговорим позже.

Он целует меня в лоб, и его губы задерживаются на мне, кажется, дольше, чем обычно. Потом он отстраняется и уходит.

В Нью-Йорке есть одна вещь, от которой вы зависите. Ждать. Не письма, или доброты своего парня.

Это движение в час-пик. Никогда не подводит. Вот где я сижу прямо сейчас.

Бампер к бамперу.

Я пыталась позвонить Долорес три раза, чтобы предупредить о своей операции прикрытия, но она не отвечала. Сотовые телефоны запрещены в лаборатории. Я также не видела Дрю с тех пор, как он вышел из моего кабинета. Мне, правда, не хочется разговаривать с ним, пока я не узнаю, с чем имею дело.

Когда ты один в практически бездвижимом транспорте, на самом деле мало чем можно заняться.

Кроме как подумать.

Можете догадаться, о чем я сейчас думаю? Даже самая крепкая плотина может со временем дать трещину.

Скарлетт О'Хара покинула свой дом.

Вы когда-нибудь слышали историю об отце Долорес? Это что-то с чем-то!

Когда мы были моложе, Амелия сказала Долорес, что ее отец просто не мог жить с ними. Вот так вот просто. Но когда она стала постарше, Долорес получила полную историю.

Амелия выросла в Калифорнии. Вы можете себе это представить? Амелия — девушка с серфом — молодая и загорелая, худая и непринужденная.

Когда ей было семнадцать, она встретила парня в Санта-Монике Пьер — темные волосы, накаченные руки и глаза цвета нефрита. Его имя было Джои Мартино. У них была мгновенная «связь», и также как Джульетта до нее, Амелия влюбилась быстро и сильно.

Потом пришло время Джои уезжать, и он попросил Амелию поехать с ним. Ее мать сказала ей, что если она выйдет за дверь, то пути назад для нее не будет.

Никогда.

Амелия обняла на прощание свою маленькую сестру и прыгнула на заднее сиденье Харлея Джои. Примерно шесть недель спустя, они проезжали через Гринвиль Огайо. И Амелия поняла, что беременна.

Джои воспринял новость хорошо, и Амелия прыгала от восторга. Тогда они могли стать настоящей семьей.

Но на следующее утро, все, что она обнаружила рядом с собой — это записку. В ней было:

Было весело.

Прости.

Больше Амелия его никогда не видела.

Некоторым детям надо обжечься несколько раз, прежде чем они перестанут играть со спичками. Но Амелия никогда не была таким ребенком. Ей достаточно одного урока, чтобы научиться. С тех пор она только встречалась с некоторым типом мужчин — скромные, простые — никаких льстивых или эффектных или высокомерных. Парни, которые были совсем не похожи на Джои.

Которые совсем не похожи на Дрю.

Вот почему она его не любит.

Нет, не совсем так. Вот почему Амелия ему не доверяет.

Она отвела меня в сторону в то первое Рождество, когда она приехала вместе с моей мамой к нам. Она сказала мне не торопиться, посмотреть, как у нас будет с Дрю.

Потому что она встречала таких раньше.

Ладно, время историй закончилось.

Мы приехали.

Офисное здание Боби милое — похоже на жилой особняк с настоящей оживленной стоянкой. Сейчас тяжело передвигаться по городу, если вы вдруг не знали. Это загруженная стоянка, которая относится также к соседнему зданию. Машины приезжают и уезжают, и ищут свободное место.

Я глушу мотор и крепко вцепляюсь в руль. И делаю глубокий вдох.

Я могу это сделать.

То есть, правда — это только следующие восемнадцать лет моей жизни, правильно?

Я выбираюсь из машины и пристально смотрю на вывеску в окне здания.

РОБЕРТА ЧАНГ

АКУШЕР-ГИНЕКОЛОГ

Когда я заставляю свои ноги тронуться с места, две большие руки, появившиеся из-за моей спины, накрывают мои глаза. Знакомый голос шепчет мне в ухо:

— Угадай кто?

Я разворачиваюсь кругом, треща по швам. Проживание с кем-то, особенно во время учебы в колледже, создает связь, рожденную в совместном опыте и драгоценных воспоминаниях.

— Даниэль!

Даниэль Уолкер — это человек размером с мамонта. Он и Арнольд Шварценеггер могли запросто быть братьями. Но не позволяйте этому себя одурачить. Он как одна из тех карамелек — твердый снаружи, но с мягкой и сладкой начинкой.

Он ласковый. Щедрый. Сочувствующий.

На третьем курсе, в наш разваливающийся дом решила переехать мышка. Каждый из нас проголосовал за то, чтобы ее убить, кроме Даниэля. Он смастерил ловушку из проволоки, картона и палочек, которая заставила бы гордиться Маленьких Негодяев¹³.

И он, на самом деле, поймал этого мерзавца. И мы его оставили. В клетке, как талисман. Мы назвали его Бадом, в честь нашего любимого пива.

Даниэль заключил меня в медвежье объятие, поднял меня, и покрутил кругом. Потом поставил на ноги и поцеловал в щеку.

— Я так рад тебя видеть, Кейт. Выглядишь отлично!

Я так широко улыбаюсь, что даже лицу больно.

— Спасибо, Даниэль. Ты тоже. Ты нисколько не изменился. Как дела?

— Не жалуясь. Все хорошо, дел много. Все еще прохожу собеседования в больницах.

Даниэль — анестезиолог. Когда есть возможность, они с Боб работают вместе. Как я и Дрю.

Он продолжает.

— Но практика Боби сейчас процветает, так что я сейчас мальчик на побегушках.

Он поднимает вверх пакет с китайской едой.

От запаха у меня в животе все сворачивается, что не очень приятно. Я тяжело сглатываю.

Он обнимает меня за плечо, и мы болтаем несколько минут. Об их переезде, о Долорес и Билли. Я рассказываю ему о Дрю и, как мне хочется встретиться всем вчетвером как-нибудь за ужином.

И тут я слышу громкий звук тормозов по асфальту.

Мы оба поворачиваемся и смотрим, как задние огни скоростной машины исчезают за стоянкой.

Дэниэль качает головой.

— А я думал, что это в Филадельфии водители ненормальные.

Я усмехаюсь.

— О, нет. У Нью-Йоркцев монополия на ненормальное вождение. И сумасшедших бейсбольных фанатов. Не носи здесь свою футболку с командой Филли, это может закончиться кровопролитием.

Даниэль смеется, и мы заходим в здание.

Что ж, теперь это официально.

Жизнь, которую я знала, кончена.

Я беременна. Залетела. Обрюхателась. Я не слишком удивилась. Просто надеялась, что ошибалась.

По словам Боби, виноваты мои антибиотики. Они стал причиной уменьшения эффективности противозачаточных таблеток.

Так что теперь вы понимаете, что я имела в виду, когда говорила о тех брошюрах? Читайте их. Изучайте их. Живите по ним.

Сейчас еще рано делать ультразвук, так что мне надо вернуться сюда через две недели. И каждый день мне нужно принимать витамины для беременных, которые такие здоровые, что ими может подавиться сам слон.

Везет мне.

Я паркую свою машину в гараже, но я не поднимаюсь в квартиру. Одна из лучших сторон жизни в большом городе — это то, что всегда поблизости есть место, которое открыто, чтобы пойти куда-нибудь, где есть люди.

Я вышла на тротуар и прошла несколько домов, пытаюсь прочистить голову. Пытаюсь решить, какого хрена я сейчас должна делать.

Если вам интересно, почему я не выгляжу счастливой, это потому что я не счастлива. Вы должны понять, я никогда не была *такой* девочкой. Я не играла в куколки, я играла с кассовым аппаратом своих родителей. Когда другие дети рвались в детский магазин? Я хотела пойти в магазин офисных товаров.

Даже до того, как я начала жаждать финансовой независимости, мои мечты крутились вокруг офисных зданий и столов, а не колыбелек и колясок. Не то чтобы я не хотела детей. Я просто не хочу их *сейчас*. Сейчас не было частью плана.

А потом ведь еще есть Дрю. Он любит меня, я знаю. Но беременность меняет вещи. Она означает растяжки, отвисшую грудь и бессонные ночи. Никаких больше сексуальных марафонов.

Он с ума сойдет. Это точно.

Я сажусь на скамейку и смотрю на проезжающие мимо машины.

Потом мое внимание привлекает голос справа.

— Кто хороший мальчик? Эндрю! Мой милый мальчик.

Это женщина с мягкими светлыми волнистыми волосами и темными глазами, примерно моего возраста. И она держит на руках слюнявый сверток.

Вы верите в знаки? Я нет.

Но моя бабушка верила. Она была удивительной женщиной — уважаемый археолог, которая проводила обширные исследования южных племен Коренных Американцев. Я боготворила свою бабушку. Однажды она сказала мне, что повсюду нас окружают знаки. Которые направляют нас по правильному пути, навстречу нашей судьбе. Нашей участи. Что все, что нам нужно сделать — это открыть свои глаза и наши сердца, и мы найдем свой путь.

Так вот я наблюдаю за молодой мамой и ее ребенком. А потом к ним подходит мужчина.

— Эй, прости. Я опоздал. Чертово совещание затянулось.

Я так понимаю, это ее муж. Он целует ее. Потом забирает у нее сверток и поднимает над своей головой.

— Вот он мой парень. Привет, приятель.

И его улыбка такая теплая, такая красивая, у меня в прямом смысле захватывает дух. Золотая парочка нежно склоняется друг к другу, ребенок находится между ними, притягивая их друг к другу, как магнит.

Чувствую себя вуайеристом, но это такой прекрасный момент, что я не могу отвести глаз.

И вот тогда-то меня и осеняет. Я не просто беременна. У меня будет *ребенок*. Дрю и я сделали *ребенка*. Абсолютно нового человека.

И у меня в голове возникает образ. Такой четкий. Такой совершенный.

Темноволосый маленький мальчик, с гениальной улыбкой Дрю и моим блистательным характером. С частичкой каждого из нас.

Самыми лучшими частичками.

Я думаю о том, как прошлым вечером Стивен смотрел на Александру, когда они сообщили великую новость. Я представляю, как Дрю смотрит на меня и думает, что я этого не замечаю. И то, как он прижимается к Маккензи, когда она засыпает рядом с ним на диване. Я помню замечательные ощущения, когда учу ее играть на гитаре.

И как удивительно было бы научить малыша... всему. У Дрю будет маленький, которому он будет показывать ему разные вещи — как играть в шахматы, или баскетбол.

И как выразаться на четырех разных языках.

Дрю не Джои Мартино. Его семья значит все для него.

Я значу все для него.

И я ночью его ребенка. *Боже мой*. Должно быть, гормоны беременности меня переполняют, потому что мои глаза наливаются слезами, которые текут по моим щекам. Слезы счастья.

Потому что все будет в порядке.

Может у меня появятся растяжки, но это Нью-Йорк — столица пластической хирургии всего мира. И, конечно, есть вещи, которые мне нужно завершить на работе. Я так и сделаю. Потому что Дрю будет со мной, чтобы мне помочь. Чтобы меня поддержать. Как он и поступал, с тех пор, как я встретила его.

Он будет в восторге, как ребенок, получивший в рождественское утро неожиданный подарок. Сначала он будет в шоке, но разве вы не можете просто представить его? Ликующий. Вне себя от радости.

— Простите, мисс, с вами все в порядке?

Наверное, я плакала, громче, чем предполагала, потому что отец малыша смотрит на меня обеспокоенно.

Я смущенно вытираю свои щеки.

— Да, я в порядке. Я просто... — я гляжу на их ребенка. — Он такой красивый. Вы все такие красивые.

Я снова начинаю рыдать, а мама отступает на шаг назад.

Класс. Теперь я сумасшедшая дамочка на лавке.

Она спрашивает:

— Может нам кому-нибудь позвонить?

Я делаю вдох и беру себя в руки. А потом улыбаюсь.

— Нет. Я в порядке. Правда. Просто... я жду ребенка.

Вот.

Я это сказала.

Конечно, я это сказала двум абсолютным незнакомцам, что само по себе не очень, но тем не менее. Напугана ли я? Конечно, напугана. Но я никогда не бегу от испытаний в своей жизни, почему я должна начинать сейчас?

— Что ж, поздравляем, и удачи вам, мисс.

— Спасибо.

Семья разворачивается и уходит по улице вместе. Когда я смотрю им вслед, мое внимание привлекает вывеска магазина справа. Это магазин товаров с символикой Янки, и в витрине висит малюсенькая футболочка с надписью БУДУЩИЙ ЯНКИ ПИТЧЕР. И тут мой восторг расцветает, словно цветок в тропическом лесу.

Потому что теперь я знаю, как рассказать Дрю.

Глава 6

Что вы знаете об ЭСВ? Экстрасенсорное восприятие; знание того, что должно произойти, еще до того, как это произойдет. У нас у всех есть чуть-чуть этого — просто мы не используем девяносто процентов нашего мозга.

Это те разы, когда ты сидишь в машине и думаешь о песне, которую давно не слышал, и тут она начинает играть по радио. Это когда утром ты вспоминаешь о старом друге, а в обед звонит телефон, и это и есть тот друг, о котором ты думал.

Я никогда особо не верила в такие вещи. Но когда продавец магазина отдал мне сдачу за маленькую футболку, где-то в глубине у меня зародилось чувство беспокойства.

И это не были обычные бабочки в животе. Оно было назойливым. Отчаянно тревожным, словно вы забываете оплатить кредитный платеж.

Мне надо было попасть к Дрю. Надо было поговорить с ним — рассказать ему — и это надо сделать сейчас. Я быстро пошла по улице. Что ж так быстро, насколько это было возможно на трехдюймовых каблуках.

Волнение нарастало во мне с каждым моим шагом, приближающемся к нашему зданию.

В то время как я добралась до дома, я была на грани. Но, сейчас, оглядываясь назад, я думаю, это было что-то еще.

Предчувствие.

К тому времени, как я оказалась у двери в квартиру, мои колени дрожали и ладони вспотели. Потом я взялась за ручку...

Если у вас слабый желудок? Возможно, вам не захочется на это смотреть.

Не очень приятно.

Я шагнула в квартиру. Свет выключен. Я кладу свои ключи на стол и снимаю пальто. Нажимаю выключатель на стене, заливая комнату светом.

И вот когда я его вижу.

Их.

Дрю стоит посреди нашей гостиной, его рубашка расстёгнута, обнажая грудь по которой я водила своими пальчиками тысячу раз. Теплая, бронзовая кожа, к которой я так любила прикасаться. В одной руке у него была наполовину выпитая бутылка Джек Дэниэлса. А другая рука спрятана. Погружена.

В копну волнистых рыжих волос.

Она полная противоположность мне. Тонкие распущенные рыжие волосы, груди размером с арбуз, торчащие в своей фальшивости. Она высокая, ростом с Дрю, даже без босоножек. Губы у нее красные и сочные, такие пухлые, что сама бы Анжелина Джоли позавидовала.

И эти пухлые красные губы двигаются поверх рта Дрю.

Хорошо целуются. Действительно хорошо, используют не только свои губы. А все свое тело — их языки, их руки, их бедра.

Дрю хорошо целуется.

Но мне никогда не доводилось понаблюдать за ним со стороны. Я никогда не видела, как он целует других. Потому что я всегда выступала со стороны получателя. Была целуемой.

Но сейчас все иначе.

Я стою там — потрясенная. Смотрю. И хотя это длится всего несколько секунд, кажется, будто целая вечность.

В аду.

Потом Дрю отстраняется. И словно он знал, что я все это время была там, его глаза мгновенно находят мои. У него тяжелый взгляд. Беспощадный.

А его голос такой холодный, как сталь у уличных ворот во время снежной бури.

— Посмотрите, кто вернулся домой.

Большинство женщин представляют, как они отреагируют, если застанут своего парня или мужа за изменой. Что они скажут. Насколько грубо.

Справедливо и негодуяще.

Но когда это происходит на самом деле? Когда это не просто предположение? Все эти эмоции просто отсутствуют.

Внутри все онемелое.

Мертвое.

И мой голос не что иное, как шепчущее заикание.

— Что... что ты делаешь?

Дрю пожимает плечами.

— Просто немного веселюсь. Я подумал, почему только тебе одной можно?

Я слышу эти слова, но я не понимаю их. Я прищуриваю глаза, а голову чуть наклоняю в стороны, как сбитая с толку собака.

Дрю отступает от рыжей и делает глоток из бутылки. Он морщится, когда проглатывает.

— Ты, кажется, в замешательстве, Кейт. Я объясню. Первое правило лжи — это придумать надежное алиби. Видишь ли, прямо сейчас, Мэтью и Долорес в самолете на пути в Вегас. Мэтью несколько недель планировал эту поездку — сюрприз в качестве второго медового месяца. Так что я знаю, что сегодня днем все это было дерьмо. Мне просто надо было убедиться, ты действительно пойдешь на это. Так что я проследил за тобой. Спасибо GPS.

В прошлом году, женщина по имени Кейси Данкин пропала после прогулки с друзьями по городу. Это было во всех новостях. Полиция смогла проследить ее телефон в заброшенный склад в Бруклине, и хотя она была сильно избита, она все равно выжила. На следующий же день Дрю и я установили подобную программу себе на телефоны.

— Ты следил за мной?

Он проследил за мной до офиса Боб. Он знает, куда я ходила. Значит ли это ...

— Да. Я знаю, где ты была. Я знаю все. Я, нахрен, видел тебя.

Он знает... Дрю знает, что я беременна.

И, очевидно, что он не в восторге.

Голос мой становится громче, когда я говорю, выигрывая время.

— Ты знаешь? — Я показываю на женщину, которая наблюдает за нами, словно мы ее собственная мыльная опера. — И *это* вот так ты реагируешь?

Дрю в замешательстве.

— Ты вообще меня знаешь, черт бы тебя побрал? Как ты думаешь, я бы отреагировал?

Я уже видела Дрю раздраженным до этого.

Безрассудным.

Разочарованным.

Это... жестоко.

Он спрашивает меня:

— Ты даже не собираешься этого отрицать? Заставить меня думать, что я в бреду?

На мгновение его лицо морщится. И он выглядит... страдающим, будто жертва пыток, которая вот-вот расколется.

— Ты даже не собираешься мне сказать, что я ошибаюсь, Кейт?

Он моргает, и мучительный взгляд исчезает. И я практически уверена, что я себе его придумала.

Попытка выдать желаемое за действительное.

Я складываю руки у себя на груди.

— Я не собираюсь обсуждать это с тобой в присутствии зрителей.

Дрю упрямо сжимает челюсть.

— Ты собираешься это прервать?

Мои ноги, сами по себе, отступают от него назад.

А руки в защитном жесте падают на живот.

— Что?

Он повторяет свои слова, приходя в нетерпение от моего шока.

— Я сказала, ты собираешься с этим покончить, мать твою?

В политических взглядах, Дрю «за выбор». Несмотря на свое католическое воспитание, он уважает и любит женщин в своей семье намного сильнее, чтобы позволить какому-нибудь старику в Конгрессе США диктовать, что они могут или не могут делать со своим телом.

Но с эмоциональной точки зрения — моральной — я всегда думала, что он был «за жизнь», то есть против абортов. И тот факт, что он стоит здесь, и говорит мне избавиться от ребенка,

нашего ребенка, просто... невыносим.

— У меня... у меня не было времени подумать об этом.

Он горько усмехается.

— Что ж, тебе лучше начать думать, потому что до тех пор, пока это твое маленькое неблагоразумие не уйдет со сцены? Я даже не хочу смотреть на тебя, не говоря уже о том, чтобы *что-то* обсуждать.

Его слова ударили по мне, как шквал ветра в холодный день. После которого нечем дышать.

Дрю не Джои Мартино.

Он хуже.

Потому что заставляет меня выбирать. Ставит мне ультиматум. Как это было с Билли.

Какого хрена, о чем он вообще думает — *мое* неблагоразумие? Как будто это допустила только я сама?

А потом я осознаю — его злость. Его мстительность. Все начинает обретать смысл.

— Ты думаешь, я это *спланировала*? Что я сделала это специально?

Он улыбается, и даже глухой услышал бы в его словах сарказм.

— Нет, конечно, нет. Такие вещи *просто случаются* иногда, так? Даже если ты не собираешься их делать.

Я открываю рот, чтобы поспорить, чтобы объяснить, но хихиканье стриптизерши меня прерывает. Я смотрю на нее.

— Убирайся из моего дома, пока я не вышвырнула тебя отсюда вместе с остальным мусором.

В ситуациях, как эта? Женщины могут порубить друг друга быстрее, чем продавцы елок в канун рождества. Но это не потому что мы мелочные. Или коварные.

Это потому что легче сорваться на безымянную женщину, чем признать, что настоящая вина лежит на мужчине, который должен был любить тебя. Который должен был быть преданным. Верным.

А не был.

Она говорит:

— Прости, сладкая, но не ты платила за это шоу. Я иду туда, куда мне говорит тот, кто платит.

Дрю обнимает ее за талию и гордо улыбается.

— Она никуда не уходит. Мы только начали.

Я нахожу в себе силы приподнять вверх одну бровь. И пытаюсь нанести свой удар.

— Теперь ты за это платишь, Дрю? Как это жалко.

Он скалится.

— Не обманывай себя, дорогая. Я платил за это последние два года тоже. Ты просто обходилась чуть дороже, чем обычная шлюха.

Я должна была знать. Спорить с Дрю, это все равно, что иметь дело с террористом. У него нет границ, ничего запретного. Нет такого дна, на которое бы он не опустился, чтобы не победить.

Потом он выглядит задумчивым.

— Хотя, я должен сказать, несмотря на то, как все обернулось, ты стоила потраченных денег. Особенно та ночь, возле кухонной раковины, — он подмигивает, — стоит каждого цента.

Я умираю. Каждое ужасное слово режет по мне, словно лезвием по коже. Вы видите кровь? Сочится от каждого жестокого слова. Выходит из меня, причиняя еще больше боли.

Вы выглядите удивленными. Не стоит.

Дрю Эванс не сжигает мостов. Он подкладывает под ними динамит. Уничтожающий этот мост, горы, которые он соединяет и все вокруг, чему не посчастливилось быть в радиусе пятидесяти миль.

Дрю ничего не делает наполовину. Почему мое разрушение должно быть другим?

Я разворачиваюсь, чтобы пройти по коридору, прежде чем я рассыплюсь перед ним, как египетская пирамида.

Но он хватает меня за руку.

— Куда ты идешь, Кейт? Побудь здесь, может, обучишься новому трюку.

Вы знаете, как характер может делать человека привлекательнее? Как, например, парнишка в старшей школе, который, не смотря на отсутствие мышц и угревую сыпь болтается вместе с популярной толпой? Потому что он рассказывает самые смешные шутки и самые интересные истории.

Я бы хотела, что бы это работало в обратном направлении. Я бы хотела сказать, что слова Дрю по волшебству превратили бы его лицо в такое же чудовище, каким он звучал.

Но я не могу так сказать.

Посмотрите на него.

Я представляю, что именно так и выглядел Люцифер, когда Бог сбросил его с небес. Рассерженный и сломленный.

Но по-прежнему до боли прекрасный.

Я высвобождаю свою руку. А голос мой громкий, почти истеричный.

— Не трогай меня! Больше никогда не прикасайся ко мне!

Он медленно улыбается, само спокойствие. Вытирает свою руку о брюки, как будто он только что держался за что-то грязное.

— Для меня это, действительно, не будет проблемой.

Меня сейчас стошнит. Вырвет прямо на его черные туфли Бруно Магли.

И это никак не связано с моей беременностью.

Я иду по коридору, заставляя себя идти пешком. Потому что я отказываюсь позволять Дрю видеть, что я от него убегаю.

Я едва успеваю добраться до ванны.

Падаю на колени и крепко хватаюсь за унитаз. Ногти ломаются, а мои костяшки белеют. Желудок сжимается, и я делаю яростные вдохи. Кровь стучит в ушах, и кислота разжигает горло.

Я кашляю и всхлипываю, но мои глаза сухие. В них нет слез.

Пока нет. Это будет позже.

Как он может так поступать? Он сказал мне, что никогда... и я доверяла ему. Когда он говорил, что любит меня. Когда обещал, что никогда меня не обидит.

Я верила ему.

Мы никогда не говорили о том, чтобы завести детей. Мы также никогда не говорили о том, чтобы их *не* заводить. Но если бы я знала, что он воспримет это так, я была бы более осторожной. Я бы никогда...

Господи.

Послушайте меня. Мой бойфренд сейчас в гостиной с другой женщиной у него на коленях, а я сижу здесь, размышляя о том, чего бы я сделала, чтобы такого не случилось?

И я называла Дрю жалким.

Когда у меня в желудке уже ничего не осталось, я тащу себя к раковине и смотрюсь в зеркало. В ответ на меня смотрят запачканные щеки и глаза с красными под ними кругами на лице, которое я не узнаю.

Сбрызгиваю лицо холодной водой, снова и снова. Дрю может разорвать меня на части, превратить меня в трясущуюся массу стыда и угрызения совести, но скорее ад замерзнет, чем я позволю ему увидеть тебя такой.

Я ковыляю в спальню, вытаскиваю из шкафа спортивную сумку, и машинально скидываю туда первые попавшиеся под руку вещи. Мне надо убраться отсюда. От него. От всего, что напоминает мне о нем.

Я знаю, что вы думаете. *«Твоя карьера, все, над чем ты работала — ты все это выбрасываешь на помойку»*

И вы правы. Я так и делаю. Но ничего из этого больше не имеет значения. Это как... как те бедные люди, что выпрыгивали из башен 11 сентября. Они знали, что их это не спасет, но от огня было слишком жарко и им нужно было что-то делать, *хоть что-то*, чтобы спастись от боли.

Я закрываю молнию на сумке и закидываю ее на плечо. Потом прислоняюсь к двери и дышу. Один раз. Два. Три. Я могу это сделать. Мне просто нужно дойти до двери. Всего лишь с десяток шагов.

Я иду по коридору.

Дрю сидит на диване, ноги расставлены, глаза на танцующей женщине, двигающейся перед ним, бутылка Джека рядом с ним. Я всматриваюсь в его лицо. И на какой-то момент, я позволяю себе вспомнить.

Потосковать.

Я вижу его улыбку, в тот первый вечер, в баре, такую по-мальчишески очаровательную. Чувствую его губы, его прикосновения, первую ночь, когда мы занимались любовью, здесь, в этой квартире. Весь накал и потребность. Я переживаю заново каждое нежное слово, каждый момент любви с того времени.

И все это я прячу под замок.

В стальной коробке, которую запихала в дальний угол своего сознания. Чтобы открыть позже. Когда я смогу развалиться на части.

Я вошла в комнату и остановилась в нескольких футах от дивана.

Рыжая продолжает танцевать, но я не смотрю на нее. Я не отвожу взгляда от лица Дрю.

Голос мой суровый. Небрежный. Но на удивление решительный.

— Я сыта по горло. Тобой, всем этим. Не вздумай выследить меня через неделю и сказать мне, что ты сожалеешь. Не звони мне, чтобы сказать, что ты передумал. Все. Кончено. И я больше никогда не хочу тебя видеть.

Сколько родителей говорили своим детям-подросткам, что они наказаны навечно? Сколько подростков отвечали, что они больше никогда не будут с ними разговаривать?

Кончено. Навсегда. Никогда.

Такие громкие слова. Такие последние.

Такие пустые.

На самом деле мы не имеем их в виду. Их говорят просто так, когда ищут какой-то реакции. Молят об ответе. Правда в том, что если бы Дрю пришел ко мне завтра, или через месяц, или через полгода, и сказал мне, что совершил ошибку? Что хочет меня вернуть?

Я бы тут же приняла его назад.

Теперь вы видите, о чем я говорила ранее? Я не сильная женщина.

Я просто очень хорошо претворяюсь. Голос Дрю резкий:

— Звучит отлично, — он поднимает бутылку в качестве тоста, — вонючей чертовой жизни тебе, Кейт. И закрой там дверь на замок, я больше не хочу, чтобы мне мешали.

Я бы хотела сказать вам, что он в замешательстве. Что на его лице была капля сожаления, что в его глазах промелькнула тень печали. Я бы осталась, если заметила это.

Но его лицо ничего не выражало. Безжизненно, как у темноволосой куклы Кена.

И мне хочется кричать. Встряхнуть его, залепить ему пощечину, разнести все вокруг. Я этого хочу, но не делаю. Потому что если вы попробуете ударить кирпичную стену? Все, что у вас получится, это сломать себе руку.

Так что я поднимаю свою сумку и задираю вверх подбородок. И потом выхожу за дверь.

Глава 7

Определение характеристик личности типа А означает наличие целей и наличие стратегий для достижения этих целей. Я определенно тип А.

Планирование — это моя религия; Список дел — моя библия.

Но когда я добираюсь до середины вестибюля здания, которое было моим домом в течение последних двух лет, я понятия не имею, что делать дальше. Не знаю куда пойти.

И это страшно. Чувство невесомости — как астронавт, когда ему перерезают крепление, и он плывет в открытом космосе. Одинокий. Обреченный.

Моя жизнь вращается вокруг Дрю. И я никогда не думала, что мне потребуется план на случай непредвиденных обстоятельств.

Сначала у меня начинают трястись руки, потом плечи, потом колени. Сердце бьется быстрее, и я начинаю задыхаться.

Это адреналин. Реакция «бей или беги» — удивительный феномен. Это необдуманное действие — движение без разрешения мозга.

У меня это в полном разгаре. Каждая моя конечность взывает меня к движению. *Иди. Моему телу все равно куда, лишь бы отсюда. Беги, беги, как можно быстрее, ты не можешь меня поймать, я Пряничный Человек.*

Пряничный человек был везунчиком. У него был кто-то, кто за ним бежал.

— Мисс Брукс?

Сначала я его не слышу. Звук моей собственной паники слишком оглушительный, как тысяча летучих мышей в закрытой пещере.

Потом он прикасается к моей руке, удерживая меня, спуская меня назад на землю.

— Мисс Брукс?

Седоволосый мужчина с обеспокоенными зелеными глазами и щегольской черной кепке?

Это Лу, наш швейцар.

Он приятный дядька, женат двадцать три года, две дочери-студентки. Вы когда-нибудь замечали, что всех швейцаров зовут Лу, или Гарри, или Сэм? Как будто их имя как-то предопределяет их род деятельности?

— Могу я для вас что-то сделать?

Может ли он для меня что-то сделать?

Лоботомия была бы сейчас очень кстати. Ничего такого, всего лишь нож для колки льда и топор и я стану счастливым членом клуба чистого разума.

— Вы в порядке, Мисс Брукс?

Знаете ту поговорку, «Лучше любить и потерять, чем не любить вообще никогда»?

Вздор. Кто это сказал, ничего не знал о чертовой любви. Лучше уж игнор, это безболезненно.

А вот узнать совершенство, прикоснуться к нему, дышать им каждый день, а потом у тебя это отбирают? Потеря — это агония. И каждая частичка моего тела теперь болит.

— Мне надо... Я должна идти.

Да, это мой голос. Ошеломленная и смущенная его версия, как у жертвы крупной автомобильной аварии, которая беспрестанно повторяет любому, кто будет слушать, что свет был зеленый.

Это не должно было так закончиться. Это не должно было кончаться вообще. Он написал это в облаках для меня, помните?

Навечно.

Лу смотрит на сумку на моем плече.

— Вы имеете в виду в аэропорт? Вы опаздываете на рейс?

Его слова отдаются эхом в бездонной жалости, в которую сейчас превратился мой разум.

Аэропорт... аэропорт... аэропорт... рейс... рейс... рейс.

Когда пациенты с синдромом Альцгеймера начинают терять память, сначала они помнят самое раннее. Старые воспоминания — адрес дома, в котором они выросли, имя своей учительницы — такие воспоминания остаются навсегда, потому что они прочно заседают. Настолько сильно становятся частью человека, что информация по большей части на уровне инстинкта, как умение глотать.

Сейчас преобладают мои инстинкты. И я начинаю планировать.

— Да... да, мне надо попасть в аэропорт.

Вы что-нибудь знаете о волках? Они вьючные животные. Семейные.

За исключением того, когда они ранены.

Если такое случается, раненый волк уходит в ночи один, чтобы не привлечь предателей. И он идет к последней пещере, которую оккупировала стая. Потому что она знакома. Безопасна. И он остается там залечивать раны.

Или умирать.

— Лу?

Он поворачивается ко мне от дверей.

— Мне нужна бумага и ручка. Мне надо отправить письмо. Можете отправить его за меня?

Нью-Йоркские швейцары не просто открывают двери. Они курьеры, почтальоны, охранники и мальчишки на побегушках.

— Конечно, Мисс Брукс.

Он дает мне чистый листок бумаги и шариковую ручку. Потом он выходит наружу, чтобы поймать мне такси. Я сажусь на скамейку и быстро пишу. Любой мальчишка девяти лет вам скажет, что это лучший способ сорвать пластырь.

Смахивает на предсмертную записку. В какой-то степени, так и есть.

Для моей карьеры.

Мистеру Джону Эвансу:

В связи с непредвиденными личными обстоятельствами, я больше не смогу выполнять условия моего контракта с Эванс, Райнхарт и Фишер. Настоящим уведомляю о своем увольнении без предупреждения.

С сожалением,

Кэтрин Брукс.

Оно холодное, я знаю. Но профессионализм, это единственное оружие, что у меня осталось.

Знаете, для девочки есть что-то особенное в одобрении ее отца. Может, это какой-то эволюционный пережиток времени, когда дочери считались за собственность, которую можно было обменять или продать за высокую цену. Независимо от причины, одобрение отца важно, имеет больший вес.

Когда мне было десять, Гринвильский отдел Парка и Отдыха проводил соревнования Малой Лиги. Не имея сына, в которого можно было вложить свои бейсбольные мечты, мой отец проводил время, отрабатывая приемы игры на мне. Все равно я была девчонкой-сорванцом, так что это было не тяжело.

И в том году, мой отец решил, что я была слишком хороша, чтобы играть с девочками в мяч. Мальчишеская лига была более подходящей задачей.

И я в это верила. Потому что он в это верил.

Потому что он верил в меня.

Билли шутил надо мной; сказал, что сломает мне нос. Долорес приходила смотреть и красила свои ногти на трибуне. Я вошла в команду. И к концу сезона, у меня был самый лучший счет по подачам во всей лиге. Мой отец так гордился, он поставил мой трофей рядом с кассовым аппаратом в кафе и говорил об этом всем, кто хотел слушать. И даже тем, кто не хотел.

Три года спустя его не стало.

И меня это сломало, как слепого, который до этого мог видеть, я точно знала, чего лишилась. Я больше никогда не играла в бейсбол.

Потом позже, я повстречала Джона Эванса. Он выбрал меня — избрал меня — из тысячи претендентов. Он подпитывал мою карьеру. Он гордился каждой сделкой, что я заключила, каждым успехом.

И на какой-то момент, я знала, какого это снова почувствовать, что у тебя есть отец.

И Джон привел меня к Дрю. И наши пути переплелись, как плющ вокруг дерева. Знаете, как это бывает — его семья стала моей семьей, и все, что шло в придачу. Нежные наставления Энн, опека Александры, шуточки Стивена, дразнилки Мэтью... сладкая Маккензи.

И теперь я потеряла их тоже.

Потому что хоть я и не думаю, что они согласятся с тем, что сделал Дрю, как он поступил со мной, вы знаете поговорку: Кровь гуще воды. Так что в конечном итоге, не важно, каким отвратительным они посчитают выбор Дрю, они не примут мою сторону.

— Мисс Брукс, ваша машина снаружи. Вы готовы?

Прежде чем запечатать письмо, я царапаю два слова под подписью. Так жалких непригодных слова.

Мне жаль.

Потом я заставляю свои ноги подняться, и передаю Лу подписанный конверт. Я иду к двери.

Позади я слышу звуковой сигнал лифта. И я останавливаюсь и поворачиваюсь к большим позолоченным двойным дверям.

Я жду.

Надеюсь.

Потому что так обычно бывает в фильмах, не так ли? *Нечто замечательное, Девушка в розовом*, и любой другой фильм Джона Хьюза, на которых я выросла. Как раз перед тем, как девушка выходит или садится в машину, парень несется за ней вниз по улице.

Догоняет ее.

Кричит ее имя.

Говорит ей, что он не то имел в виду. Ничего такого.

А потом они целуются. И музыка играет, и идут титры.

Вот чего я хочу прямо сейчас. Счастливого конца, о котором все знают.

Я задерживаю дыхание. И двери открываются.

Хотите угадать, кто там? Давайте, я подожду.

...

Он пуст.

И я чувствую, как в груди все сдавливает. Дыхание учащается, каждый вдох отдается болью, как например когда вы подворачиваете лодыжку. И мой взгляд застывает пелена, когда двери лифта медленно закрываются.

Это кажется таким символичным.

Думаю, теперь мне надо закрыть свои собственные двери, а?

Я вытираю глаза. Шмыгаю носом. И поправляю сумку у себя на плече.

— Да, Лу. Теперь я готова.

Глава 8

Ананюга.

Говорят, горе — это процесс. Со своими стадиями.

Баба с яйцами.

И расставание — сильно похоже на смерть. Кончина личности, которой ты был, жизни, которую ты планировал.

Выродок.

Первая стадия — это шок. Онемение. Как одно из тех деревьев в лесу — в котором случился пожар — что покорежило и помяло, но которое все равно как то продолжает стоять.

Говнюк.

Рискнете предположить какая вторая стадия?

О, да — это злость.

Что вы сделали для меня в последнее время — без вас мне лучше; вы мне все равно никогда не нравились — злость.

Дебил. Нет, это мягко. *Дрочило.*

Получше.

Ругательные слова по алфавиту? Мы с Долорес придумали эту игру еще в колледже. Чтобы выплеснуть наше раздражение к неприкасаемому придурочному профессору, который не давал нам спокойно жить.

Не стесняйтесь включиться в игру в любое время. Это очищает.

И по какой-то причине, намного легче, когда ты студент колледжа.

Екарныйбабай.

Ладно, что я там говорила? Точно — злость.

Жополиз.

Ярость — это хорошо. Огонь — это топливо. Пар — это сила. И ярость дает вам силы стоять, когда все, что вам хочется, это свернуться калачиком на полу, как напуганный...

Засранец.

Вот кое-какой факт для вас: женатые мужчины живут на семь-десять лет дольше, чем холостяки. Замужние женщины, с другой стороны, умирают примерно на восемь лет раньше, чем их незамужние сверстницы.

Вы в шоке? И я нет.

Идиот.

Потому что мужчины — это паразиты. Высасывающий жизнь вид из джунглей, который пробирается через ваши гениталии внутрь, и потом откладывает яйца в ваших почках.

И Дрю Эванс их предводитель.

Козел.

Стюардесса спрашивает меня, хочу ли я бесплатный напиток.

Я в самолете. Я об этом не сказала?

Я отказываюсь пить; я стараюсь не ходить в туалет самолета. Слишком много воспоминаний. Смешных, милых воспоминаний.

Лох.

Знаете, Дрю не любит летать. Он никогда об этом не говорил, никогда не позволял этому его остановить, но я знаю.

Полеты заставляют вас передать бразды правления кому-то еще — отпустить от себя иллюзию контроля. И мы все знаем, что у Дрю достаточно заморочек с контролем, которых хватило бы, чтобы заполнить Великий Каньон.

Перед самым взлетом он становится угрюмым. Напряженным. А потом, когда табло «пристегните ремни» гаснет, он предлагает совместный поход в уборную. Чтобы снять немного напряжения.

И я никогда не могла отказать.

Клуб Высота в Милю¹⁴? Теперь я его золотой член.

Мудак.

После того, как мимо меня прокатывают тележку, я отклоняю назад свое сиденье и закрываю глаза. И я думаю о том, о чем мечтает каждая униженная женщина.

Расплата.

Страдание.

Наказание.

Недоносок.

Не то чтобы я собиралась превратиться в Лорену Боббит¹⁵ для него. Самое опасное оружие женщины — это вина, намного убийственнее, чем мачете. Так что мой реванш-сценарий крутится вокруг... смерти.

Моей смерти.

Это то рак; то роды. Но везде, Дрю бьется головой о дверь в мою палату, где я умираю, и умоляет его впустить, чтобы сказать мне как по-идиотски он был не прав.

Как он сожалел.

Но, как это всегда у него бывает — слишком поздно. Я уже умерла. И это его убивает, после этого он сломлен. Разрушен.

Вина медленно его съедает, как зуб в стакане с Кока-Колой.

Отодранец.

И всю оставшуюся жизнь он проводит в одиночестве, носит только черное, как восьмидесятилетняя итальянская бабуля.

Придурок.

Я улыбаюсь.

Какая замечательная мысль.

Раком стоящий.

Здесь очко за двойное слово.

Долорес так гордилась бы.

Сукин сын.

О, да — вот так вот.

Трахнутый.

Знаете, мне кажется так лучше. Без всякого дерьма. Если я взгляну на ситуацию объективно, так будет лучше.

Дрю сделал мне одолжение.

Ублюдок.

Потому что даже если ему нравится играть в переодевания в папочкин взрослый костюм? Эмоционально, он все еще подросток. Ребенок.

Фитиль в заднице.

Такой, с которым больше никто не любит играть. Потому что когда игра идет не по его правилам? Он разбивает игровую доску вдребезги.

Хрен моржовый.

И кому это нужно?

Не мне. Нет, господин. Я заслуживаю большего.

Целочник.

Я это переживу. Я Кейт хренова Брукс.

У меня все получится.

Я выживу.

Я своего добьюсь.

Членосос.

Даже ради того, чтобы позлить его. Упрямая — мое второе имя.

Шлюха-мужик.

Жила я прекрасно до Дрю, и после него буду в порядке.

Только потому что я никогда не была одна, не значит, что я этого не смогу.

Он. Мне. Не. Нужен.

Правда.

Щелка.

Вы мне верите?

Яйцечес.

Даааа.

И я нет.

Я знаю, что вы думаете. *Почему?* Это большой вопрос, не так ли? Тот самый, который стал популярным благодаря Нэнси Керриган¹⁶. Тот самый, на который все хотят получить ответ, когда приходит беда.

Почему, почему, почему?

Человеческие существа хотят объяснений. Нам нужны причины, нужно что-то обвинить. Слишком низкая дамба, водитель был пьян, ее юбка слишком короткая — список бесконечен.

Дорога от Экрона в Гринвиль занимает где-то три часа. Это долгое время для руля. И для раздумья. И всю поездку я думаю о *почему*.

Если бы мне надо было сделать это еще раз, я бы спросила его. Я бы хотела иметь возможность сказать, что это была ужасная ошибка. Какое-то недопонимание — как в *Ромео и Джульетте* или *Вестсайдской Истории*.

Но в действительности, каковы на это шансы? Если бы мне надо было гадать, я бы сказала, что Дрю просто не был готов повзрослеть — перейти на новый уровень ответственности. Обязательств.

Посмотрите на мою руку. Вы видите кольцо? Это не случайно.

Он замечательный дядя для Маккензи. Преданный. Заботящийся. Тот мужчина, который выбьет всю дурь из продавца, только чтобы тот отыскал ему зверюшку Ticklemeelmo или куколку Cabbage Patch Kids doll, за два дня до рождества. Он для нее делает все, что угодно.

Но быть отцом — это другое. Все лежит *на тебе*, но при этом ты уже *не в центре* внимания. Думаю, именно с этим Дрю не смог справиться.

Лично я обвиняю в этом Энн и Александру. Не поймите меня неправильно, они хорошие люди, но... позвольте я расскажу. Прошлым летом Александра собрала нас всех у родителей загородом по случаю дня рождения Маккензи. Дрю и я опоздали, потому что свернули на безлюдную дорогу, чтобы заняться любовью.

Кстати, секс в машине? Удивительная вещь. Если вам когда-то захочется почувствовать себя молодым и раскованным, сделайте это на заднем сидении. Но я отвлекаюсь.

В общем так, мы все поводим время у бассейна, и я поднимаюсь, чтобы взять кусочек пиццы. А поднимается ли Дрю? Конечно, нет. Потому что его мама уже подогрела ему хрустящий свежий кусочек на кухне. А его сестра поднесла ему прямо к шезлонгу, вместе с холодным пивом.

У него что, ноги сломаны? Или он страдал ранней стадией болезни Паркинсона, при которой он не может сам себе разогреть еду? Или, Господи прости, съесть ее холодной? Нет. Просто

они так с ним обращаются, всегда обращались.

Холят его. Через чур балуют.

И я не могу не думать, что если бы Энн и Александра дали бы ему самому взять свою чертову пиццу хоть раз, может тогда он воспринял бы эту новость лучше. Был бы более подготовленным.

В итоге, ничего это все равно не значит. Знание *почему* — ничего не меняет. Так что, когда я проехала знак ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ГРИНВИЛЬ, я пообещала себе, что больше никогда не буду спрашивать почему. Не потрачу на это своих сил.

Но, знаете, что? У Бога нездоровое чувство юмора.

Потому что я *опять* буду спрашивать *почему* всего через несколько коротких дней. По совершенно другой и намного опустошающей причине. Простите, что именно я говорю вам это, но да, станет еще хуже.

Вот увидите.

Вы когда-нибудь приезжали в свою школу через много лет, после того, как выпустились? А столы, и окна, и стены остались прежними... но все равно кажутся другими? Как-то меньше, что ли.

Вот такие чувства возникают.

Дорога домой по Главной Улице точно такая же, как я помню... но не совсем. Красный навес над строительным магазином мистера Рэйнолда теперь зеленый. Аптека Фалкон превратилась в аптеку Райт Эйд. Но броская розовая пальма до сих пор в окне салона красоты Пенни, где Долорес и я делали себе маникюр на выпускной. Старые зеленые лавочки тоже на месте, снаружи ресторана моих родителей, где я обычно прицепляла свой велик после школы.

Я паркую машину и выбираюсь наружу с сумкой на плече. Немного за полдень, и солнце светит высоко и жарко, воздух пахнет песком и плавящимся асфальтом. Я перехожу улицу и открываю дверь. Гул от разговоров стихает, пока я стою у двери, и десятки знакомых дружелюбных лиц осматривают меня.

Большинство людей в этой комнате знают меня с рождения. Для них я дочка Нейта и Кэрол — темноволосая девочка с хвостиками из маленького городка, которая добилась успеха. Которая добилась невозможного в финансовой сфере, и сделала так, чтобы семья ей гордилась. Я — история успеха, о которой рассказывают учителя в школе своему классу, надеясь вдохновить их мечтать о большем, что может предложить автомобильный завод.

Заставляю себя вежливо улыбнуться, кивая и коротко махая в знак приветствия, прохожу мимо столиков, направляясь к задней двери. Видите вывеску?

ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА.

Я делаю выдох. И вся злость, что заставляла меня бежать, что привела меня сюда, выходит вместе с ним. На меня наваливается усталость. Я чувствую себя выжатой, пустой. Я только что

пересекла финишную линию десятиmileвого горного марафона.

Я толкаю дверь. И первое, что я вижу, это моя мама, склонившаяся над столом, просматривающая список доставки.

Красивая, правда? Я знаю, что большинство дочерей считают своих матерей красивыми, но моя на самом деле такая. Ее темно-каштановые волосы стянуты в высокий хвост, как у меня. У нее светлая и чистая кожа, без всяких морщинок вокруг губ и глаз. Если морщины передаются по наследству, то я сорвала генетический куш.

Но, наряду с ее внешностью, внутренне моя мама тоже красива. Звучит заурядно, но это правда. Она неизменна. Уравновешенна. Надежная. Жизнь у нее не всегда была легкой, не всегда была к ней добра. Но она двигалась дальше, продолжала жить, с достоинством и благородством. Моя мама не оптимист. Она мужественно переносит невзгоды, как статуя, что остается стоять во время мощного урагана.

Дверь закрывается позади меня, и она поднимает голову. Ее взгляд освещается, и она широко улыбается.

— Кейт!

Она откладывает список и двигается ко мне.

Потом видит мое лицо. И уголки ее улыбки опускаются вниз, как перышко на ветру. У нее тихий и обеспокоенный голос.

— Кейт, что случилось?

Мои руки опускаются вниз, и сумка падает на пол.

Она делает еще шаг.

— Кейти? Милая? Что случилось?

Вот он, отличный вопрос. Мне надо ответить, но я не могу. Потому что руками закрываю свое лицо. И единственный звук, что срывается с моих губ, это рыдание.

Руками она притягивает меня к себе, сильными и теплыми, с запахом Цветущей Апрельской Свежести. И она держит меня, крепко и надежно, как может только мама.

Помните железную коробку¹⁷? Да, теперь она открыта. И все, что случилось, полилось из нее.

Глава 9

В среднем, человек проводит в постели третью часть своей жизни. Восемь тысяч триста тридцать три дня. Двести тысяч часов.

Зачем я это говорю? Потому что не стоит чувствовать себя нехорошо, если вы тратите много денег на приличное постельное белье. Хорошее одеяло бесценно. Когда вы маленькие, оно защищает вас от бабайки. А когда вы большие, держит ваши косточки в тепле.

Моя мама натягивает мое пуховое одеяло мне до подбородка, укладывая меня в мою детскую

кровать, как это было во время грозы, когда мне было шесть лет.

После моего срыва на кухне, она привела меня наверх в маленькую, но необычную двухспальную квартирку над кафе, где я выросла. Где до сих пор живет моя мама. Дом моего детства.

Она вытирает слезы, что текут по моим щекам.

— Я-я-я... т-такая... д-д-дура.

Я была отличницей в школе. Я закончила Гарвардскую школу бизнеса. Незнание — это не то, с чем я знакома. Поэтому я не могу не чувствовать так, что я должна была знать, должна была это предвидеть.

Более того, я жила с Дрю два года. Сколько времени потребуется леопарду, чтобы он поменял свои пятнышки¹⁸?

А, точно, они ж не могут.

Моя мама убирает мои волосы с лица.

— Тише, Кейти.

Мои глаза опухли, а нос все еще забит, заставляя мой голос звучать гнусаво и по-детски.

— Ч-ч-что... мне... д-д-делать, мам?

Она спокойно улыбается, будто у нее есть на все ответы. Словно у нее есть сила забрать у меня всю боль — даже эту — также легко, как она могла поцелуем облегчить мою боль, когда я ударяла ноги или расцарапывала коленку.

— Сейчас ты поспишь. Ты так устала.

Она продолжает гладить меня по голове. Это успокаивает. Расслабляет.

— Поспи... засыпай, моя сладенькая девочка.

Мой папа научил меня играть на гитаре, но голос у меня от мамы. Лежа в постели, я опускаю свои тяжелые веки, когда она поет. Это песня Мелиссы Этеридж об ангелах, которые знают, что все будет хорошо. Это та же самая песня, которую она мне пела той ночью, когда умер папа. Той ночью она спала со мной в кровати. Потому что не могла спать в их кровати одна.

Слушая голос мамы, я наконец-то расслабляюсь.

И засыпаю.

Знаете, когда у вас простуда? И вы лежите в постели, и ерзаете и ворочаетесь, и запутываетесь ногами в простынях? Вы вроде и не спите, но и не просыпаетесь тоже. Есть моменты осознания, когда вы открываете глаза и понимаете рассеянным сознанием, что за окном еще темно. Но по большей части перед глазами просто все плывет.

Вот на что были похожи мои следующие два дня. Калейдоскоп солнечного и лунного света, слез и рвоты и подносов с едой, которые забирали нетронутыми.

Мгновения в этом пространстве между бодрствованием и дремотой были самыми тяжелыми. Когда я начинаю верить, что все это было ужасным кошмаром, вызванным просмотрами сериала 90210 по несколько раз. Я чувствую под собой подушку и клянусь, что Дрю лежит позади меня. Он может будить самым лучшим способом — это наша маленькая традиция. Каждое утро он прижимается ко мне и нашептывает мне на ухо, лаская меня словами и руками.

А потом я открываю глаза и вижу, что это всего лишь подушка. И у меня такое чувство, что режут по только что затянувшейся ране, и каждый раз она кровоточит сильнее.

Я не могу описать словами, как я по нему скучаю. Ни одно слово даже близко не подойдет.

Я физически ощущаю боль по его улыбке, его запаху, его голосу.

Представьте машину на скорости шестьдесят миль в час, несущуюся по проселочной дороге и тут падает дерево, и машина врежется в него. Бум — мгновенная остановка. Но если человек за рулем не пристегнут ремнем безопасности? Он все еще на скорости 60 миль.

Вот на что похожа любовь.

Она не может просто остановиться. Не важно, как больно вам, насколько вы пострадали, или насколько вы злы — любовь все еще там.

Посылает вас прямо в лобовое стекло.

Вечером второго дня я открываю глаза и смотрю в окно. В Гринвилле не часто идет дождь, но сейчас там моросит.

Как раз подходит — к черному облаку над моей головой и все такое.

Потом я слышу, как открывается дверь в моей комнате. Я перекатываюсь на бок.

— Мам... не могла бы ты...

Только это не моя мама там стоит. У меня тихий голос, немного удивленный.

— О, привет Джордж.

Помните Джорджа Райнхарта, да? Овдовевший отец Стивена? Сейчас он и моя мама вместе. Они сошлись на свадьбе Мэтью и Долорес.

Не волнуйтесь, я старалась заблокировать эту часть тоже.

Но они стали довольно близки уже на протяжении года. Не смотря на усилия Джорджа, моя мама отказывается переезжать в Нью-Йорк. Она говорит, что Гринвилль — ее дом, и ей нравится ее независимость. Так что Джордж приезжает сюда довольно часто — живет здесь неделями.

И моя мама отвечает ему тем же, когда есть возможность.

Джордж — хороший парень. Он как Джимми Стюарт в *Эта прекрасная жизнь* — немного

странноват, но приличный. Как раз такой тип мужчины, которого бы вы захотели, чтобы присматривал за вашей матерью.

Его очки четко сидят на его лице, пока он держит поднос.

— Твоя мама закрутилась внизу, но она подумала, что ты можешь захотеть чаю.

Заниматься бизнесом не так легко, как может показаться. Да, вы сам себе начальник, но это означает никаких больничных или прогулов. А если работник не появляется? Вы единственный, кто берет на себя его ношу.

Джордж усердно пытается помочь с кафе. На прошлой неделе маме пришлось увезти Хосе, повара, в больницу после того, как он сильно порезал руку, нарезая картофель. И Джордж пытался заменить его.

Никто не пострадал, но пришлось приехать пожарным, чтобы погасить пламя и кафе закрылось рано из-за дыма.

Тем не менее, думаю, важен не подарок, а внимание.

Я сажусь прямо и подкладываю под спину подушку.

— Чай — это хорошо. Спасибо.

Он ставит поднос на ночной столик и подает мне теплую чашку. Потом нервно вытирает руки об свои штаны.

— Могу я присесть?

Я делаю глоток и киваю. А Джордж плюхается в кресло-мешок рядом с моей кроватью. Он поправляет свои очки и немного ерзает, устраиваясь поудобнее.

Я почти улыбаюсь.

Потом несколько секунд смотрит на меня, пытаюсь найти способ, как начать. Я спасаю его от неприятного.

— Мама рассказала тебе, правда?

Он мрачно кивнул.

— Не расстраивайся из-за этого, она переживает за тебя, Кейт. Ей надо было выпустить пар. И я бы никому не разболтал твою личную информацию. — Он постучал пальцем висок. — Я — могила.

Я даже смогла ухмыльнуться, потому что он так сильно напомнил мне своего сына, Стивена.

А потом моя улыбка исчезает, потому что он напомнил мне так сильно Стивена.

— Мне звонил Джон. Спрашивал про тебя. Я сказал ему, что ты здесь.

Я резко вскинула на него взгляд. Вопросительно.

— Я не сказал ему, почему ты здесь — не совсем. Я сказал, что ты измождена. Выдохлась. Это

часто случается в нашей сфере.

У меня нет плана относительно Эвансов. Технически, я ношу их внука, часть их семьи. И даже если их сын считает по-другому, я не сомневаюсь, что Энн и Джон захотят быть частью его жизни.

Но я не могу думать об этом. Не сейчас.

Джордж продолжает.

— Он хочет, чтобы ты позвонила ему, когда посчитаешь, что готова. И он просил передать тебе, что однозначно не принимает твою отставку.

Я хмурюсь.

— Разве он может это сделать?

Джордж пожимает плечами.

— Джон делает то, что хочет Джон.

Мда, как это знакомо.

— Он говорит, что не может потерять сразу двух самых лучших инвестиционных банкиров.

Подождите, двух?

— Что это значит? Дрю не ходил на работу?

Маленький желанный огонек вспыхнул у меня внутри. Может, Дрю также разбит, как и я. Может, он снова погрузился в спячку, как он делал в прошлый раз.

Джордж тут же гасит мой бедненький огонек.

— Нет, нет, он был там...

Черт.

— ...на самом деле, два раза. И пьяный в стельку, как мне рассказали. Когда Джон спросил его о твоём заявлении об увольнении, Дрю сказал ему, чтобы не совал нос не в свои дела, ну в своей красноречивой манере, конечно. Не стоит говорить, что его будущее в компании... под вопросом... в данный момент.

Я трактую эту информацию только так, как могу, размышляя о том, кто составлял ему компанию в прошлый раз, когда я его видела.

— Ух, ты. Наверно, он, действительно, провел время отлично, если все еще был пьян на следующее утро.

Джордж склоняет голову на бок.

— Я бы не смотрел на это в таком свете, Кейт.

Я упрямо сжимаю зубы. И лгу.

— Какая разница. Мне уже все равно.

Момент молчания и Джордж всматривается в узор на чайной чашке. Потом он поджимает губы. А его голос тихий — благоговейный — как будто он разговаривает в церкви.

— Не знаю, как много рассказывал тебе Дрю про мою Джейни.

На самом деле, довольно много. Джейни Райнхарт была замечательной женщиной — доброй, светлой, мягкой.

Ей поставили диагноз рак, когда Дрю было десять, и она боролась с ним четыре года. Дрю рассказывал, что в тот день, когда она умерла, он понял, что плохие вещи действительно случаются, и не только с людьми, о которых можно прочитать в газетах.

— Когда она умерла... я хотел умереть тоже. И я бы умер, если бы не Стивен. Потому что вот, кем являются дети, Кейт. Восстановителями жизни.

Я знаю, что он хочет, как лучше. Правда, знаю. Но я не могу справиться с этим. Я не готова выслушивать речь о том, насколько мне повезло быть беременной.

И одной.

— Тем не менее... это было... ужасно. Долгое время один ужасный момент сменялся другим. Ты знаешь, у Стивена глаза его матери. Смотреть на него — это как смотреть на Джейни. И были такие дни — на самом деле плохие — что я почти ненавижу его за это.

Я сделала резкий вдох. Это не ободряющая речь, которую я ждала.

— Но, опять же, время шло. И все становилось... сносным. У меня появилась невестка и красавица-внучка, и стало уже не так больно дышать.

К глазам подступили слезы. Потому что я знаю, о чем он говорит. Я знаю эту боль.

— Но, до тех пор, пока я не встретил твою маму, та часть меня, что умерла вместе с Джейни, не возвращалась к жизни. Повстречав твою маму, я стал снова целым.

Я вытираю глаза и усмехаюсь.

— Так, что ты мне пытаешься сказать, Джордж? Что я найду еще одного Дрю? Что на это может уйти лет пятнадцать или как?

Горечь? Некрасиво. Да, я знаю.

Джордж медленно качает головой.

— Нет, Кейт. Ты никогда не найдешь другого Дрю. Так же как и я никогда не найду другую Джейни, и твоя мама никогда не найдет другого Нейта. Но... что я пытаюсь тебе сказать... сердце исцеляется. И жизнь продолжается... и несет тебя вместе с ней... даже если ты этого не хочешь.

Я прикусываю нижнюю губу. И киваю головой. Ставлю чашку опять на поднос, заканчивая разговор. Джордж встает с кресла и берет поднос. Он идет к двери, но поворачивается назад ко мне, прежде чем из нее выйти.

— Знаю, ты, наверно, не хочешь слушать это прямо сейчас, но... я знал Дрю всю его жизнь. Я видел, как он рос вместе с Мэтью и Стивенем и Александрой. Я его не защищаю, я не представляю, почему он сделал такой выбор. Но... я не могу не чувствовать к нему жалости. Потому что в один день, он откроет свои глаза и поймет, что он совершил самую большую ошибку в своей жизни. И потому что я люблю его как сына... та боль, которую он почувствует в тот день... что ж... она разбивает мне сердце.

Он прав.

Я не хочу это слушать. У меня нет терпения, чувствовать жалость по отношению к Дрю.

Но я ценю его попытку.

— Я действительно рада, что ты сейчас с мамой, Джордж. Я... признательна, что у нее есть ты. Спасибо тебе.

Он ласково улыбается.

— Я буду рядом. Просто позови, если тебе что-то понадобится.

Я киваю. И он закрывает за собой дверь.

Я хочу, чтобы слова Джорджа меня тронули. Вдохновили. Мотивировали вытащить свою задницу из кровати. Но я слишком... устала. Поэтому опять ложусь, заворачиваюсь в одеяло, словно в кокон, и засыпаю.

На третий день я опять поднимаюсь.

У меня и выбора особо нет. Разлеживаться и дышать своей же вонью не очень эффективно для поднятия духа. О, и меня до сих пор тошнит по турам, как по часам, в тот же самый таз, что моя мама ставила рядом с моей кроватью, когда у меня было расстройство желудка. *Очень приятно*. Плюс, я полностью уверена, что если я выжму свои волосы, то получится достаточно жира, чтобы нажарить картошки фри в Макдональдсе.

Дааа, пришло время вставать.

Я тащу себя в ванну, мои движения неуклюжи и медленны. Я принимаю долгий горячий душ — почти обжигающий. За мной струится пар, когда я выхожу в комнату.

Моя мама — бережливый человек. Не как те барахольщики, которых показывают в шоу по TLC, но она хранит всякие вещички, что я не забрала с собой в колледж.

Видите их? На тех полках со свежей пылью? Трофеи Малой Лиги, медали с научных ярмарок, и орденские ленточки с полевых соревнований, рядом с фотографиями в рамках, на которых Долорес, Билли и я на выпускном и Хэллоуине и на вечеринке, по случаю 18-летия Долорес.

Я достаю из сумки бутылочку с лосьоном для тела, но как только запах ударяет в нос, я застываю. Ваниль и лаванда. Любимый запах Дрю. Он не мог им насытиться. Иногда он водил своим носом мне по спине, приносясь и щекоча меня.

У меня сжимается все в груди. И я выбрасываю бутылку в мусорку.

Посмотрев опять в сумку, я замечаю свой телефон. Он лежал под бутылочкой с лосьоном, как будто бы прятался там специально. Он был отключен с самого полета. Я подумываю позвонить Долорес, но быстро отметаю эту идею. Зачем портить ей отпуск, чтобы она могла примчаться домой с целью совершения преднамеренного убийства?

Ладно, вы правы, я вру. Я не звоню Долорес, потому что маленькая хрупкая часть меня еще надеется на то, что Дрю изменит свое мнение. Что найдет способ все исправить. И мне не придется давать своей подруге повод его ненавидеть. Ну... еще один повод.

Я включаю телефон и обнаруживаю четыре сообщения. И вот опять.

Надежда. Теперь это уже становится убого, не так ли?

Я прикусываю губу и стараюсь вздохнуть ровно. Набираю код и молюсь всем ангелам, чтобы через трубку слышался голос Дрю.

Но, конечно, это не он.

— Кейт? Это Александра, мне надо, чтобы ты перезвонила прямо сейчас.

Не знаю, почему я удивлена. Александра обладает шестым чувством, когда дело касается Дрю. Не поймите меня неправильно, она первая в очереди, если ему надо надрать задницу, когда он оплошает. Но если она считает, что у него проблемы? Она бросается словно коршун на добычу.

— Кейт? Где ты и что за хрень происходит с моим братом? Перезвони мне.

Дрю и Александра очень похожи. Интересно, это из-за генетики. Отложенное вознаграждение не распространено среди отпрысков Эвансов.

— Кейт Брукс — не смей игнорировать мои звонки! Я не знаю, что произошло между тобой и Дрю, но ты просто не можешь бросать кого-то вот так! Боже мой, да что с тобой? Если это твое истинное лицо, тогда... тогда ему лучше без тебя!

Ни тот, ни другой, похоже, эмоционально не стабилен. Я могла бы сказать, что ее слова меня не задели, но я солгу. Мне больно от той последней фразы.

Еще одно сообщение.

— Кейт... это опять Александра...

Сейчас ее голос другой. Менее резкий и не такой нетерпеливый.

Практически шепот.

— ...прости. Я не должна была так кричать. Я просто переживаю. Он не разговаривает со мной, Кейт. Такого раньше никогда не случалось. Я не знаю, что там между вами происходит... и мне это не надо знать, но... просто... пожалуйста, вернись? Чтобы ни случилось... где бы ты ни была... я знаю, вы двое, сможете во всем разобраться. Тебе не надо мне звонить... просто... пожалуйста... пожалуйста, возвращайся домой. Он любит тебя, Кейт... так сильно.

Я пялюсь на телефон, тяжело дыша. Конечно, Дрю не будет с ней разговаривать. Да ни за что

на свете, он не будет смотреть в глаза своей беременной сестре и говорить ей, что он вышвырнул меня только потому, что я тоже беременная.

Он может быть кем угодно. Но только не дураком.

Я бросаю телефон через всю комнату из чувства самосохранения, потому что я хочу позвонить. Я хочу вернуться. Но, тем не менее, у меня еще осталось немного достоинства, даже если это всего лишь маленькая его толика. Почему я должна протягивать оливковую веточку¹⁹? Если это не я сжигала дерево. Джон знает, где я сейчас. Если Дрю захочет, для него не составит труда меня найти.

Я провожу руками по своим быстросохнувшим волосам и открываю дверцу шкафа. А там, смотрит на меня в ответ, моя добрая старая униформа — юбка-шотландка, корсетный топ и ковбойская шляпа.

Прошло уже десять лет с тех пор, как я последний раз ее надевала. Улыбаясь, я взяла вешалку. У меня было столько хороших моментов, когда я ее носила.

Легких, не сложных моментов.

Я ее надеваю, как невеста, которая примеряет свое свадебное платье через год после свадьбы, просто, чтобы посмотреть, подходит ли она мне еще. Подходит. И я смотрю на себя в зеркало в полный рост, я знаю, что собираюсь делать дальше. Потому что рутина — это хорошо. Любая рутина. Даже старая.

У меня может и не быть плана на оставшуюся жизнь.

Но у меня хотя бы он есть на оставшийся день.

Чувствуя себя трупом намного меньше, чем в прошлые несколько дней, я иду к задней лестнице, которая ведет в кухню кафе. На второй ступеньке я слышу, как внизу разговаривают мама и Джордж.

Приготовьтесь, это что-то с чем-то.

— Черт бы его побрал! Что он о себе возомнил? Когда Билли и Кейт расстались, я вздохнула с облегчением, даже слепой мог видеть, что они не пара. А когда... когда она представила меня Дрю, я подумала, что он был идеальным для нее. Что он был... как она. Часть мира, в котором она теперь живет. И о, как он на нее смотрел, Джордж. Было ясно, что он обожал ее. Как он может *обращаться* с ней вот так!

Голос Джорджа спокойный. Понимающий.

— Я знаю. Я...

Мама перебивает его, и я представляю, как она наворачивает круги по кухне.

— Нет! Нет. Он так просто не отделается. Я... я позвоню его матери!

Джордж вздыхает.

— Думаю, вряд ли Кейт захочет, чтобы ты это делала, Кэрол, Они взрослые...

Мама повышает свой голос, он становится громким и защищающим.

— Для меня она не взрослая! Она мой ребенок! И она страдает. Он разбил ей сердце... и... я не знаю, сможет ли она через это пройти. Она... словно сдалась.

Я слышу удар ладони о деревянный стол.

— Этот... соплик! Заумный соплик-матершинник. И он просто так не отделается.

У нее решительный тон.

И немного страшный.

— Ты прав, я не буду звонить Энн. Я сама поеду в Нью-Йорк. Я покажу ему, какого это, трепать нервы моей дочери. Амелия Уоррен покажется ему хреновой Матерью Терезой, когда я с ним покончу. Я ему яйца оторву.

Обалдеть!

Так-то моя мама? Она не ругается. Никогда. Сам факт, что она кидается словами на «х» и говорит о том, чтобы вырвать яйца?

По правде говоря, это меня тревожит.

Я спускаюсь по остальным ступенькам, как будто ничего не слышала.

— Утро.

Мамино лицо натянуто. Шокировано.

— Кейт, ты встала.

Я киваю.

— Да, я чувствую себя... лучше.

Лучше — это наверно слишком. Как воскресший самоубийца будет точнее.

Джордж предлагает мне кружку.

— Кофе?

Я накрываю рукой живот.

— Нет, спасибо.

Мама стряхивает с лица свое удивление и спрашивает:

— Как насчет теплой кока-колы?

— Да, лучше это.

Она делает ее для меня. Потом гладит меня по голове, когда говорит:

— Когда я была беременна тобой, меня тошнило до седьмого месяца. Теплая кола всегда заставляла меня почувствовать себя лучше. А если даже выходила наружу, то все равно было не так противно.

В этом есть смысл.

Для вашего сведения — арахисовое масло? Блевотина от него — та еще гадость.

Мама хмурит брови, когда замечает на мне униформу.

— У тебя, что вся одежда грязная? Надо затеять стирку?

— Нет, я просто подумала, что помогу тебе сегодня в кафе. Ты знаешь, займу себя. Чтобы не было времени много думать.

Думки — это плохо. Думки — это очень, очень плохо.

Джордж улыбается.

Мама потирает мою руку.

— Ну, если ты хочешь. Сегодня работает Милдред, так что мне точно понадобится помощь.

Милдред работает в нашем ресторане столько, сколько я себя помню. Она ужасная официантка, думаю мама просто держит ее по доброте душевной. Легенда гласит, что однажды она была королевой красоты — Мисс Кентуки, или Луизиана, ну или типа того. Но она утратила свой лоск и энергию к жизни, когда ее жених решил поиграть в догонялки с движущимся товарняком. И погиб.

Сейчас она живет в многоквартирном доме в деловой части города, и выкуривает по две пачки в день.

Но она, наверно, проживет до ста лет, по сравнению с тридцатиоднолетней матерью троих детей, которая никогда не притрагивалась к сигаретам, но при этом как-то умирает от рака легких.

Как я говорила, Бог? Он и правда, порой, тот еще сукин сын.

Навыки официантки — это как кататься на велосипеде — никогда не забывается.

Хотя есть пара позывов, которые мне удастся подавить, так и не наблевав на чизбургер или во французский луковый суп клиента.

Аплодисменты мне.

Самая трудная часть — это вопросы. О Нью-Йорке, о моем красавчике-бойфренде, который приезжал сюда со мной три месяца назад. Я улыбаюсь и стараюсь отвечать коротко и расплывчато.

К обеду, я просто вымотана. Физически и умственно.

Я как раз собираюсь пойти в свою комнату, чтобы вздремнуть, когда на двери звенит колокольчик, и позади меня слышится голос.

Голос, который я узнаю хоть где.

Глава 10

— Кэти Брукс в форме ковбойши. Ты ли это? Или я попал в прошлое и нахожусь под кайфом?

Мне было шесть, когда я впервые повстречала Билли Уоррена. Примерно в то же время, когда Джои Мартино бросил Амелию, ее младшую сестру Софи выгнали из дома.

Потому что она тоже была беременной.

Видимо, старшая миссис Уоррен придерживалась стиля *Дорогой мамочки*²⁰ в воспитании детей — проволочные вешалки и все такое. В любом случае, пять лет спустя Софи умерла в приюте для наркоманов от передоза. Штат взял опеку над Билли до тех пор, пока не отыскали его единственного родственника — Амелию Уоррен.

Долорес осталась с нами на выходные, когда ее мама ездила за Билли в Калифорнию. Амелия вошла в детский дом и увидела маленького мальчика в порванной черной футболке. И с того момента Билли был ее — хоть она его и не рожала.

Первые четыре месяца, которые Билли прожил с Амелией и Долорес, он не разговаривал. Вообще. Он ходил за нами хвостиком, делал все, что делали мы. Когда мы играли в школу, он был доской. Когда мы искали сокровища, он был нашим мулом.

Но он не разговаривал.

А потом, в один день, Амелия ездила по делам на Мэйн Стрит, и они проходили мимо ломбарда. Билли остановился и уставился в витрину.

На блестящую красную гитару.

Амелия зашла и купила ему гитару. К тому времени я уже хорошо играла, так что она решила, что мой отец мог немного поучить и Билли. Но — есть кое-что — прежде чем мой отец успел дать ему хотя бы первый урок? Билли уже знал, как играть. Он был одарен, как Моцарт. Настоящий музыкальный гений.

Иногда это так раздражало.

— Билли!

Я обнимаю его за шею. А он крепко сжимает мою талию, и мои ноги отрываются от пола. Голос приглушен, от того, что я упираюсь ему в плечо.

— Боже, как же здорово тебя видеть!

Знаю, вы думаете, он придурок. Но это не так. Правда.

Вы видели его только через Дрю-цветные очки.

Билли отклоняется назад, держа меня за руки. Уже прошло восемь месяцев с тех пор, как я видела его в последний раз. Он посвежевший и загорелый — выглядит здоровым. Выглядит хорошо. За исключением бороды. Не любительница я бороды. Она густая и лохматая — напоминает мне дровосека.

— Тебя тоже, Кэти. Тебя тоже...

Он хмурит брови. И его улыбка тоже становится хмурой.

— Черт. Ты выглядишь как вчерашнее дерьмо.

Да, в этом весь Билли. Он всегда знал, что нужно сказать девушке.

— Ух ты. С такими словечками ты наверно в Лос-Анджелесе палками от девиц отбивался. Кстати, ты в курсе, с твоего лица свисает крыса?

Он смеет и чешет свою бороду.

— Это маскировка. Знаешь, теперь мне это нужно.

Как по сигналу, к нам смущенно подходит мальчик лет десяти.

— Можно Ваш автограф, мистер Уоррен?

Улыбочка Билли становится шире. Он берет предложенную ему ручку с бумагой.

— Не вопрос.

Быстро царапает и отдает автограф назад, и говорит:

— Не переставай мечтать, парень — они, и правда, сбываются.

После того, как мальчик-фанат уходит, Билли поворачивается ко мне, глаза его сверкают.

— Ну, не чертовски ли клево, а?

Сегодня он самый горячий парень в музыкальной индустрии. Его последний альбом занимал первое место на протяжении шести недель — а еще и эта суета с награждением Грэмми в этом году. Я им горжусь. Я всегда верила в то, что он этого добьется.

Тем не менее, все равно над ним подтруниваю.

— Будь осторожен. А то еще зазнаешься.

Он усмехается.

— Что ты здесь делаешь? Я собирался приехать в город на следующей неделе повидать вас, ребята.

Прежде чем я успеваю ответить, из ниоткуда появляется еще одно лицо за стеклянными дверями.

До чертиков меня напугав.

— Ах!

Это светловолосая женщина с огромными неморгающими карими глазами. Как Инопланетянин²¹ в белом парике.

Билли разворачивается.

— О, это Ивэй.

— Еви?

— Нет, И-вэй, как Ибэй²². Она со мной.

Он открывает дверь, и девушка-инопланетянин входит внутрь, крепко обхватив себя за талию. На ней были черные леггинсы и футболка с Бобом Марли. Сказать, что она худая — ничего не сказать. Она похожа на скелет, который стоит в классах по биологии, с тоненькой тряпочкой телесного цвета.

Она довольно симпатичная — для концлагеря.

— Ивэй, это Кейт. Кейт — Ивэй.

В профессиональном мире рукопожатия очень важны. Это позволяет потенциальным клиентам формировать представление о том, как ты ведешь свой бизнес. Они могут помочь, либо помешать бизнесу. Я всегда стараюсь, чтобы мое пожатие было крепким — сильным. Только потому что я маленькая и женщина, совсем не значит, что я позволю вытирать об себя ноги.

— Приятно познакомиться Ивэй.

Я протягиваю свою руку.

Она просто смотрит на нее — словно это паук, выползающий из душевого слива.

— Я избегаю прямого контакта с женщинами. Это уничтожает клетки красоты.

О-кей. Я смотрю на Билли. Он кажется невозмутимым. Цепляюсь большими пальцами за лямки на одежде.

— Нуу... хотите что-нибудь поесть? Может в кабинке?

Когда Ивэй отвечает, тон ее легкий, заторможенный, как будто контуженная. Или педагог по актерскому мастерству — *вы-дерево*.

— Мой ланч у меня с собой.

Она разжимает ладонь, в которой у нее лежала куча всяких капсул, по сравнению с которыми мои витамины для беременных выглядели как конфетки.

— Но мне нужна вода. У вас есть чистая вода из снежных горных источников?

Ух ты.

Кто-нибудь, позвоните Уиллу Смигу — у нас, и правда, высадились инопланетяне.

— Умм... у нас в округе как-то не очень много снега, в это время года. Но у нас сама лучшая вода из-под крана в Гринвилле.

Она качает головой. И все еще не моргает. Ни *одного* *чертового* раза.

— Я пью только воду из горных снежных источников.

Билли поднимает руку.

— А я умираю, как хочу жареные кольца лука.

Я улыбаюсь и записываю заказ.

— Конечно.

Ивэй вдыхает воздух, как белка перед грозой. А потом выглядит немного онемевшей.

— Это жир? Вы готовите на жиру?

Я делаю шаг назад. Наверно, она одна из тех ненормальных защитниц животных, радикальная вегетарианка, которую оскорбляют животные продукты — и перспектива быть облитой кетчупом меня не очень привлекает в данный момент.

— Ааа ...да?

Она затыкает нос своими костлявыми пальчиками.

— Я не могу этим дышать! У меня выступит сыпь!

Она разворачивается к двери.

И ждет.

Думаю, она избегает контакта не только с женщинами.

Билли открывает ей дверь, и она выбегает сломя голову. Я смотрю на него, ошарашенно.

— Ладно, что *это* было?

— *Это* была калифорнийка. Они все такие. Думаю это от сильного солнца... и травки. По сравнению с ними Ди-Ди кажется заурядной. К тому же Ивэй — модель, так что она через чур странный экземплярчик. Она не выносит запаха жира, но дымит, как паровоз.

Вот почему я люблю жить в Нью-Йорке.

Там, где люди — нормальные.

Ну... жила, по крайней мере.

Я иду за стойку, чтобы взять коробку для луковых колец Билли. Он упирается локтями в столешню, наклоняясь вперед.

— Ну, а где доктор Манхэттэн?

Он имеет в виду Дрю. Знаете, как надменный безжалостный физик голубого цвета в комиксах Хранители?

— Его здесь нет.

Билли выглядит удивленным. Ладно, хоть так.

— Без шуток? Не думал, что он позволит исчезнуть с его поля зрения, а уж уехать в другой штат. В чем дело?

Пожимаю плечами.

— Длинная история.

— Звучит обещающе. Эй, давай потусим попозже. Наверстаем упущенное. Только отвезу Ивэй в отель подремать, а потом вернусь за тобой.

Я прищуриваю глаза.

— Подремать?

Он в защитном жесте приподнимает подбородок.

— Да. Многие люди спят по двенадцать часов днем.

Отдаю ему пакет с его луковыми кольцами.

— Знаю. Они называются вампирами, Билли.

Он смеется.

А потом с кухни выходит моя мама.

— Билли! Амелия сказала, что ты приезжаешь.

Она обнимает его, а он целует ее в щеку.

— Привет, Кэрл.

Она с неодобрением смотрит на его бороду.

— О, милый. У тебя такое красивое лицо. Не закрывай его всей... этим.

Моя мама прям такая мама, правда?

Билли защищает свои волосы на лице.

— Почему все так ненавидят бороду? Мне нравится борода.

Потом он протягивает стодолларовую купюру.

— Это за луковые кольца.

Она качает головой и отталкивает его руку.

— Ты же знаешь, твои деньги здесь мне не нравятся.

Из-за кухонной двери доносится шум битого стекла. И голос Джорджа Райнхарта.

— Кэрл!

Мама цокает языком.

— О, Боже. Джордж снова пытается помыть посуду.

Она убегает на кухню, а мы с Билли смеемся. Потом он отдает мне деньги.

— Положи это в кассу, пока твоя мама не видит, ладно?

Тяжело, когда ты достигаешь такого периода в своей жизни — как у нас — когда вы можете финансово помочь своим родителям, но они слишком уперты, чтобы принять эту помощь.

— Конечно.

Он постучал пальцами по стойке.

— Хорошо. В четыре я за тобой заеду. Будь готова. Не вздумай надеть какой-нибудь деловой костюм или что-нибудь в этом роде. Это строго джинсово-кроссовочная миссия.

Так я и планировала. Но все равно должна спросить.

— Почему? Куда мы поедем?

Он качает мне головой.

— Тебя так долго не было, девочка Кэти. Что еще нам делать? Оторвемся.

Точно. Глупая я. Конечно же.

Билли наклоняется через стойку и быстренько целует меня в щеку.

— До скорого.

Потом берет свою еду и идет к двери.

Вы когда-нибудь катались на своей машине после сдачи выпускного экзамена или в начале долгожданного выходного после работы? И дорога пустая, вы в темных очках, из колонок доносится ваша любимая музыка?

Хорошо. Тогда вы знаете, какого это.

Оторваться.

Как это объяснить? Уверена, есть много этому названий, в зависимости от того, где вы живете, но здесь, мы называем это так. Это как подниматься в гору... только... на машине. Или грузовике, или на любом другом автомобиле, только с четырьмя колесами.

Цель — взобраться на холм, на самый крутой, какой только можно найти. Ехать вертикально, как только можно, и быстро, как только можно. И чтобы не перевернуть машину. Это весело — по-глупому и опасному, как любят искатели острых ощущений.

Не волнуйтесь, что я в деликатном положении. Грузовик Билли — это внедорожник со

страховочными ремнями вместо обычных ремней безопасности. Даже если автомобиль сделает сальто? Я никуда не денусь.

Сейчас мы едем в горы на полной скорости. Огайо не особо гористая местность, но есть несколько мест, где они присутствуют. К нашему счастью, Гринвиль рядом с ними.

Окна открыты, солнце светит ярко, на улице комфортные +20. Я перекрикиваю звуки стерео.

— Ну.... Опять новая машина?

Билли улыбается и ласково поглаживает по панели.

— Дааа. И эта малышка не опорочена моей кузиной.

Я закатываю глаза. Мне действительно надо проверить финансовое состояние Билли. От ветра мои волосы упали на лицо, я убираю их назад и снова кричу.

— Не будь таким парнем.

— Каким парнем?

— Парнем, у которого по машине на каждый день месяца. Трать свои деньги на более практичные вещи.

Он пожимает плечами.

— Я сказал Амелии, что куплю ей дом. Если она не расскажет Долорес, где он находится.

Билли и Долорес любят изводить друг друга.

По радио начинает играть другая песня, и Билли делает громче на всю. Он смотрит на меня. И улыбается.

Мы улыбаемся вдвоем.

Потому что когда-то это была наша песня. Не в романтическом смысле этого слова. А мы просто были подростками, бунтарями без всякой на то причины. Это был наш гимн; наш *Грозовой путь*²³.

Алабама поет о том, как выбраться из маленького городка, добиться успеха, жить ради любви. Мы вместе распевали эту песню.

Это здорово. Великолепно.

Билли упирает педаль в пол, оставляя за нами облако пыли, и я вспоминаю, какого это, когда тебе шестнадцать. Когда жизнь была простой, и самой большой заботой было решить, где мы проведем ночь пятницы.

Говорят, молодежь растрчивает свою молодость — и это правда. Но это не их вина. Не важно, как часто им говорят, что нужно ценить каждый день своей жизни, они просто не могут.

Потому что им не с чем сравнивать. Лишь позже, когда уже слишком поздно — когда у нас полно счетов, по которым нужно платить, крайние сроки к которым нужно успеть — вот тогда они понимают, как приятны, невинны и ценны были те моменты.

Певец монотонно напевает о кабриолете, и поездке длиною в ночь, и о том, что надо жить своей жизнью. Первая машина Билли была кабриолет «Ти-берд». Вы видели ее в Нью-Йорке, помните? Когда он ее купил, она больше напоминала консервную банку, но он сам приводил ее в порядок по выходным и в течение многих дней, которые он пропускал в школе.

Я потеряла свою девственность на заднем сидении той машины. После выпускного. Да — я статист. В то время я думала, что это было верхом романтики, пиком совершенства.

Но, опять же, мне было не с чем сравнивать.

Билли любил ту машину. И я готова поспорить на свою степень по бизнесу, что он до сих пор хранит ее в своем гараже в Лос-Анджелесе.

Все еще напевая, я взялась двумя руками за удерживающие ремни, а Билли развернул машину на 360 градусов. Это был ужасный маневр. Вы упираете педаль в пол, резко дергаете руль и тянете ручной тормоз. Это лучший способ совершить поворот с заносом — только если в вашей машине не отвалится дно или что-нибудь такое.

С дороги поднимается пыль, а на лобовое стекло брызгает грязь. У нас всегда так было. Комфортно. Незаморочно. Ну, по крайней мере, когда мы были здесь, в Гринвиле.

Когда я пошла в колледж и бизнес-школу, мы изменились. Стали меньше походить на Бони и Клайда, а больше на Венди и Питера Пена. Но здесь, когда были только он и я, и остальной мир не существовал, мы могли снова стать теми детьми. Детьми, которые хотели одного и того же, которые мечтали об одном и том же.

Колеса завертелись, и Билли резко выехал на грунтовую ровную дорогу. А у меня такое чувство, будто мы летим. Будто я снова свободна. И ни о чем в мире не нужно волноваться.

А самое лучшее? Первый раз за практически четыре дня я не думаю о Дрю Эвансе, вообще.

Глава 11

Когда мы возвращаемся в мотель Билли, уже темно. Мы вваливаемся через дверь — уставшие, грязные и смеющиеся. Я падаю на диван, а Билли берет с кухонного стола бумагу.

— Где Ивэй?

Он поднимает вверх записку.

— Уехала в Лос-Анджелес. Говорит, переработанный воздух атакует ее поры.

— Ты не выглядишь сильно расстроенным по этому поводу.

Он достает из холодильника два пива и пожимает плечами.

— Мне плевать.

Билли поднимает гитару, лежащую на кофейном столике, и начинает брэнчать по струнам. Потом сует руку за подушки и достает оттуда пакетик. Швыряет его мне.

— Ты до сир пор лучше всех скручиваешь косяк на этом берегу Миссиссиппи? Или

окончательно уподобилась остальным?

Я улыбаюсь и беру пакет. Свернуть хорошую сигарету требует концентрации. Возьмете слишком много табака — очень затратно, слишком мало — и все испортите.

Это расслабляющий процесс. Как вязание.

Я облизываю край бумаги и приглаживаю. Потом отдаю Билли.

Он восхищенно смотрит на сигарету.

— Ты мастер.

Зажимает сигарету в зубах и открывает свою Zippo. Но прежде чем из нее выходит пламя, я захопываю крышку зажигалки.

— Не надо. Я тоже могу надыхаться.

— И что?

Я вздыхаю. И смотрю Билли прямо в глаза.

— Я беременна.

Он выпучивает глаза, а сигарета выпадает у него изо рта.

— Точно?

Я киваю головой.

— Точно, Билли.

Он садится прямо, уставившись на стол. И какое-то время ничего не говорит, так что я заполняю тишину.

— Дрю его не хочет. Сказал, чтобы я сделала аборт.

Произношу слова прерывисто. Тихо. Потому что до сих пор не могу поверить в то, что это правда.

Билли поворачивается ко мне и шипит.

— Что?

Я киваю. И рассказываю ему остальные отвратительные подробности моего отъезда из Нью-Йорка. К тому времени, как я заканчиваю, он уже на ногах, раздраженно мечется по комнате. И бормочет:

— Этот придурок должен мне пистолет.

— Что?

Он отмахивается от меня.

— Ничего.

Потом садится и проводит рукой по своим волосам.

— Я знал, что он говнюк — я *знал*, черт возьми. Хотя и не принимал его за Гарретта Баклера. В каждом городе есть два типа районов — хорошие и не очень. Гарретт Батлер был из хорошего района Гринвилля, с автоматическими распылителями воды и особняками с лепными фасадами. Он был старшекласником у нас в школе. И с самого первого дня в школе в том году, Гарретт был сосредоточен на одном: Ди-Ди Уоррен.

Билли возненавидел его сразу. Он никогда не доверял людям с деньгами — деньгами, которые они заработали не сами. И Гарретт был не исключением. Но Долорес забила на Билли. Сказала, что Билли был смешен. Назвала его параноиком. Сказала, что хочет дать Гарретту шанс.

И дала. А еще дала ему свою девственность.

А четыре недели спустя, на трибуне за школой, Долорес сообщила Гарретту, что беременна. По всей видимости, мы, женщины Гринвилля, те еще Плодовитые Мирты.

Не плюйте в нас, а то можете нас обрюхатить.

И да, не смотря на все секс уроки, которые преподавала нам Амелия, это все-таки случилось. Потому что — вот как раз то, что многие люди забывают о подростках -иногда они просто творят всякие глупости. Не потому что им не хватает знаний или источников информации, потому что они чертовски молоды, чтобы действительно понимать, что у всякого действия есть свои последствия.

Которые могут изменить всю их жизнь.

В общем, сами представляете, Долорес была в ужасе. Но как любая романтическая молодая девушка с огромными от страха глазами, она подумала, что Гарретт ее поддержит. Что они вместе пройдут через то, что им был уготовано.

Она ошибалась. Он сказал ей, чтобы она проваливала. Обвинил ее в том, что она пыталась заманить его в ловушку — сказал, что не верил, что этот ребенок был вообще его.

Такие истории, как шампунь — прополоскайте, повторите еще и еще.

Долорес была раздавлена. А Билли ... Билли был охренеть, в какой ярости. Я была с ним в тот день, когда он украл белый Камаро с парковки Уолгрена. Я ехала за ним на его Ти-берде к мастерской ворованных машин, где ему за нее дали триста долларов.

Как раз достаточно, чтобы заплатить за аборт.

Мы могли бы пойти к Амелии, но Долорес слишком стыдилась. Так что мы сами поехали в больницу. И я все время держала ее за руку.

После этого Билли привез нас ко мне домой. А потом пошел искать Гарретта Баклера. Когда Билли его нашел, он сломал ему руку и повредил челюсть. И сказал ему, что если он кому-нибудь хоть слово скажет про Долорес, он вернется и сломает ему остальные четыре конечности, включая ту, что между ног.

По сей день это самый хранимый секрет в Гринвилле.

— Знаешь что? Да и хрен с ним. Ты хорошо зарабатываешь, так что уже точно не нуждаешься в его деньгах. И вся это фигня, что ребенку нужен отец? Преувеличено. У тебя был отец сколько? Пять минут... у меня и кузины вообще их не было никогда. И все у нас отлично.

Он еще раз обдумывает, что сказал.

— Ну ладно... может, не у Долорес. Но, тем не менее, у двоих из трех — не плохой результат. Мы могли бы...

Я его перебиваю.

— Думаю, я сделаю аборт, Билли.

Он замолкает. Полностью.

Абсолютно.

Но его шок и разочарование долбят громко — как огромные барабаны.

Или, может, это просто мое чувство вины.

Промните, как двадцать лет назад Сьюзен Смит утопила своих двоих детей, потому что ее парень не хотел женщину с детьми? Как и вся страна, я считала, что ее надо подвесить за пальцы и по коже царапать теркой для сыра.

Что это за женщина? Какая женщина предпочтет мужчину своей собственной крови и плоти?

Слабая женщина.

И в этом я уже признавалась, помните?

Я уже какое-то время держу это в голове — как паутина, которая собирается в углу, но вы держитесь за прошлое, просто потому что не хотите связываться с ней.

Я — деловая женщина, прежде всего. Я — аналитик.

Практик.

Если одно из моих вложений не дает результатов, на которые я рассчитывала? Я от него избавляюсь. Сокращаю потери. Простая математика — если получаются одни эмоции, значит, это не требует большого ума.

Я знаю. Знаю, что вы думаете. *А как же маленький мальчик, которого ты представляла? Красивый идеальный малыш с темными волосами и улыбкой, которую ты так любишь?*

Правда в том, что нет никакого мальчика. Еще нет. Прямо сейчас это всего лишь скопление делящихся клеток. Ошибка, которая стоит у меня на пути и на пути жизни, которая должна у меня быть.

Не знаю, сможем ли мы с Дрю вернуть то, что у нас было, но я знаю, что рождение ребенка, с которым он не хочет иметь ничего общего, тоже не принесет мне никакой пользы. И все станет намного легче.

Как коррекция бровей воском. Простая процедура для удобства жизни.

Вы думаете, что это делает меня холодной сучкой, не так ли?

Да... что ж... думаю, вы правы.

Голос Билли осторожный. Нерешительный. Словно не хочет спрашивать, и еще меньше хочет услышать ответ.

— Ради него? Ты собираешься сделать аборт из-за него?

Вытираю слезы со щек. Я даже не знала, что плачу.

— Я не могу сделать это сама. Одна.

Все к этому всегда и возвращается, так?

Билли хватает меня за руку.

— Эй. Посмотри на меня.

Я смотрю.

У него светятся глаза. Нежностью. И решительностью.

— Ты не одна, Кейт. И никогда не будешь одной. До тех пор пока я дышу, ты не одна.

Я прикусываю губу. И медленно качаю головой. И из-за кома в горле мой голос становится хриплым и слабым.

— Ты же знаешь, что я имею в виду, Билли.

И он знает. Билли понимает лучше, чем кто-то другой, потому что он там был. Он знает, как это было тяжело, как от этого плохо. Все те вечера, которые мы проводили вместе, ели мороженое или ходили в кино, и оставляли мою маму одну в пустом доме.

Все награждения или торжество на выпускном, когда лицо моей матери светилось от гордости, но в ее глазах была печаль. Потому что ей было не с кем это разделить.

Каждый праздник — Новый Год, День Благодарения и Пасха — когда я не могла приехать из колледжа, и плакала у Билли на руках после разговора с ней по телефону, потому что меня убивало, что она проводила дни в одиночестве.

Билли был свидетелем всего этого.

А Амелия. Он видел, как борется его тетя — финансово, эмоционально — пытаюсь одна исполнять роль двоих родителей для него и Долорес. Он видел, как она встречалась с разными парнями, в поисках мистера Правильности, который так и не появился.

Их жизни были анти-жизнями. Я никогда не хотела такой жизни.

И вот я здесь.

Билли кивает.

— Да, Кэти, я знаю, что ты имеешь в виду.

Я сильно тру глаза. Расстроенная. Сердитая... на саму себя.

— Мне просто надо принять чертово решение. Надо придумать план и придерживаться его. Я просто... — Голос надрывается. — Я просто не знаю, что делать.

Билли глубоко вздыхает. А потом встает.

— Ладно. Пошло оно все! Пойдем.

Он идет за угол и ныряет в шкафчик под кухонной мойкой. Понятия не имею, что он там ищет.

— Ты о чем? Куда пойдем?

Он вылезает, держа в руках отвертку.

— Туда, где наши проблемы до нас не доберутся.

Билли въезжает на парковку. Фары освещают здоровый темный знак.

Видите?

РОЛЛЕРДРОМ.

Мы выбираемся из машины.

— Не думаю, что это хорошая идея, Билли.

— Почему, нет?

Мы подходим с торца здания. Вот вам совет, о котором я узнала в молодости: когда вы двигаетесь в темноте, или сбегаете от копов через лес? Шагайте по-журавлиному. Это убережет ваши икры и ладони рук от вселенской боли.

— Потому что мы уже взрослые. А это взлом и проникновение.

— Когда нам было по семнадцать, это тоже было взломом и проникновением.

Мы подбираемся к окну. Я едва могу разглядеть лицо Билли в лунном свете.

— Знаю. Но не думаю, что теперь Шериф Митчел даст нам быстро уйти.

Он фыркает.

— Ой, пожалуйста. Амелия сказала, что Митчел уже закис тут от скуки с тех пор, как мы уехали. Он готов убить за какую-нибудь шумиху. Дети сегодня... слишком ленивые. В их вандализме нет креативности.

Погодите. Что?

Давайте вернемся на секундочку назад.

— Что ты имеешь в виду «Амелия сказала»? С каких это пор Амелия болтает с Шерифом Митчелом?

Билли покачал головой.

— Поверь мне, ты не захочешь это знать.

Он поднимает вверх отвертку.

— Ну как? Или ты уже утратила былую хватку?

Во второй раз за вечер, я принимаю его вызов. Я выхватываю у него отвертку и подхожу к окну. И через двадцать секунд мы внутри.

О, да, моя хватка при мне.

Роллердром был нашим местом: забраться туда после закрытия, было нашим фирменным развлечением. Безделье — мать пороков. Так что — ради Бога — позаботьтесь, чтобы у ваших детей было хобби.

Через десять минут, я уже лечу по скользкому полу на роликах, что дают в прокат.

Это удивительное чувство. Как плыть по воздуху — крутиться на больших пышных облаках.

Стереосистема играет великие хиты восьмидесятых. Билли прислонился к стене, покуривая травку и выдыхая дым в открытое окно.

Он делает глубокую затяжку. И выпускает белый клубок дыма, а потом говорит:

— Знаешь, ты могла бы поехать со мной в Калифорнию. Откроешь свой магазин. У меня есть друзья — парни с деньгами — они вложатся вместе с тобой. Мои друзья — твои друзья. Месасаесукаса — и все такое.

Я останавливаюсь и думаю над его словами.

— Вообще-то это означает «Мой дом — твой дом».

Билли хмурит брови.

— О, — пожимает он плечами. — У меня всегда были проблемы с испанским. Сеньорита Гонсалес меня ненавидела.

— Это потому что ты склеил суперклеем ее шпигель.

Он хихикает, вспоминая об этом.

— О, да. Классно тогда было.

Я тоже усмехаюсь. И делаю поворот, которому позавидовал бы любой олимпиец по фигурному катанию. Песня сменяется на «Никогда не говори прощай» Бон Джови. Эта песня играла у нас на выпускном.

Поднимите руку, у кого тоже была эта песня. Уверена, что эту песню хоть раз крутили на выпускном в каждой школе Америки после 1987.

Билли выкидывает сигарету. А потом подъезжает ко мне. Протягивает руку, строя из себя Битлджуса.

— Прощу?

Я улыбаюсь и беру его руку. Кладу свои руки ему на плечи, и пока Бон Джови распевает о прокуренных комнатах и утеранных ключах, мы начинаем двигаться.

Рука Билли лежит на моей поясице. Я поворачиваю голову и прижимаюсь щекой к его груди. Он теплый. Его фланелевая рубашка такая мягкая и пахнет марихуаной и землей... и домом. Я чувствую его подбородок на своей макушке, когда он тихонько меня спрашивает:

— Помнишь выпускной?

Я улыбаюсь.

— Да. Помнишь платье Ди-Ди?

Он смеется. Потому что Долорес была оригинальной модницей — даже тогда. Леди Гага просто отдыхает по сравнению с ней. Ее платье было белым и накрахмаленным, как и балетная юбка. По нему шла тесьма со сверкающими огоньками. Было довольно мило.

До тех пор, пока оно не загорелось.

Ее пара, Луи Дарден, потушил его из чаши, в которой был газированный Кулэйд. Остаток вечера она была вся липкая и воняла, как затухший костер.

Мы продолжаем окунаться в воспоминания.

— Помнишь последнее лето перед выпускным классом?

Грудь Билли дрожит, когда он смеется.

— Только не мое самое сокровенное.

Это был последний день школы — внутри нашей школы, в которой не было кондиционеров, стояла ужасная духота. Но директор Кливс отказался отпустить нас пораньше. Так что Билли включил пожарную тревогу.

Как раз в том коридоре, где стоял директор.

За ним последовала погоня, но ему удалось сбежать. Тогда директор позвал его по громкой связи. *Билли Уоррен, пройдите в главный офис. Немедленно.*

— Я знаю, что я не семи пядей во лбу, но неужели они думали, что я до такой степени идиот, что и правда, приду?

Я смеюсь Билли в рубашку.

— И в первый же день в школе на следующий год, Кливс схватил тебя за рукав «Мистер Уоррен, останетесь сегодня после уроков».

И его оставили, в качестве наказания.

Билли вздыхает.

— Хорошие времена.

Я киваю.

— Самые лучшие.

И когда слова о любимых песнях и любви, которая никогда не заканчивается, возвращаются вокруг нас, я закрываю глаза. Билли прижимает меня к себе покрепче.

Видите, к чему все идет? Я нет.

— Я скучал по этому, Кэти. Скучаю по тебе.

Я не отвечаю, но мне приятно это слышать. А еще приятнее, когда вот так прижимают.

Быть желанной.

Уже долгое-долгое время я не испытываю к Билли ничего, кроме дружеской привязанности. Но это не значит, что я позабыла. Девчонку, которой была. Той, которая думала, что нет ничего милее, чем смотреть в глаза Билли Уоррена. Ничего более романтического, чем слушать, как он поет. Ничего более веселого, чем кататься в его машине поздно ночью, после комендантского часа.

Я помню это чувство, какого это — любить его. Даже если так я его больше не люблю

Я поднимаю взгляд к лицу Билли, когда он тихонько напевает слова песни. Мне.

Оглядываясь сейчас назад, я не уверена точно, кто куда наклонился, кто сделал первое движение. Все, что я знаю, это в одну минуту мы танцуем посреди скейтинг-ринга... и в следующую — Билли меня целует.

И уже через секунду, я целую его в ответ.

Глава 12

Поцелуй с Билли... приятный. Знакомый. Сладкий.

Это как найти свой кукольный домик у родителей на чердаке. Вы смотрите на него и улыбаетесь. Прикасаетесь рукой к балкончику и вспоминаете, как вы проводили время в выдуманном мире. Ностальгия. Часть вашего детства.

Но эта часть осталась позади. Потому что теперь вы выросли.

Так что не важно, как дороги эти воспоминания, вы не наберете себе яблочных пирогов и сливовых пудингов и не сядете играть.

Поцелуй заканчивается, и я опускаю голову. Смотрю на рубашку Билли. Знаете такую строчку — думаю, она из песни — если вы не можете быть с тем, кого любите, любите того, кто с вами?

Очень подходит для данной ситуации.

За исключением того, что я уже люблю Билли. Слишком сильно, чтобы воспользоваться его преданностью — будет слишком использовать его, чтобы излечить свое разбитое сердце и израненное эго. Он заслуживает лучшего. Билли Уоррен не должен стать утешительным призом. И я с радостью выцарапаю глаза любой женщине, которая захочет сделать из него такого.

Однажды он сказал, что я уже не та девушка, в которую он когда-то влюбился. И как бы не тяжело это было слышать, как бы неправильно я себя от этого не чувствовала тогда, он был прав.

Я уже не та девушка.

Отрываю свой взгляд от его рубашки и перевожу на его лицо.

— Билли...

Он прижимает свой палец к моим губам, а потом нежно поглаживает их. Закрывает глаза и делает вдох. Какое-то мгновение мы стоим, не шевелясь, охваченные несколькими секундами очарования прошлого.

А потом он говорит, рассеивая все чары.

— Находиться здесь с тобой? Так хорошо. Так же замечательно, как и раньше — даже лучше. Такое чувство... будто мы прокатились на ДеЛориане. — Его рука нежно касается моего лица. — Но все в порядке, Кейт. Это было всего на минутку. И теперь мы опять вернулись в будущее. И это не значит ничего более. И ничего это не должно изменить, потому что это итак уже замечательно.

Я киваю, с облегчением. Как хорошо, что мне ничего не надо говорить, Билли и сам все знает. Что он чувствует то же самое.

— Ладно.

Он улыбается.

— Надо увезти тебя домой, пока Кэрол не спустила всех собак на твои поиски. Или еще хуже — Амелия.

Я усмехаюсь. И, держась за руки, мы уходим, оставляя роллер-скейт-ринки все эти воспоминания позади.

Через двадцать минут Билли въезжает на парковку за кафе моей матери. Мы молча сидим в его грузовике, бок о бок.

— Хочешь, чтобы я тебя проводил?

— Нет, все нормально. Я сама.

Он медленно кивает.

— Ну... между нами теперь... будет некая неловкость? Из-за двухминутного реслинга языками?

Я же говорила — у него свой подход к выбору слов.

— Нет, никаких неловкостей. Не переживай.

Ему еще нужны подтверждения.

— Ты же все еще моя девочка, Кэти?

Это он не в романтическом смысле этого слова. Он имеет в виду, что я его друг — *самый лучший* друг, который *оказался* девчонкой. Если вам вдруг интересно.

— Я всегда буду твоей девочкой, Билли.

— Отлично.

Он отворачивается и смотрит через лобовое стекло.

— Тебе, действительно, стоит подумать про Калифорнию. Было бы хорошей сменой обстановки для тебя. Расстанетесь без ссор и скандалов.

Он прав, в какой-то степени. Калифорния могла бы стать для меня чистым листом. Никаких воспоминаний. Никаких болезненных расставаний. Никаких неловких разговоров. И с моим резюме, не думаю, что у меня будут проблемы найти новую работу.

И все же... у меня в Нью-Йорке знакомые. Корни. И я не уверена, что хочу разрывать все эти связи. Так что, как и в остальных аспектах моей жизни, я понятия не имею, что делать.

Звучит, как заезженная пластинка, да? Простите.

Кладу руку на коробку передач.

— Я подумаю об этом.

А он кладет свою руку поверх моей.

— Ты все решишь, Кейт, я знаю, ты сможешь. И все наладится. Ты не всегда будешь так страдать. Говорю по собственному опыту.

Я с благодарностью улыбаюсь.

— Спасибо, Билли. За все.

Потом я выбираюсь из грузовика, а он уезжает.

После того, как даю маме знать, что я вернулась, я иду к себе в комнату. Закрываю за собой дверь и прислоняюсь к ней спиной. Уставшая.

Чертовски длинный день.

Мама убралась в комнате. Не то чтобы, здесь был бардак, но все равно заметно. Подушки взбиты немного сильнее, а мой мобильный аккуратно лежит на прикроватной тумбочке. Несмотря на мой нервный срыв, он все еще работает. Пристально смотрю на цифры. Они горят. Зовут меня. Дразнят меня.

Все так просто. Всего лишь десять цифр и я могла бы услышать его голос. Прошла целая вечность с тех пор, как я слышала его голос. У меня немного дрожат руки. Как у наркомана, которому нужна доза — только попробовать.

Думаете, он поднимет трубку?

А если поднимет, думаете, он будет один?

И эта мысль убивает всякое желание. Ни за что не буду звонить.

Хотя... обычно я не прослушиваю свою голосовую почту. Обычно я смотрю пропущенные вызовы. Чищу голосовую почту еще реже.

Прокручиваю экран вниз, к нужной мне дате.

И включаю.

«Привет, малыш. Игра в гольф уже закончилась. Собирался заехать и купить чего-нибудь выпить. Ты хочешь Дом или Филиппонна? А знаешь что? Черт с этим, шампанским. Ты намного вкуснее, чем они вместе взятые. Буду дома через пять минут».

Я закрываю глаза и позволяю его словам поглотить меня. У Дрю удивительный голос. Спокойный и мягкий. Но, в то же время, дьявольски соблазнительный. Он бы с успехом мог работать на радио.

Нажимаю другую кнопку.

В этот раз у него дразнящий тон.

«Кейт, ты опаздываешь. Скажи Долорес, пусть отваливает. У тебя есть бойфренд, который сидит в большой, полной пены джакузи, совсем один. Давай домой, милая. Я тебя уже заждался».

Если бы только это было правдой сегодня.

Есть еще, некоторые быстрые, и по делу, некоторые — по правде сказать, грязные. И я слушаю все до единого. Он нигде не говорит «Я тебя люблю», но этого и не нужно. Я слышу это в каждом его слове. Каждый раз, когда он произносит мое имя.

И я не могу понять, как все это могло случиться? Как мы до этого дошли? И сможем ли когда-нибудь вернуть все назад? Я не плачу. Больше не осталось слез. Сворачиваюсь в клубочек посреди кровати. И голос Дрю меня убаюкивает.

На следующий день, мы сидим с Билли в комнате, в задней части кафе и едим жареную картошку из одной тарелки. Он работает над новой песней, а соображает он лучше на ходу.

Видите его? Ходит с одного угла в другой, бормочет, напевает что-то и время от времени бренчит на гитаре, что висит у него на шее.

Я сижу за столом. Пытаюсь найти выход из той безнадежности, во что превратилась моя жизнь.

Когда Билли идет к двери, что ведет в зал кафе, что-то привлекает его внимание в круглом окошке. Он пятится назад.

— Вот, дерьмо.

Я поднимаю глаза.

— Что? Что не так?

Потом с шумом раскрывается дверь. Так сильно, что ударяется о стену и остается на месте — боится двинуться хоть на миллиметр. Потому что там, в дверном проходе, стоит моя лучшая подруга, своей собственной раздраженной персоной.

Долорес Уоррен.

Точно, дерьмо.

На ней кожаные сапоги до колен, черные штаны в обтяжку, черный топ, и коротенькая черно-белая меховая куртка. На ее плечах висела куча пакетов с надписью Луи Витон, которые сочетались с большой сумкой на колесиках, что она тащила за собой.

Ее янтарные глаза сверкали от злости, словно только что ограненный топаз.

— Кто-нибудь скажет мне, почему я узнаю от *своей матери*, что в Гринвилле встреча Трех Мушкетеров, на которую меня не пригласили?

Она проходит вперед. Билли встает за моим стулом, прикрываясь мной, как живым щитом.

— А еще лучше, может, кто-нибудь мне объяснит, почему моя лучшая подруга сбежала из Нью-Йорка так, будто за ней черти гнались, оставляя за собой поток неприятностей, по сравнению с которыми Сэнди²⁴ просто хренов ливень. И я понятия не имею почему?!

Она делает еще шаг вперед и бросает свои пакеты на пол. Потом поворачивает голову направо — в сторону дерзкой блондинистой девчонки, которая стоит возле шкафчика.

Это Кимберли. Она работает здесь официанткой. Работает после школы. Кажется милой.

А в данный момент — напуганной.

— Эй, Красотка, может, займешься делом и принесешь мне диетическую колу? Льда не пожалей.

Кимберли вылетает из комнаты.

Везет ей.

Долорес тыкает в меня пальцем и начинает кричать, как Джек Николсон в *Несколько Хороших Парней*.

— Ну?! Ты не можешь оставлять меня в неведении, Кейт.

Голос мой смиренный. Сожалеющий. Если когда-нибудь вы подвергнетесь атаке злой волчицы, упадите и превратитесь мертвым. Так будет проще.

— Я не хотела портить твой отпуск.

Долорес фыркает.

— Если бы только Королева Суу-чка Александра была такой рассудительной. Она раз двадцать позвонила мне в отель, изводя меня тем, что нам срочно надо вернуться домой, чтобы проследить, как бы Дрю не покончил собой.

Я закатываю глаза.

— Она преувеличивает.

— Я тоже так думала. Пока сама не увидела этого Темного Принца. Так себе.

Я заглатываю новость, как птенец червя, жадно желая еще.

— Ты видела Дрю? Что он сказал? Он спрашивал обо мне?

— По правде сказать, он мало что мог сказать связно в тот момент. По большей части просто мычал, как идиот. Его тащил Джек. Вообще то, этот кретин напивался в барах, в компании с Джеком. Что само по себе пугает, учитывая, что Джека готовили к награде Распутник Года.

Дрю ходил по барам. Вместе с Джеком О'Шеем. Вы помните, когда в последний раз Дрю ходил с Джеком, не так ли? Девочка-такси?

Значит вот какого это — когда тебя ударяют в сердце ножом.

Голос Билли с сарказмом и отвлекает ее гнев от меня.

— Эй, Долорес, я тоже рад тебя видеть. У меня все отлично, спасибо, что спросила. Альбом? Просто замечательно — тройной платинум. Калифорния? Сказочно, лучше и быть не может. Опять же... — он складывает ладони вокруг рта, словно рупор — ...спасибо, что спросила.

Долорес выпучивает на него глаза, оглядывая его с ног до головы. Явно не радуясь тому, что видит.

— Есть такая штука, бритва называется. Тебе такую надо. Даже если древние люди это поняли, то у тебя тоже есть шанс. О, и Перл Джем звонили. Попросят назад свою фланелевую рубашку.

Брови Билли взметнулись вверх.

— Ты критикуешь мой вид? Неужели, Жестокушка? Сколько щенков надо загубить, чтобы ты могла носить это пальтишко?

— Заткнись, или накормлю тебя дерьмом.

— Опять готовишь? Я думал, когда ты пыталась в последний раз, департамент здравоохранения запретил тебе это до конца жизни.

Долорес раскрывает рот, чтобы ответить, но ничего не говорит. Ее накрашенные блеском губы медленно растягиваются в улыбке.

— Я скучала по тебе, болван.

Билли подмигивает.

— Так же, как и я, сис.

Он садится на стул рядом со мной, а Долорес падает на другой.

— Ну, давай, подруга. Выкладывай.

Я делаю глубокий вдох.

— Я беременна.

Сначала, Долорес не произносит ни звука. Потом крестится.

— Антихрист еще и плодится? Какого хрена, надо искупать тебя в святой воде или что-то в этом роде. А четыре всадника апокалипсиса уже прибыли?

Возвращается Кимберли с большим стаканом содовой. Она ставит его перед Долорес и спешит удалиться.

Долорес делает большой глоток.

— Значит, ты неожиданно залетела — поздравляю. Случается с лучшими из нас. В чем проблема?

Я пристально смотрю на стол.

— Дрю не хочет ребенка.

Как вы уже знаете, моя подруга не фанатка Дрю. Когда дело касается его, она всегда *предполагает* худшее. *Всегда*. Так что я жду, что она начнет злиться на него от моего имени. Жду, что она вспылит и начнет выдавать громадную тираду о мужчинах-проститутках и кобелях и венерических болезнях. Жду, что она пустится по второму кругу с оскорблениями.

Но ничего этого она не делает.

Вместо этого — она смеется.

— Ты о чем? Конечно, он хочет ребенка. Дрю Эванс *не* хочет, что бы вокруг него бегал мини-Дрю? Это как сказать, что Мэтью не хочет минета, когда мы стоим в пробке. Просто смешно.

Не стоит говорить, что я удивлена.

— Почему ты так думаешь?

Она пожимает плечами.

— Из разговора, который у нас с ним как-то был. Плюс, он и Маккензи, они же, как Мастер Бластер из *Безумного Макса: Под куполом грома*. Скажи мне точно, что он тебе сказал.

Иногда парни несут всякую чушь, и тебе надо пробраться через всякую хрень, прежде чем понять, что они имеют в виду.

— О, он был предельно ясен. Его точные слова «покончи с этим». И, конечно, стриптизерша, с которой он обжимался в тот момент, придала еще больше убедительности его словам, — говорю я огорченно.

Долорес тычет в меня пальцем, теперь она выглядит раздраженной.

— А вот в это, я верю. Хренов идиот. — Она поднимает руки вверх. — Но это ничего. Не паникуй. Я обо всем позабочусь. У нас есть новое горючее в лаборатории, которое мы собираемся тестировать на животных. Он даже не узнает, что его поразит — я могу подсунуть его в вентиляцию.

Она поворачивается к Билли.

— Ты отвечаешь за садовый шланг и клейкую ленту.

Потом смотрит на меня.

— Мне понадобятся твои ключи и код охраны.

Я качаю головой.

— Долорес, ты не можешь смертельно отравить Дрю.

— Может, я его и не убью. Я бы сказала, что шансы на выживание пятьдесят на пятьдесят.

— Долорес...

— Ну ладно, тридцать на семьдесят. Но все равно, это дает нам правдоподобное отрицание.

В комнату входят мама и Джордж, прерывая дьявольский план. Мама крепко обнимает Ди-Ди.

— Привет, милая! Так приятно тебя видеть. Ты голодна?

— Умираю от голода. — Она смотрит на Джорджа. — Привет, Джордж, ну как оно?

Думаю, Джордж Райнхарт немного побаивается Долорес.

Может, даже не немного.

Он поправляет свои очки.

— Оно... нормально... спасибо.

Мама продолжает ворковать.

— Только посмотрите на вас троих. Здесь, снова все вместе, как в старые времена.

Долорес улыбается.

— Пугает, правда?

Мама берет Джорджа за руку.

— Мы пойдем, приготовим вам что-нибудь на обед.

Они уходят, а Долорес потирает руки, как ненормальный ученый, коим она и является.

— Ну, вернемся к газовой камере...

Я ее перебиваю.

— Долорес, не думаю, что пойду на это.

Все признаки юмора исчезают с ее лица. Она думает. Выглядит задумчивой, но не осуждающей. Когда она говорит, ее голос серьезен. Но добр.

— Я поддерживаю тебя на сто пятьдесят процентов, Кейт, ты же знаешь это. Но я знаю тебя, поэтому скажу: Если ты решишь это сделать? Будь уверена, что делаешь это для себя, потому что это то, чего хочешь *ты*. Но если ты делаешь это, потому что думаешь, что этого хочет Дрю, или потому что это какая-то извращенная попытка все с ним наладить? Не надо. Кончится все тем, что ты возненавидишь себя за это, и прогонишь его.

Вы не можете врать своим лучшим друзьям. И иногда это палка о двух концах — потому что это означает, что они не позволят вам врать самим себе.

— Я еще ничего точно не решила. Пока что.

У Долорес в сумке зазвонил телефон, и по комнате разносится звук *Sexy Bitch* Эйкона. Пока она рыскает в своей сумке, спрашивает Билли.

— Можешь унести мои сумки наверх в комнату Кейт? Я переночую сегодня здесь.

— Я что похож на чертового носильщика?

Долорес замирает.

— Нет, ты похож на бомжа. Но у меня нет тут лобового стекла, чтобы ты на него поплевал. Поэтому будь хорошим бродяжкой, и утащи мои вещи наверх, и может быть, я кину в тебя доллар.

Улыбаясь Билли идет делать то, что она просила. Но все равно ворчит.

— Без тебя здесь было намного веселее.

Долорес смотрит на свой телефон.

— Ухх, это Мэтью. Клянусь, этот парень не может сходить в туалет, чтобы мне не позвонить и не сказать какого цвета дерьмо.

Она выходит через заднюю дверь, чтобы поговорить снаружи.

А Билли смотрит на меня.

— Ладно, я парень, и даже я считаю, что это мерзко.

Не могу с ним не согласиться.

Через несколько минут возвращается Долорес. Она все еще говорит по телефону, но уже кипит и готова взорваться, как хлопушка.

— Из всего грубого и дерьмого, что можно было бы сказать... к тому времени, как я разделаюсь с тобой, они обретут свою девственность по новой, приятель!

Она жмет на кнопку отключения на своем мобильном немного сильнее, чем требуется.

— Проблемы?

— Да. Проблема в том, что люди являются тем, что у них между ног, что объясняет, почему муж ведет себя как большой, жирный, необрезанный хрен!

Я закрываю свои уши.

— СМИ Долорес! С.М.И.²⁵— Просто есть вещи, которые вы не очень-то хотите знать о мужьях своих подруг. — Что случилось?

Она фыркает и садится рядом со мной.

— Видимо, после того, как утром я уехала в аэропорт, Мэтью поехал проверить Дрю. Квартира была заперта, как Форт-Нокс²⁶, но у Мэтью были запасные ключи. Так что он входит и видит твоего ненормального бывшего, валяющегося пьяным на полу в ванне. До этого он решил, что он «Левый Глаз» Лопес²⁷, и развел костер прямо в ванне.

— Что?!

— Вот так. Мэтью сказал, что если бы не он, все бы взлетело на воздух.

Не веря своим ушам, я качаю головой.

— И что он жег?

Долорес пожимает плечами.

— Мэтью не сказал.

Да, но готова поспорить, это были не вещи Дрю.

Засранец.

Долорес продолжает.

— Так что Мэтью придумал жалкое оправдание, чтобы отрезвить парня. Сначала Дрю не хотел разговаривать, но Мэтью не отставал. И постепенно, из него полилось, как из рога изобилия.

У меня сжался желудок.

— Он... он... сказал Мэтью про ребенка?

Долорес кивает.

— Мэтью сказал, что Дрю рассказал ему все, что произошло у вас двоих.

Ладно. Это хорошо. Если Дрю расскажет своей семье, что я беременна, может тогда он передумает. Может, ему просто нужно время, чтобы привыкнуть к мысли. И с Мэтью можно отлично поговорит в этой ситуации. Не так хорош, как Стив или Александра, но все же — он вполне уравновешен. По крайней мере, по сравнению с Дрю.

— Что сказал Мэтью?

Долорес стискивает зубы.

— Он сказал, что не может поверить, что ты могла так поступить с Дрю.

— *Что?*

В конце концов, я знала, что Команда Нью-Йорка примет сторону Дрю — я же говорила. Но я думала... может быть... они защитят меня. Или, по крайней мере, будут злиться на его методы.

Долорес накрывает мои руки своими.

— Не принимай близко то, что сказал Мэтью. Это естественно, что он прикрывает Дрю, это как я помогла бы тебе закопать труп, даже если это была бы моя дорогая мамочка.

— Долорес, это ненормально.

— О, правда? Это не ты вошла в дом и услышала, как твоя мать совокупляется с Шерифом Митчелом!

У меня отвисает челюсть.

А Долорес с отвращением продолжает.

— И они были громкими. Как в кинотеатре IMAX, где звук вокруг нас. Я даже перепугалась.

Давайте сделаем здесь паузу.

Вы никогда не встречали доброго шерифа, так что я объясню. Когда мы росли, Шериф Бен Митчел постоянно нас раздражал, как камушки в туфлях, заноза в заднице. Ему было больше нечем заняться, как бегать за нами по округе — разгоняя наши посиделки с пивом, обыскивая машину Билли в поисках травки.

Он вечно думал, что мы что-то замыслили... и... ну... он был прав.

Но это к делу не относится.

Хоть Шериф Митчел был примерно одного возраста с нашими родителями, нам он всегда казался гораздо старше — как тот сварливый сосед с тросточкой, который никогда не разрешал забрать вам свой мяч, когда он случайно попадал к нему во двор. Митчел никогда не был женат, и насколько мы знали, ни с кем не встречался, поэтому мы всегда считали, что морщинистое лицо и вечно недовольное настроение было от того, что он не мог ни с кем переспать.

Амелия Уоррен полная противоположность Митчелу во всем. Она свободна по духу. Она является полноценным членом Силы Исцеления Кристального Клуба. Дитя цветов в

современном мире.

Сама мысль о том, что они сошлись, одинаково ужасна и нелепа.

Я пожимаю плечами.

— Ты — права. Вот это ненормально.

И тут самая бомба.

— Амелия и Старик Митчел развлекались... на кухонном столе.

Билли корчится. И ноет.

— О, черт... я ел за этим столом сегодня утром.

Я поворачиваюсь к нему.

— Ты об этом знал?

— Подозревал. Но я надеялся, что ошибался.

Долорес соглашается.

— Мы все надеялись. Не знаю, что хуже — услышать, как твоя мать стонет в экстазе, или слышать, как он умоляет о большем, и увидеть своими глазами, что она с ним вытворяла.

Я закрываю рукой рот.

И смеюсь.

Мы все смеемся. Сначала потихоньку, а потом громче и громче, что уже стучим по столу, сгибаемся пополам от смеха, а из глаз бегут слезы.

— О... мой... Бог!

И хотя Долорес продолжала смеяться, она настаивала:

— Это не смешно! Я думаю, это нанесет урон моим девчачьим частям тела. Каждый раз, когда я думаю об этом, моя вагина сжимается, как моллюск, который старается оставаться закрытым.

Мы стали смеяться еще громче. И это у меня первый настоящий смех с тех пор, как все началось. У меня болят щеки, а бока ноют — и это так здорово.

Знаете, иногда я пытаюсь представить, как бы выглядела моя жизнь, если бы у меня не было Ди-Ди. И потом я бросаю это дело.

Потому что я, действительно, не могу этого представить.

Глава 13

После того, как Долорес устроилась в моей комнате, Билли звонит своему менеджеру. Он

планировал сделать здесь шоу в маленьком баре под названием Sam's Place, где он обычно играл, когда учился в школе. Он хотел почтить место, откуда он родом — отдать должное местным, как всегда делает Брюс Спрингстин в Stone Pony.

Сейчас мы все как раз в Sam's Place.

Здесь полно народа — яблоку негде упасть. Мы с Долорес в первых рядах, стукаемся руками друг о друга, когда танцуем и поем. Билли на сцене, у него несколько песен. Выглядит он фантастично. Темные джинсы, белоснежная рубашка, и гладковыбритый подборок.

Он знает, как работать с толпой — когда зажечь их гитарным риффингом и успокоить мягкой балладой.

Никогда еще я им так не гордилась.

Песня заканчивается, и кто-то позади нас выкрикивает, что они его любят. Билли смотрит вниз и смеется, немного застенчиво. Потом подносит ко рту микрофон.

— Я тоже вас люблю, ребята. Следующая песня — новая. Я еще не показывал ее начальству, но хотел сыграть ее для вас сегодня вечером. Она посвящается одному человеку... кто поверил в меня... даже, когда на то не было причин. И я хочу, чтобы она знала, она всегда будет в моем сердце, и она никогда не будет одинокой.

В толпе его глаза находят мои. Он подмигивает мне. Я киваю, сообщение принято. Потом он начинает петь.

Столько лет, а как будто было все вчера

Не могу поверить, как быстро летят года

Не хочу терять больше ни секунды

И не дать тебе узнать

То, что ты всегда должна была знать

Я поймаю тебя, если ты споткнешься

Подниму, если ты упадешь

Буду обнимать тебя, если тебе больно

Но малыш, больше всего хочу сказать

Я буду рядом... и ты никогда не будешь одна

Никогда не почувствуешь себя одинокой

Удары пульсируют у меня в животе. Я вслушиваюсь в слова. И думаю, какая же я счастливая, потому что у меня есть то, что я имею. Бесценные, драгоценные дары. У меня есть семья, которая меня любит. Друзья, которые убьют за меня. В буквальном смысле этого слова.

И я думаю о том, кто я. Я пережила смерть своего отца, и моя душа осталась невредимой. Я с отличием окончила Уортонскую Школу Бизнеса. Помните, как я начинала работать в фирме? А Дрю Эванс был золотым мальчиком? И я поставила его прямо на место — пнула его в зад из одного угла комнаты в другой.

Я сделала это.

Потому что я была упрямой. И умной. И потому что я верила, что смогу. Как-то Дрю мне сказал, что ты можешь изменить цвет стен, но комната останется все той же.

И он был прав.

Я была такой до него — и сейчас я все та же.

Без него.

Отныне, каждый день

Я буду стараться изо всех сил

Показать тебе, что ты для меня значишь

Потому что если тебя нет рядом со мной

Все это не имеет никакого значения

Не хочу терять больше ни секунды

Чтобы не дать тебе знать

Что ты всегда должна была знать

Вы когда-нибудь теряли свои ключи? Шарили по карманам, сбрасывали с дивана подушки. А потом — после десяти минут поисков — вы разворачиваетесь, и вот они. На столе. Лежали все это время у вас перед носом.

Прям как сейчас... слишком простой ответ, чтобы найти его сразу.

Вот какого это.

Потому что, вдруг, я осознаю, чего хочу. Я уверена в себе. Надежна. И я знаю, на что способна. Это будет нелегко — как и самые большие достижения в жизни. Как взойти на Эверест, или стать президентом? Это тяжело. Но это того стоит.

Я поймаю тебя, если ты споткнешься

Подниму, если упадешь

Буду обнимать тебя, если тебе больно

Но малыш, больше всего я хочу сказать

Я буду рядом... и ты никогда не будешь одна

Никогда не почувствуешь себя одинокой

Я представляю себя через несколько лет, как возвращаюсь домой с любимой работы — в одной руке у меня портфель, а в другой я держу маленькую сладенькую ручку своего мальчика или девочки.

И я вижу нас за обеденным столом, как мы выполняем домашнее задание или обсуждаем новости прошедшего дня. Вижу, как мы болтаем, укладываемся спать, щекочим друг друга, обнимаемся, целуемся.

Быть матерью-одиночкой — это не то, что я планировала... но теперь? Это то, кем я хочу быть.

Я буду рядом с тобой на каждом шагу этого пути

Не пропущу ни мгновения

Я буду рядом с тобой на каждом шагу этого пути

Не пропущу ни мгновения

Знаете, как говорят? Мы счастья ждем, а на порог валит беда...? ²⁸Вероятно, как раз сейчас, вы про это вспомните.

Потому что, как только это решение оседает у меня в голове, я чувствую постукивающую боль. Вы, дамы, поймете, о чем я говорю. Тянущие спазмы внизу живота. И густые темные выделения между ног, пропитывающие мое белье.

Сердце колотится в груди, и я направляюсь в туалет, в надежде, что я ошибаюсь.

Выхожу из туалета в толпу. Руки трясутся от ужаса и страха. Потому что это какая-то ошибка.

Ошибка, ошибка, ошибка.

Хватаю Долорес за руку и рассказываю ей. Но музыка сильно громкая и она меня не слышит. Тяну ее за собой к той части бара, где тише, и выдавливаю из себя слова.

— Ди, у меня кровотечение.

У Фореста Гампа всегда было все не так. Жизнь не похожа на коробку с конфетами.

Доктора, да.

Будь то веселенький, но неопытный терапевт, только что из медучилища, или же опытный врач старой закалки, только что отработавший суточную смену — вы никогда не знаете, что вам это принесет.

— Самопроизвольный аборт.

Я резко перевожу взгляд от серого шарика на экране ультразвука на стально-голубые глаза доктора приемного отделения скорой помощи. Но он не смотрит на меня — он слишком занят писаниной в карточке.

— Ч... что вы сказали?

— Самопроизвольный аборт — выкидыш. Это случается в первом триместре.

Я стараюсь осмыслить его слова, но у меня не получается.

— Вы... вы говорите, что я теряю своего ребенка?

Наконец, он смотрит на меня.

— Да, если уже не потеряли. Слишком маленький срок, трудно сказать.

И он вытирает прохладный прозрачный гель с моего живота, Долорес сжимает мою руку. Мы позвонили моей маме по дороге в больницу, но она еще не приехала.

Сглатываю с трудом, но отказываюсь сдаваться. Я упрямая, помните?

— Может, еще можно что-то сделать? Гормональное лечение или постельный режим? Я буду лежать все оставшиеся девять месяцев, если это поможет.

Его тон уже на грани нетерпимости.

— Ничего не могу вам назначить, чтобы это остановить. И поверьте мне, вы и сами не захотите. Самопроизвольный аборт — это естественный отбор, тело само отторгает зародыша с какими-нибудь ужасными патологиями, с которыми нельзя выжить вне матки. Так лучше.

Комната начинает кружиться, когда он продолжает меня добивать.

— Вам необходимо обратиться к своему гинекологу. Когда ткань плода выйдет, выловите ее из туалета ситом. Поместите в контейнер, чтобы ваш доктор смог взять анализы из остатков и убедился, что в матке тоже ничего не осталось. Если в матке что-то...

Я зажимаю рот рукой, чтобы сдержать всю желчь. А Долорес спешит мне на помощь.

— Достаточно. Спасибо, Доктор Франкенштейн, нам итак все понятно.

Он выглядит оскорбленным.

— Мне надо дать пациенту четкие инструкции. Если в матке останется ткань, это может привести к сепсису, и возможной смерти. Возможно, ей понадобится РВ²⁹.

Голос у меня слабый.

— Что... что такое РВ?

Звучит знакомо. Уверена, что когда-то я знала определение, но просто не помню.

— Вакуум-экстракция.

У меня в голове его слова обретают картинки, рвота все подступает.

А он продолжает.

— В шейку матки вставляется всасывающий шланг...

— Боже, может, уже хватит! — кричит Ди-Ди. — Вы не видите, что она расстроена? Вы, что в туалете сидели, когда вас учили общаться с больными в мединституте?

— Простите, мисс, не знаю, кем вы себя возомнили, но я не собираюсь разговаривать с...

Она резко указывает пальцем доктору на выход.

— Пошел. Вон. Она запишется к своему гинекологу. Вы нам больше не нужны.

Чувствую легкое дуновение мимо себя, но я не уверена, что это врач. Потому что перед глазами все плывет, а голова идет кругом, усердно пытаюсь ухватиться за этот последний поворот событий... но все тщетно.

Долорес кладет свою руку поверх моей, а я с удивлением поворачиваю к ней голову.

Будто я забыла, что она там была.

— Кейт? Давай оденем тебя сейчас, ладно? Я увезу тебя домой.

Я онемело киваю. Такое чувство, что меня здесь нет — ощущение отстраненности. Или ночного кошмара. Потому что такого просто не может быть.

После всего... просто невозможно, чтобы вот так все закончилось.

Долорес меня одевает, словно ребенка. Потом помогает встать с кушетки. И вместе мы идем к машине.

Опять у меня в комнате, Долорес сидит на кровати у меня в ногах, а мама подтыкает мне по бокам одеяло. Глаза у нее блестят от невыплаканных слез.

А мои нет. Мои сухие, как Сахара.

Буррен.

Мама убирает назад мои волосы и собирает ниточки с одеяла.

— Хочешь чего-нибудь поесть, родная?

Ее голос немного в отчаянии, пытается ухватиться хоть за какие-то действия, которые могли бы облегчить положение. Я качаю головой, не говоря ни слова. Потому что никакой куриный суп в мире мне не поможет.

Ни в этот раз.

Она целует меня в лоб и выходит из комнаты, закрывая за собой дверь. А Долорес и я остаемся

сидеть. Молча.

Наверно, я должна чувствовать... облегчение. Ведь совсем недавно, я думала, что именно это и хочу, так?

Проблема решена.

Но я чувствую только... сожаление. Раскаяние. Оно заполняет мои легкие и душит при каждом вдохе. Потому что глубоко внутри, за всем страхом, шоком и неопределенностью, я хотела этого ребенка. Я любила эту совершенную маленькую частичку Дрю и меня. Так сильно.

Я просто не успела во время этого осознать.

Слишком поздно. Не поймешь, пока не потеряешь.

Одни клише — но такие правдивые. Потом ко мне приходит мысль, и я откидываю одеяло и спрыгиваю с кровати. Открываю свой ящик, и начинаю в нем рыться, но все бесполезно.

Падаю на колени у шкафа и вытаскиваю оттуда мешок с вещами, который я привезла из Нью-Йорка. Роюсь в нем, как вдова, которая ищет свое кольцо.

— Кэти?

И тут я нахожу. Маленькую футболочку, что я купила тем вечером. Ту самую, которую собиралась подарить Дрю — чтобы сообщить великую новость.

Я смотрю на нее и чувствую, как подступают слезы. Глажу пальцами по надписи: БУДУЩИЙ ЯНКИ ПИТЧЕР. И снова я представляю того маленького мальчика. Моего сладкого мальчика.

Нашего.

Того самого, с глазами своего отца и неотразимой улыбкой. Того самого, которого никогда не будет. Я подношу футболочку к лицу и вдыхаю ее запах. И я богом клянусь, что она пахнет, как детская присыпка.

— Прости. Прости.

У меня дрожат плечи, а из глаз потоп. Дыхание становится прерывистым, и я крепко прижимаю к себе футболочку, точно так же, как делают малыши со своими любимыми игрушками.

— Пожалуйста... я не хотела. Я просто испугалась... но я не собиралась...

Я не знаю, с кем я говорила — с собой или с ребенком, а может, даже с Богом. Мне просто надо было выговориться, чтобы почувствовать эти слова, чтобы они стали реальностью. Чтобы вся вселенная узнала, что я этого не хотела.

Долорес гладит меня по спине, давая знать, что она рядом. Что она за моей спиной, как и всегда. Я поворачиваюсь к ней. И начинаю рыдать, прижимаясь к ее груди.

— Боже, Ди. Пожалуйста...

— Я знаю, Кейт. Знаю...

В ее голосе тоже слезы. Потому что так поступают друзья — разделяют твою боль. Твои страдания — их страдания, даже если не в таких масштабах.

— Все хорошо... все будет хорошо, — пытается она.

Ее руки крепко меня обнимают, так сильно стараясь меня сдержать.

Я качаю головой.

— *Почему?* Я не понимаю. Почему это случилось? Дрю и я... а теперь еще и ребенок... и все напрасно. *Напрасно.*

Я вам говорила, что буду задавать вопрос почему, помните?

Долорес гладит меня по голове. Голос у нее спокойный.

— Я не знаю почему, Кэти. Хотела бы я знать, что ответить... но... я просто не знаю.

Мы еще немного вот так сидим. И постепенно, слезы утихают. Я снова ложусь в кровать, и Долорес садится рядом со мной. Снова смотрю на футболочку и качаю головой.

— Мне так тяжело. Никогда не знала, что может быть так тяжело.

— Может, ты чего-нибудь хочешь, Кейт?

Из глаз еще тихонько бегут слезы. А голос звучит болезненно.

— Я хочу Дрю. Хочу, чтобы он был здесь.

Если бы в мире было все так, как и должно, он был бы здесь. И был бы также подавлен, как и я. Он бы старался это скрыть, но я бы все равно знала. Он бы забрался в эту кровать вместе со мной, держал бы меня крепко, и я бы чувствовала себя в безопасности, и чувствовала бы себя любимой... и прощенной.

Он бы сказал мне, что просто еще не время. Но если я хочу детей, он заделает мне дюжину. Дрю любит переборщить.

А потом он бы меня поцеловал. И это было бы мило и нежно. А потом он бы сморозил какую-нибудь глупость, типа «Просто представь, как мы повеселимся, когда будем их делать». И я бы улыбнулась. И боль хоть на чуть-чуть, но стала бы меньше.

Просто от того, что он рядом.

Долорес кивает и тянется за телефоном. Но моя рука ложится на ее руку, что бы ее остановить. Она смотрит на меня с пониманием, будто уже знает, о чем я думаю. И, возможно, она знает.

— Он придет, Кейт. Ты знаешь, что придет.

Я качаю головой.

— Тебя там не было, Долорес. Он был... в ярости. Я никогда не видела его таким злым. Это было так ... будто, я предпочла ребенка ему. Будто я предала его.

От нахлынувших воспоминаний я закрываю глаза.

— Он будет счастлив. Будет рад, что ребенка нет... и тогда я его возненавижу.

А после всего, что случилось — я просто не готова ненавидеть Дрю Эванса.

Долорес вздыхает. И убирает руку от телефона.

— Думаю, ты не права. Я первая, кто будет говорить, что Дрю тот еще идиот, но... не могу представить, что бы он чувствовал себя счастливым из-за того, что доставляет тебе боль. Только не это.

Я ничего не отвечаю, потому что дверь в мою спальню открывается. И входит Билли. Он выглядит уставшим, лицо мрачное, и я понимаю, что мама ему все рассказала.

— Ты в порядке?

Качаю головой.

— Да уж. Я так и понял. — Он садится в кресло-мешок и трет глаза. — Это просто ... хрень какая-то. И когда на самом деле случается всякая трахотня? Все что ты можешь делать, это трахаться вместе с ней.

Вот когда я замечаю пакет, что он притащил с собой. Он коричневый, из супермаркета, и из него что-то выпирает.

Он переворачивает его вверх и вываливает оттуда содержимое. Несколько пакетиков с травкой, пачка красного Мальборо и две бутылки текилы. Я смотрю на медовую жидкость. И думаю про мексиканскую музыку, и теплую кожу, ночные перешептывания с Дрю.

Я люблю тебя, Кейт.

Я отворачиваюсь.

— Я не могу пить текилу.

Как Мэри Поппинс со своей бездонной сумкой, Билли лезет в пакет и достает оттуда Grey Goose.

И я медленно киваю.

— А водка сойдет.

Глава 14

Вы когда-нибудь облизывали пол в мужской раздевалке на стадионе Янки? И я нет. Но сейчас, я просто знаю, какого это на вкус.

Угу — мы умираем от похмелья. Это кошмар. Забудьте про дроны³⁰. Если бы на армию можно было бы нагнать такое чувство? Тогда бы был мир во всем мире.

Сейчас я в офисе гинеколога своей матери. Билли и Долорес пошли со мной в качестве

моральной поддержки. Видите нас? В ряд сидим на стульях, как три нарушителя, ожидающих у кабинета начальника. Долорес в темных очках, не смотря на то, что мы в помещении, читает какой-то буклет о новой женской Виагре. Билли спит, с открытым ртом, голову отклонил назад на стенку за нашей спиной. Моя мама тоже здесь, листает журнал, не прочитав ни одного слова.

А я просто сижу, изо всех сил стараюсь не смотреть на фотографии новорожденных, что висят на стенах.

Билли издает хрюкающий звук, И Долорес пихает его локтем под ребра. Он просыпается, бормоча:

— Манки бол банана блинц!³¹

Мы все смотрим на него вопросительно.

До него доходит, где он находится.

— Простите. Кошмар приснился. — Потом снова откидывает голову назад на стену, закрывает глаза. — Чувствую себя вонючим дерьмом. — Долорес и я одновременно киваем. А Билли торжественно клянется. — Все, больше не пью. Буду законопослушным.

Его кузина фыркает.

— Где-то я уже это слышала.

— В этот раз точно. Больше никакого алкоголя. С этого момента только травка.

Да. В этом есть смысл.

Раз уж мы все равно ждем, давайте поговорим о самом сокровенном испытании для женщин: гинекологический осмотр. Странный донельзя.

Видите ли, всю нашу жизнь в раннем возрасте нам, девочкам, говорят оставаться девственницами. Держать ноги скрещенными, колени вместе. А потом, нам исполняется восемнадцать. И нам надо пойти к врачу, который, согласно статистике, мужчина среднего возраста. Нам надо раздеться догола — полностью. И разрешить ему нас пощупать. Залезть в нас пальцами. *Абсолютному чертовому незнакомцу.*

О, а потом самая лучшая часть: беседа. Угу, он разговаривает с вами во время осмотра. *Как дела в школе? Сегодня дождливо, правда? У мамы все нормально?* Все ради того, чтобы отвлечь вас от того факта, что его запястье глубоко в вашей вагине.

Скажете нелепо?

И вот только не надо мне сейчас жаловаться, мужчины, на ужасы ваших осмотров простаты. Не сравнивайте. Один маленький пальчик в задницу может оказаться даже приятным. Вам хотя бы не нужно задира́ть ноги на хитроумное изобретение, которое изначально служило, как устройство для пыток в средневековье. Здесь женщины явно оказались крайними.

Медсестра в голубой форме называет мое имя. Мама и я поднимаемся и идем в первый кабинет слева.

Я снимаю одежду и надеваю розовую клеенчатую рубашку, которая распахивается спереди.

Это чтобы лучше тебя видеть, Красная Шапочка.

Я сажусь на кушетку, подо мной шуршит бумажная простынь. Мама стоит сбоку, ободряюще глядя по руке. Подходит врач.

Посмотрите. Белая бородка. Пухлые щечки. Круглые очки. Ему бы еще красную шляпу, и мог бы точно сидеть на той последней движущейся платформе на параде в честь Дня Благодарения, что устраивает универмаг Масы's.

К моему влагалищу полезет Санта Клаус? Вы шутите?

Рождество уже никогда не будет, как прежде.

— Привет, Кэтрин. Я — Доктор Уизерспун. Терапевт Вашей мамы, Джоан Борделло, сейчас в отпуске...

Ну, конечно, она в отпуске.

— ...и я ее замещаю. — Он смотрит на бумаги, что у него в руках. — Судя по дате Вашего последнего менструального цикла, у вас шесть недель?

Я киваю.

— И у вас было некоторое кровотечение и тянущие боли?

— Совершенно верно.

— Можете мне описать кровяные выделения, пожалуйста? Цвет? Были ли сгустки?

У меня хриплый голос.

— Началось все с буровато-розовых. Как в первый день месячных. По дороге в больницу кровь пошла сильнее... ярко-красная... а потом... снова стала коричневой. Я не... не думаю, что были сгустки.

Он кивает головой, а глаза у него добрые.

— Я читал выписку врача из скорой, но хотел бы посмотреть еще сам. Вы не против, Кэтрин?

Я выдавливаю улыбку.

— Хорошо. И можете называть меня Кейт, все так делают.

— Ладно, Кейт. Когда будешь готова, подвинься к краю кушетки и положи ноги на держатели, пожалуйста.

Пока я следую его указаниям, он подкатывает тележку с монитором и клавиатурой. А потом поднимает длинную пластиковую белую палочку, которая похожа... ну... похожа на фаллоимитатор.

Для слона.

Я отрываю от кушетки голову.

— Ааа... а это что?

— Это вагинальный ультразвук. Выглядит страшновато. Я знаю...

Ну уж нет, Санта...

— ...но больно не будет.

А потом он достает пакетик из фольги, разрывает его и накручивает огромный презерватив на слоновый хрен.

Без шуток. Нарочно не придумаешь.

— Просто постарайся расслабиться, Кейт.

Конечно. Какие проблемы. Просто представлю, что я в спа. Делаю массаж яичников.

Он осторожно вводит жезл. А я морщусь. В кабинете стоит тишина, пока он туда-сюда водит своим инструментом. Он не врал, это не больно. Просто... смущающе.

— Тянущая боль до сих пор присутствует?

Я пялюсь в потолок, специально, чтобы не смотреть на маленький экран.

— Нет. После прошлой ночи, нет.

Я уверена, что алкоголь и травка заблокировали все болевые точки в моем теле.

Я слышу постукивания по клавишам, а потом жезл вынули.

— Теперь ты можешь сесть, Кейт.

Я сажусь.

— Видишь вот это мерцание, вот здесь?

Мой взгляд задерживается на экране, прямо куда он показывает.

— Да.

— Это сердцебиение твоего ребенка.

Из легких выходит воздух. И я в ужасе.

— То есть, вы хотите сказать... он все еще... жив?

— Верно.

Я сцепляю руки вместе и чувствую, как подступают слезы, готовые хлынуть, как из прохудившейся плотины.

— Когда он... Сколько осталось до того, как... случится выкидыш?

Он накрывает мои сцепленные руки одной своей.

— Судя по моему осмотру, уровню твоих гормонов, и тому, что ты мне рассказала, я не вижу причин выкидыша.

Я резко вздергиваю голову.

— Погодите... что? Но пошлым вечером врач сказал...

— Иногда бывает сложно на таком маленьком сроке различить сердцебиение эмбриона обычным ультразвуком. Что касается кровотечения, в первом семестре это вполне обычное дело. Сейчас, однако, раскрытия матки нет, анализ крови без особенностей, сердцебиение плода в норме. Все эти факторы указывают на обычное течение беременности, которая продлится на весь срок.

Мама обнимает меня за плечи, с облегчением и волнением. Но мне нужно больше.

— Значит, Вы говорите... я его сохраню? У меня будет этот ребенок?

Доктор Уизерспун усмехается.

Звук радости.

— Да, Кейт. Этого ребенка ты должна сохранить. Предварительная дата родов — двадцатое октября. Поздравляю.

Я закрываю рукой рот, а из глаз текут слезы. Я улыбаюсь так широко, что сводит скулы. И обнимаю свою маму в ответ.

— Мам...

Она смеется.

— Знаю, милая. Я так счастлива за тебя, я так сильно тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю.

Вот как все это должно было быть изначально. Без страха. Без сомнений. Только радость. Эйфория.

Это самый прекрасный момент в моей жизни.

Я одеваюсь быстрее, чем жена, которую подловили на измене, и выбегаю в комнату ожидания. Долорес и Билли смотрят на меня удивленно во все глаза.

— Я все еще беременна! Нет у меня выкидыша!

Они встают.

— Вот черт!

— Я так и знала, что Доктор Хрен ни черта не шарит!

Начинаются улыбки и объятия, а потом моя лучшая подруга меня спрашивает:

— Я, так понимаю, ты определилась? Ты его сохраняешь?

Опускаю руки на живот, уже представляю, как он будет расти.

— До тех пор, пока ему не исполнится восемнадцать и не пойдет в колледж. И даже тогда. Я могла бы заставить его остаться дома, а в колледж просто ездить.

Она кивает, в знак одобрения.

Билли падает передо мной на колени.

— Эй, ты там. Я — дядюшка Билли. — Потом поднимает свой взгляд на меня, обеспокоенно. — Я же могу быть Дядюшкой Билли, верно? Ты же позволишь стать мне Дядюшкой Билли. Единственное что мне остается, так это Долорес — и кто знает, какого фрика она из себя выдавит.

Долорес отвечает ему подзатыльник.

А я смеюсь.

— Да. Ты можешь стать Дядюшкой Билли.

— Мило, — он снова обращается к моему животу. — Эй, малыш. Ни о чем не беспокойся — я поведаю тебе, все что нужно знать. Повторяй за мной: Страт-о-кастер³².

Долорес качает головой.

— Он тебя не понимает, придурок. Он размером с головастика.

— После прошлой ночи, это, возможно, *пьяный* головастик. Но это классно, правда? Это сделает его выносливым — добавит волос на его груди?

Долорес улыбается.

— А если это девочка?

Билли пожимает плечами.

— Некоторым парням нравятся девчонки с волосатой грудью. Ты бы удивилась.

Я отворачиваюсь от перепалки этих Твидлдам и Твидлди³³ и направляюсь по коридору к Доктору Уизерспуну. Говорю, чуть запинаясь. Виновато.

— Извините? Простите, что беспокою... но... прошлой ночью... я была расстроена и я... пила и курила сигареты. — Говорю потише. — И марихуану. *Много*.

Перед глазами проносятся картинки Специальных Выпусков Новостей:

Алкогольный Синдром у Зародыша.

Крайне недоношенный ребенок.

Низкий вес новорожденного.

Он кладет свою руку мне на плечо, пытаюсь меня приободрить.

— Ты не первая женщина, которая вела... не очень здоровый образ прежде, чем узнать о своей беременности, Кейт. Малыши в утробе крепче, чем ты думаешь. У них есть способность преодолевать моментальное воздействие наркотикам и алкоголю. Так что если с этого момента ты от этого воздержишься, длительного воздействия быть не должно.

Я бросаюсь ему на шею, практически сбивая его с ног.

— Спасибо! Спасибо Вам, Доктор Санта — это лучший подарок на Рождество!

Я бегом возвращаюсь к Долорес и Билли.

— Он сказал, что все в порядке!

Мы начинаем подпрыгивать, в кружке, как трое детей на игровой площадке, играющие в «круг, кольцо и роза».³⁴

И все почти идеально. *Почти*. Потому что кое-чего не хватает.

Кое-кого.

Еще одного человека на Земле, который должен бы быть счастлив в этот момент. Он должен бы быть здесь. Он должен бы поднять меня на руки, и закружить, и целовать меня до потери сознания. А потом он должен бы сказать мне, что, конечно, с ребенком все будет в порядке, потому что его невероятная супер-сперма неразрушима.

Можете себе представить это?

Но его здесь нет. Вот так вот просто. Я бы хотела вам сказать, что мне от этого не больно — что я не скучаю по нему — что мне на самом деле уже все равно. Но это было бы ложью. Я люблю Дрю. Не могу себе представить, что я его когда-то не буду любить. И мне хочется поделиться с ним этим, больше всего на свете.

Но мы не всегда получаем то, что хотим, иногда нам стоит просто быть благодарными за то, что мы имеем. И я благодарна. Счастлива. Потому что у меня будет этот ребенок, и я буду заботиться о нем. И я не должна это делать в одиночку. От мамы и Джорджа, Долорес и Билли помощи будет, хоть отбавляй. Его будут любить за десятерых малышей.

Сорок восемь часов назад я и не подозревала, на что я способна, насколько стальные клапаны у меня в венах. А теперь знаю. И думаю в этом и мораль всей истории.

Вы должны упасть, ободрать ладони и колени, прежде чем поймете, что способны снова подняться.

Так что не волнуйтесь за меня. Все у меня будет хорошо. Со временем, все будет отлично. У нас все будет отлично.

Мы въезжаем на парковку, что за кафе, и с заднего сидения машины торопится выбраться мама. Она оставила Джорджа одного управлять кораблем, и теперь ей не терпится убедиться, что он в одиночку его не потопил.

Когда Долорес и Билли выбираются не так спешно, Долорес спрашивает:

— Ну и каков план?

Я глубоко вздыхаю и жмурюсь, глядя на небо. Такое чувство, словно это новый поворот. Чистый лист. Новое начало. Опять клише, я знаю.

Но все же — настолько правдиво.

— Думаю, побуду здесь еще пару дней. Что бы... подзарядиться. А потом вернусь в Нью-Йорк. И у нас с Дрю будет долгий разговор. Мне надо ему сказать кое-что, и он меня выслушает — хочет он этого, или нет.

Она хлопает меня по плечу.

— Моя девочка. Устрой взбучку этому придурку.

Я улыбаюсь. Билли открывает нам дверь, но я не захожу внутрь кафе за Ди-Ди. Он спрашивает:

— Ты идешь, Кэти?

— Я прокачусь. Освежу голову, понимаешь? Скажешь маме за меня?

Он кивает.

— Конечно. Не торопись. Мы будем здесь, когда ты вернешься.

Дверь закрывается, а я направляюсь к машине.

Ну вот. Теперь вы все знаете. Вот моя история. Чудовищно, а?

Когда я была маленькой, на эту площадку меня приводил отец поиграть. Даже тогда, когда ее только построили, здесь было мало народу. Не знаю, почему город выбрал это место для ее строительства; это необычное место для детского парка. Здесь нет поблизости жилых домов или комплексов. И его не видно с главной дороги, и он за пределами проходной дорожки.

Время не пощадило металлические качели и горки. Они ржавеют и выцветают. Хотя... здесь все еще красиво — в манере индустриального современного искусства. Здесь пустынно. Умиротворенно.

И мне именно это нужно. Чтобы подумать о том, что будет дальше, что ждет меня впереди? Не буду лгать — мне страшно. Такое чувство... как переезд в новый дом. Волнительно, но заставляет нервничать. Потому что вы не знаете, где ближайшая автозаправка, или номер местной пожарной службы. Предстоит столько много узнать.

Где-то я читала, что дети все слышат, что происходит во внешнем мире, пока они в утробе. Что они рождаются, зная какой голос у их мамы. Мне это нравится.

Я смотрю на свой живот.

— Эй, Головастик. Прости за все, что недавно произошло. Обычно моя жизнь не такая драматичная. Хотя, Дрю, наверно, бы со мной не согласился. Он склонен считать, что я королева драмы.

Дрю. Это будет трудно. Наверно стоит начать сейчас — основной фактор успеха — практика.

— Да... твой папа. Папа у тебя, как... падающая звезда. Когда он рядом, все остальные огоньки на небе... просто меркнут. Потому что он такой яркий, что глаз оторвать невозможно. По крайней мере, я никогда не могла.

Я прикусываю губу. И смотрю, как над головой парит сокол.

А потом продолжаю.

— Мы любили друг друга. И не важно, что произошло, или что еще произойдет, для меня важно, чтобы ты знал, что у нас была любовь. Твой папа заставлял меня чувствовать так, будто я была для него всем. Единственной. И я всегда буду ему за это благодарна. Надеюсь, однажды, ты с ним познакомишься. Потому что он на самом деле... хороший парень. — Я тихонько смеюсь. — Когда не занят тем, чтобы быть занозой в заднице.

Когда я заканчиваю говорить, в воздухе все затихает и несколько минут царит тишина. Это так отличается от парков в городе, где слышен гул автомобилей, детские крики, бегающие шаги. Здесь спокойно.

Поэтому, когда неподалеку слышу звук хлопающей двери в машине, я пугаюсь. Поворачиваю туда голову.

А там стоит человек, которого я последним ожидала увидеть здесь, в Гринвилле, в данный момент.

Это Дрю.

Глава 15

Он выглядит ужасно. Потрясающе, умопомрачительно ужасно.

У него красные глаза, бледное лицо, на подбородке щетина — и, несмотря на все это, он остается самым прекрасным мужчиной, которого я встречала.

Отвести свой взгляд было невозможно.

Дрю смотрит на меня тоже. Его взгляд непоколебим — жадно меня впитывает — прожигает меня насквозь.

Вот так мы и стоим примерно с минуту. А потом он направляется ко мне. Его шаги твердые и уверенные, как будто он идет на деловую встречу, от которой зависит его карьера.

Он останавливается в нескольких шагах от меня.

Но такое ощущение, что намного дальше.

И все, что я планировала сказать ему в Нью-Йорке, просто вылетает у меня из головы. Так что

я начинаю с простого.

— Как ты узнал, что я здесь?

— Я сначала поехал в кафе, на кухне увидел твою маму. Она сказала, что не знает где ты. И она смотрела на меня так, словно хотела покрошить мой член и поместить его в Особое Меню. Так что я вышел и столкнулся с Уорреном. Он сказал мне, что ты, наверно, здесь.

Конечно, Билли знал, где бы я могла быть. Точно также, как и знал, что я бы захотела, чтобы он отправил ко мне Дрю.

— Это он сделал такое с твоим лицом? — Я говорю про след от кулака, на его левой щеке. Он выглядит свежим и уже начинает синеть.

Он осторожно к нему прикасается.

— Нет. С ним была Долорес.

Тогда не удивительно. Хотя не думаю, что она сделала это от души. Если бы Ди-Ди хотела навредить Дрю? Она бы не тратила свое время на его лицо — она бы сразу перешла ему на пах.

— Чего ты хочешь, Дрю?

Он издал короткий смешок, но в нем не было ни капли юмора.

— Вопрос с подвохом.

Потом он смотрит куда-то вдаль.

— Не думал, что ты уедешь из Нью-Йорка.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

— После твоего маленького шоу? А что ты думал, я сделаю?

— Я думал ты меня обматеришь, может, ударишь меня. Я думал, ты выберешь меня... хоть и ради того, чтобы никакая другая ко мне не прикасалась.

Ревность. Излюбленное оружие Дрю. Он применял его, когда думал, что я хотела вернуть назад Билли, помните?

— Ну, ты был не прав.

Он уныло кивает.

— Кажется, так.

Он встречается со мной взглядом и задерживается на нем. Хмурит немного брови.

— Ты была... счастлива... со мной, Кейт? Потому что я был по-настоящему счастлив. И думал, что ты тоже.

Не могу сдержать легкую улыбку. Потому что я помню.

— Да, я была счастлива.

— Тогда скажи почему? Ты должна мне сказать.

Слова у меня выходят медленно, с примесью печали на каждом слоге.

— Я не планировала этого, Дрю. Ты должен знать, что я не хотела, чтобы так случилось. Но это произошло. И люди меняются. Вещи, которые мы хотим... меняются. И прямо сейчас, ты и я хотим две разные вещи.

Он делает ко мне шаг.

— Может, нет.

Я сильно стараюсь не искать скрытый смысл в том, что он здесь. Не хочу лишний раз надеяться. Потому что надежда может уплыть, как бревно по волнам. А если она окажется напрасной?

Она разбивается о скалы — разбивает тебя на тысячу осколков.

— Что это значит?

Его слова осторожны. Четко спланированы.

— Я приехал, чтобы пересмотреть условия наших отношений.

— Пересмотреть?

— Я очень много об этом думал. Ты пришла ко мне прямо от Уоррена, сразу. Ты просто... не успела нагуляться. Так что... если ты хочешь проводить время с другими людьми... — он сжимает челюсть, будто слова пытаются остаться внутри, и ему приходится заставлять их выходить наружу, — я не буду против.

Я нахмурилась от непонимания.

— Ты проделал весь этот путь сказать мне, что ты не против того, чтобы мы... встречались с другими людьми?

Он тяжело сглатывает.

— Угу. Знаешь, ну если я все еще буду в ротации.

Секс всегда был на первом месте для Дрю. Вот, значит, в чем дело? Он не хочет ребенка, но и спать со мной не хочет прекращать? Иметь свой кусок пирога и все такое. Без всяких обязательств.

Это как в шоу Джерри Спрингера.

— И как ты себе это представляешь, Дрю? Быстренький перепихон на обеденном перерыве? Дежурный секс по звонку? Никаких разговоров? Никаких вопросов?

Он выглядит нездоровым.

— Если это то, чего хочешь ты.

И я так... разочарована.

В нем.

Мне противно.

— Езжай домой, Дрю. Ты теряешь свое время. У меня нет никого желания на беспорядочный секс в этот определенный период моей жизни.

Это застигает его врасплох.

— Но... почему нет? Я думал...

Он замолкает. А взгляд становится тяжелым.

— Все дело в *нем*? Ты сейчас серьезно говоришь, что он так много для тебя значит, хрен бы его побрал?

Мне не нравится его тон. Унизительный, издевательский. Я раньше говорила, что я бабочка? Нееет. Я чертова львица.

— Он значит для меня *все*, — тыкаю в него пальцем. — И я не позволю тебе заставить меня об этом сожалеть.

Он морщится, словно я ударила его электрошокером. Пять тысяч вольт прямо в грудь. Но потом он приходит в себя. А потом упрямо складывает на груди руки. Абсолютно бесцеремонно.

— Плевать. Нихрена это не значит.

Если вы слишком сильно накачаете колесо, превысите пределы допустимого, знаете, что случится?

Оно взорвется.

— Как ты можешь такое *говорить*? Какого черта, что с тобой *не так*?

А он нападает на меня в ответ.

— Ты серьезно? Что не так с *тобой*? Ты под кайфом? Или у тебя раздвоение хреновой личности, на которое я раньше не обращал внимания? Два года Кейт! Целых два чертовых года я отдавал тебе все... а ты... ты так стараешься все это растоптать!

— Не смей так говорить! Последние два года значили для меня *все*!

— Тогда *веди* себя так! Господи, ты, боже мой!

— Как я должна себя вести себя, Дрю? Что ты от меня хочешь?

Он кричит.

— Я хочу любую частичку тебя, которую ты только пожелаешь мне отдать!

Мы оба замолкаем.

Дышим тяжело.

Смотрим друг на друга.

Голос его тихий. Разбитый.

— Хоть что, Кейт. Только... не говори мне, что все кончено. На это я не соглашусь.

Я складываю руки на груди, в воздухе бьет сарказмом, как разряд молнии.

— У тебя, кажется, не было с этим проблем, когда твой язык застревал в горле той стриптизерши.

— Лицемерие не очень-то тебе идет, Кейт. Ты меня просто разочаровала до ужаса. Думаю, ты заслужила попробовать свою собственную хреновую пилюлю.

Вам это часто встречается. В журналах со звездами, на ТВ. Вот одна пара — родственные души, и никогда ничего подобного не испытывали, скачут туда-сюда на диване у Опри, влюбленные. А потом, через минуту, они готовы придушить друг друга — таскают за собой юристов на разборки из-за денег, имущества... или детей. Мне всегда было интересно, как такое случается.

Приглядитесь получше. А вот так.

— Ну что ж. Похлопай себя по спинке, Дрю. Ты хотел сделать мне больно? У тебя получилось. Теперь тебе лучше?

— Угу, в восторге. Довольный до ужаса. Не видно?

— Может, хоть на пять минут перестанешь вести себя, как ребенок?

— Если ты перестанешь вести себя, как бессердечная сучка?

Если бы он стоял достаточно близко, я бы вlepила ему пощечину.

— Я тебя ненавижу!

Он холодно улыбается.

— Считай, что тебе повезло. Как бы я хотел ненавидеть тебя — я молился об этом. Что бы выкинуть тебя из головы. Но ты все еще там, под моей кожей, как какая-то чертова смертельная болезнь.

Вы когда-нибудь сидели над каким-нибудь кроссвордом, что печатают в газетах? Вы настраиваетесь на то, чтобы разгадать его до конца — вы начинаете с такой уверенностью, что у вас получится? Но потом становится просто слишком трудно. Отнимает слишком много сил. И вы сдаетесь. Просто... бросаете.

Я прижимаю руку ко лбу. И хотя я стараюсь выглядеть сильной снаружи, голос у меня слабый.

— Я больше не хочу этого, Дрю. Больше не хочу ругаться. Мы можем заниматься этим весь день, но это ничего не изменит. Мне не нужны отношения наполовину. Это не подлежит пересмотру.

— Черта с два! Пересмотреть можно хоть что. Это всего лишь зависит от того, насколько стороны готовы прогнуться. — А потом он начинает умолять. — А я готов, Кейт — я прогнусь.

Ненавидь меня сколько угодно, но... не... бросай меня.

И он звучит так подавлено. Отчаянно. И я должна остановить себя, чтобы не начать его утешать. Чтобы не сдаться, чтобы не сказать «да». Несколько дней назад, я бы так и поступила. Я бы воспользовалась шансом заполучить те крохи, что он мне предлагал. Чтобы он оставался в моей жизни, сделала бы все, что могла.

Но не сегодня.

Потому что теперь дело касается не только меня.

— Я теперь представляю собой «пакетную» сделку. Ты должен захотеть нас двоих.

Он машет кулаками в воздухе, ища что-то по чему бы ударить.

— О чем ты вообще нахрен говоришь? — рычит он. — Такое ощущение, что я застрял в каком-то ненормальном кино, в котором вообще нет никакого смысла! *Ничего* не понимаю!

— Я говорю о ребенке! Я не собираюсь рожать ребенка в отношениях, где его не хотят! Это не честно. Неправильно.

Не думала, что Дрю может стать еще бледнее, чем уже был, когда сюда приехал, и при этом, оставаться живым. Но я была не права. Потому что его лицо становится еще блее. На два тона.

— Каком ребенке? О чем ты... — Он внимательно меня разглядывает, пытаюсь увидеть ответ до того, как меня спрашивает. — Ты... *беременна?*

Это заставляет меня думать, насколько сильно долбанула его Долорес, а?

— Конечно, я беременна!

Он делает шаг вперед, а его лицо похоже на одну из тех театральных масок, на которых одна половина отражает ужас, другая — надежду.

— Он мой?

Я не отвечаю сразу, потому что настолько поражена его вопросом.

— Чей... а чей еще он может быть?

— Боба, — говорит он, как бы между прочим. Будто он на самом деле верит в то, что я понимаю, о чем он говорит.

— Боба?

— Да, Кейт, Боба. Того парня, что значит для тебя все. Очевидно, что ты с ним трахалась, так что откуда ты вообще знаешь, что ребенок не его?

Шарю в уме по всем своим связям в поисках какого-нибудь Боба, пытаюсь понять с кем же я трахалась по мнению Дрю.

— Единственного Боба, которого я знаю... это Роберта.

Это убавляет решимости в Дрю.

— Кто?

— Роберта Чанг. Бобби — Боб. Мы с ней вместе учились. Она акушер-гинеколог. Ты видел, как я входила к ней в офис в тот вечер, когда ты за мной следил. Ты же так и узнал...

Он выпучивает глаза, размышляя. А потом он недоверчиво мотает головой.

Отрицая.

— Нет. Нет. Я видел тебя с парнем. Ты с ним встречалась. Он поднял тебя и обнимал тебя. Он тебя поцеловал. У него была в руках еда.

Какое-то время я прокручиваю его слова. И тут я вспоминаю.

— О, это был Даниэль. Муж Роберты. Он тоже жил с нами, когда мы учились. Они переехали в город несколько месяцев назад. Я тебе о них рассказывала.

Выражение Дрю невозможно прочитать. Потом он потирает рукой лицо — сильно — словно хочет содрать с себя кожу.

— Ладно, просто... давай так. Когда ты написала в своем календаре имя Боб, ты имела в виду Роберту, кто на самом деле женщина и детский врач, и с которой ты вместе училась в Бостоне?

— Да.

— А парень, с которым я тебя видел, на парковке, — ее муж и также твой старый друг?

— Да.

У него натянутый голос. Как струна.

— И все это время, ты думаешь, мы ругались, потому что...?

— Потому что ты не хочешь, что бы я рожала ребенка.

Вы когда-нибудь видели, как рушится небоскреб? Я да. Он взрывается. Сверху вниз, чтобы не разрушить те здания, что поблизости. Вот что сейчас происходит с Дрю. Прямо перед моими глазами. Он рассыпается.

У него подкашиваются ноги, и он падает на колени.

— О, Господи... Иисусе... не могу поверить... черт... я — идиот... хренов дурак...

И я опускаюсь вместе с ним.

— Дрю? Ты в порядке?

— Нет... нет, Кейт... я совсем не в порядке, это страшно.

Я хватаю его руки, и его взгляд встречается с моим. И вот так — все обретает смысл. Наконец то.

То, что он наделал.

То, что наговорил.

Все становится на свои места, как кусочки мозаики.

— Ты думал, что у меня была интрижка?

Он кивает.

— Да.

Мир завертелся вокруг меня, и я едва дышу.

— Как ты *мог* такое подумать? Как ты вообще мог поверить в то, что я тебе изменяю?

— В твоём календаре было мужское имя... и ты солгала... и я видел, как тот мужчина тебя обнимал. Как *ты* могла подумать, что я могу не хотеть ребенка? *Нашего* ребенка?

— Ты сказал мне, чтобы я сделала аборт.

Его руки сжали мои.

— Я бы *никогда* тебе такого не сказал.

— Ты сказал. Сказал, чтобы я с этим покончила.

Он качает головой и рычит.

— Покончить с *интрижкой*, Кейт. А не с ребенком.

Я в защитном жесте поднимаю подбородок.

— Но у меня *не было* никаких интрижек.

— Что ж, я этого не знал, черт возьми.

— Что ж, а *должен бы* знать!!!

Я выдергиваю свои руки и толкаю его в плечи.

— Господи, Дрю! — Я поднимаюсь, мне надо отойти от него подальше, потому что это уже слишком. — Ты не можешь обращаться так с людьми! Ты не можешь так обращаться со *мной!*

— Кейт, я...

Я разворачиваюсь и тыкаю в него пальцем.

— Если ты скажешь мне, что сожалеешь, я оторву твои яйца и вставлю их тебе в глазницы, Богом клянусь!

Он закрывает рот. *Молодец.*

Я убираю волосы с лица. И начинаю метаться.

Должно ли мне стать сейчас лучше? Потому что все это *оказалось* просто ошибкой?

Если дом разрушит молния, думаете, его хозяевам станет легче от того, что молния совсем не *хотела* попасть в их дом?

Конечно, нет.

Потому что урон уже нанесен.

— Ты все *разрушил*, Дрю. Я так волновалась, когда собиралась тебе сказать... а теперь, когда я буду об этом вспоминать, все что я буду помнить, это каким кошмаром все обернулось! — Я останавливаюсь, а голос у меня дрожит. — Я *нуждалась* в тебе. Когда увидела кровь... когда мне сказали, что я теряю ребенка...

Дрю тянется ко мне, все еще стоя на коленях.

— Малыш, я не знаю, о чем ты говоришь...

— Потому что тебя здесь не было! Если бы ты был здесь, ты бы знал, но тебя *не было!* И... — голос мой дрожит, а зрение затуманивает от слез. — А ты *обещал*. Ты обещал, что не сделаешь этого... — я закрываю лицо руками, и плачу.

Плачу из-за каждой секунды бесполезной боли. Из-за трещины, что все еще между нами — и из-за того, какой выбор мы сделали, что привело ко всему этому. И я не имею в виду только его. Я большая девочка — я могу признать свою часть вины.

Дрю мог нажать на курок, но я зарядила ружье.

— Кейт... Кейт, пожалуйста... — он протягивает мне руку. — *Пожалуйста*, Кейт.

Он выглядит разбитым. И я знаю, что в то время, я была не единственной, кто страдал.

Но все равно качаю головой. Потому что «заново» можно сыграть только на детской площадке. В реальной жизни нельзя все переиграть.

— Нет, Дрю.

Я поворачиваюсь к нему спиной и направляюсь к машине. Но я успеваю сделать всего несколько шагов, прежде чем останавливаюсь и оглядываюсь назад.

Вы его видите?

Стоит на коленях, держится ругами за голову. Словно в ожидании палача.

Когда я думаю о Дрю, на ум приходят всегда два слова: страсть и гордость. Это у него врожденное. Кем он является. Споры, работа, любовь — все для него равно. Полный вперед. Без сомнений, без задержек. И Дрю знает себе цену. Он не спорит. Не идет на компромиссы. Ему это и не нужно.

— Почему ты здесь? — шепотом спрашиваю я, так тихо, что не знаю, услышит ли он меня вообще.

Но он рывком поднимает голову вверх.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты думал, что я тебе изменяла?

Он морщится.

— Да.

— Ты думал, что я влюблена в кого-то другого?

Он кивает.

— Но ты приехал... из-за меня. Почему?

Он взглядом обводит мое лицо. Вот так он смотрит на меня по утрам, когда просыпается вперед меня. Так он смотрит на меня, когда думает, что я этого не замечаю.

— Потому что я не могу жить без тебя, Кейт. Я даже не знаю, как пытаться.

Я обучалась по углубленной программе Английского в школе. Неделями, мы анализировали *Грозовой Перевал* Эмили Бронте. На протяжении большей части романа, Хитклифф был негодяем. Безжалостный и жестокий. И, как читатель, я должна была его ненавидеть.

Но я просто не могла. Потому что, не смотря на все его подлые действия, он так сильно любил Кэти.

Будь со мной всегда — прими какой угодно образ — сведи меня с ума!

Только не оставляй меня в этой бездне, где я не смогу тебя найти!

Я не могу жить без моей души!³⁵

Некоторые из вас скажут, что мне следует сильнее наказать Дрю. Но он проделает эту работу лучше меня. Другие скажут, что надо бы заставить его побегать за мной подольше. Но мы все знаем, что он так и сделает.

И иногда, прощение — корыстно. Мы прощаем, не потому что это прощение заслужили, а потому что это нужно нам самим. Чтобы обрести покой. Целостность.

Я смогу прожить без Дрю Эванса. Теперь я это знаю. А если выбирать?

То я бы не хотела.

Нас разделяет всего несколько шагов, и я проделываю каждый из них. Бросаюсь к нему, а он меня ловит. Обвивает меня своими руками и сжимает так крепко, что мне трудно дышать. Но мне все равно. Потому что меня держит Дрю — зачем дышать?

— Прости, Кейт... мне так чертовски жаль.

У него такой жалкий голос. И у меня на глазах наворачиваются слезы.

— Я не думала, что мы уже когда-нибудь... когда ты сказал...

— Шшш... я не это имел в виду. Клянусь Маккензи, я ничего такого не хотел. Никогда не хотел...

Он утыкается лицом мне в шею и его сожаление бежит из глаз и пропитывает мою рубашку.

Я сильнее прижимаюсь к нему.

— Я знаю, Дрю. Знаю.

Он гладит мои волосы, лицо, руки, спину.

— Я люблю тебя, Кейт. Так сильно тебя люблю.

В прошлом году Дрю и я ездили в Японию. Как-то мы остановились у магазинчика с деревьями бонсай. Они выглядят довольно странно, вам не кажется? Эти корявые стволы, и переплетенные ветки. Хозяин магазинчика сказал нам, что как раз все эти узлы и завитки делают их сильными, что поэтому они могут устоять даже в самый сильный ураган.

Вот также и у нас с Дрю.

Его губы касаются моего лба, моих щек. Он держит в ладонях мое лицо, а я его. И мы целуемся. Синхронное движение наших губ — ярое и болезненное, нежное и медленное. И все остальное, все обиды, все грубые слова, тают, как снег в лучах солнца.

Они больше ничего не значат. Потому что мы вместе. И мы найдем свой путь.

Дрю касается меня своим лбом, а потом накрывает своей рукой мой живот. Его прикосновения трепетны, а голос напуганный.

— У нас, правда, будет ребенок?

Я смеюсь, хотя из глаза все равно капают слезы.

— Да, будет. А ты, правда, его хочешь?

Он вытирает мои мокрые щеки.

— С тобой? Ты с ума сошла? Это одна из моих фантазий. Я бы хотел детей двадцать с тобой — чтобы эта ненормальная семейка Даггар ³⁶еще побегала.

Я снова смеюсь и мне так хорошо. Все так правильно. Кладу свою голову на плечо Дрю. А он прижимается лицом к моим волосам, делая вдох.

А потом он обещает.

— Все хорошо, Кейт. Теперь у нас все будет хорошо.

И я ему верю.

Глава 16

Не знаю, сколько времени мы вот так провели, молча стоя на земле, прижавшись друг к другу. Но когда мы поднимаемся, солнце уже находится низко над горизонтом, предвещая наступление сумерек. Дрю убеждает меня оставить мою машину здесь, что мы вернемся за ней позже. Его волнует, что я слишком уставшая и слишком нервная, чтобы аккуратно вести

машину.

Когда мы едем назад, одну руку Дрю держит на руле, а вторую на мне — на моем бедре, моем плече, или с нежностью переплетает наши пальцы. Это успокаивает. Это прекрасно. Я надеялась, что этот момент настанет, хотела его больше всего.

Чтобы он был здесь, со мной — любил меня — после того, как я, честно, думала, что мы уже никогда не будем вместе.

Это как в кино. Воссоединение. Примирение. Счастливый конец.

Только одна проблема — в реальной жизни после этого не играет никакой музыкальной темы. Никаких вам титров. В реальной жизни вы сталкиваетесь с тем, что происходит после примирения. Послевкусие от того, что вы наговорили, последствия того, что натворили, которые чуть не разрушили все.

И которые все еще могли бы.

Поэтому мы смотрим такие фильмы — потому что в реальной жизни никогда не бывает так просто.

Не то чтобы я не счастлива так сильно, что не могу это описать в полной мере. Не смотря на то, что я говорила раньше, было приятное тепло от осознания того, что слова Дрю, стриптизерша — все результат ужасного недопонимания.

Об этом молится каждый, которому сообщают душераздирающую новость. Ваш сын погиб в автомобильной катастрофе, у вас четвертая стадия рака. Всегда есть надежда, что тот, кто принес эту весть — ошибается. Ошибочное опознание. Ошибочный диагноз.

Ошибка.

Но что происходит после «ошибочного»? После того, как вы приняли трагедию за правду, или спустили все свои сбережения, потому что думали, что вам осталось жить всего несколько недель? Что тогда делать?

Вы делаете шаг вперед. Собираете себя заново. Вы вытаскиваете себя с самого дна с мыслями о том, что жизнь не просто возвращается в привычное русло, а она станет лучше, прекраснее.

Потому что задним умом всяк крепок. Перспектива не просто изменяет ваш взгляд на будущее, она меняет ваши чувства. И когда вы думаете, что совсем ее потеряли, вы цените каждый момент намного больше.

Мы въезжаем на стоянку у кафе и входим через заднюю дверь на кухню, держась за руки. Как два подростка, которые не просто задержались на улице дольше положенного, а вообще отсутствовали всю ночь, напугав всех родных до смерти.

Мама стоит у разделочного стола и с яростью рубит на кусочки сырую морковь блестящим ножом. Не трудно догадаться, что вместо моркови она представляет кое-что другое. Джордж сидит за маленьким столом рядом с Билли. Ди-Ди сидит по другую сторону от него, с сотовым у уха.

Когда она замечает нас, говорит тихим голосом:

— Они здесь. Я тебе перезвоню.

И кладет трубку.

Мама резко вздергивает голову. Бросает нож и поворачивается к нам лицом. Потом концентрирует взгляд на наших руках и смотрит на Дрю.

— А наглости тебе не занимать, раз ты снова показался здесь.

Дрю смиренно вздыхает и пытается ответить:

— Кэрл...

Но мама его обрывает:

— Не хочу ничего слышать! Тебе слова не давали. — Она машет в мою сторону. — Я понимаю, что моя дочь — взрослая женщина, но для меня? Она мой ребенок. Мой *единственный* ребенок. И то, через что ты заставил ее пройти — непростительно.

Он снова пытается:

— Я понимаю...

— Я сказала, тебе слова не давали! Ты не можешь сказать ничего такого, чтобы это облегчить.

— Кейт и я...

— Заткнись! Когда я думаю о том, в каком состоянии она сюда приехала... Почему ты думаешь, что можешь просто вот так провальсировать назад в ее жизнь, после всего, что ты ей наговорил? После того, что ты наделал!

Дрю молчит.

А моя мама кричит:

— Что ж, не стой просто так! Отвечай!

Я всегда считала свою мать спокойной вопреки всякому хаосу. Рассудительной. Сейчас это улетучилось.

Дрю открывает рот, но не произносит ни слова. Вместо этого, он поворачивает на меня свой недоуменный взгляд. И я спешу на помощь.

— Мам, это все оказалось ужасной ошибкой. Дрю не знал про ребенка.

— Ты сказала, что рассказала ему про ребенка — а он в ответ снял дешевую проститутку!

И тут мой вновь титулованный бойфренд решает, что сейчас самое время вставить слово:

— Она не была дешевой, уж поверьте мне.

Я впиваюсь ногтями в его ладонь, чтобы заткнуть его.

Потом объясняю маме:

— Нет, он не знал. Он думал, что я говорю совершенно о другом. Это было недопонимание.

Вмешивается Ди-Ди:

— А вот эту песенку я уже слышала. Она, на самом деле, уже устарела.

Я закатываю глаза.

— Не сейчас Ди-Ди.

Мама складывает руки на груди и постукивает ногой.

— Ноги его здесь не будет, Кэтрин. Его здесь не жалуют.

И вот почему вам не следует жаловаться своим родственникам на кого-то другого, кто для вас тоже важен. Они не знают его так, как знаете вы, и, конечно же, они не любят его так, как любите вы. Так что они никогда — никогда — не смогут его простить так, как прощаете вы.

Хоть я и могу понять мотивы своей матери, у меня самой сейчас полно забот. А она только делает хуже.

— Если дело в этом, то я тоже здесь не останусь.

Моя мать в шоке и опускает руки по бокам.

А Долорес говорит:

— Эй, кретин — Дрю поворачивается в ее сторону. — Да, ты. Это как раз тот момент, когда ты должен сказать, что не хочешь вставать между Кэти и ее матерью. Что ты поедешь в отель.

Дрю фыркает.

— Думаю, я не до такой степени благородный. Я остаюсь с Кейт. Куда она, туда и я.

Ди расплывается в улыбке.

— О, прям как Джек и Роуз в Титанике. — Она поднимает вверх руку. — Кто еще надеется, что этот идиот закончит так же, как и Джек?

Я ее игнорирую и продолжаю смотреть на маму. В ее голосе слышна мольба.

— Это был нервный день, Кэти. Тебе надо побыть одной, вдали от всех, чтобы ты могла ясно мыслить.

— Нет, мам. Я уже итак была одной столько, сколько могу вынести. Дрю хочет этого ребенка. Он любит меня. Нам надо поговорить, все обсудить. — Я смотрю на Ди-Ди. — Без вмешательства зрителей.

Потом опять поворачиваюсь к маме.

— И все это случилось не только по его вине. Я тоже наделала ошибок.

Как и все матери, моя не спешила признавать недостатки своего ребенка.

— Это он тебе сказал? Что это *твоя* вина?

— Нет, это то, что я знаю. Частично *это* моя вина, — я вздыхаю. — Может, и правда, будет лучше для всех, если я и Дрю поедem в отель.

Зачастую упрямство — это наследственное, потому что тут она говорит:

— Нет. Я не хочу, чтобы ты ехала в отель. Если хочешь, чтобы он остался, тогда я не против. Но мне это не нравится. — Она смотрит на Дрю. — Просто держись от меня подальше, тебе же лучше.

Потом она вылетает из комнаты.

Поднимается Джордж.

— Пойду, поговорю с ней.

Прежде, чем выйти, он поворачивается к Дрю и протягивает свою руку.

— Рад тебя видеть, сынок.

Дрю выпускает мою руку, что пожать руку Джорджа, что перерастает в мужское объятие.

— Приятно слышать, что хоть кто-то рад.

Джордж улыбается и направляется вслед за моей матерью.

Потом перед нами встает Билли.

Если вы присмотритесь, то увидите, как Дрю выпячивает свою грудь — как примат в мире дикой природы, готовый до смерти сражаться за последний банан.

— Ты хочешь что-то добавить, Уоррен?

Билли смотрит на Дрю. А потом игнорирует его, поворачивая свой взгляд ко мне.

— Я сказал ему, что, скорее всего, ты в парке, потому что знал, что ты этого бы хотела.

Я по-доброму улыбаюсь.

— Хотела. И очень ценю то, что ты сделал. Мы оба ценим.

Я пихаю Дрю локтем. А он просто пожимает плечами, никак не комментируя.

А Билли говорит:

— Он тебе не нужен, Кэти. Вот так вот просто.

— Я люблю его, Билли. Вот так вот просто.

Он еще какое-то время удерживает мой взгляд, потом качает головой и поднимает руки, показывая, что он сдается.

— К вашему сведению? Вам двоим нужна конкретная терапия, как вчера. Поверьте мне, я могу распознать дисфункциональный синдром, когда вижу его.

Я киваю.

— Мы подумаем об этом.

Дрю фыркает.

— Как угодно.

Долорес встает рядом с Билли и обращается к Дрю.

— Я буду с удовольствием наблюдать за тем, как ты будешь пытаться выбираться из ямы полной дерьма, в которую ты сам себя загнал. Это будет намного лучше того, что я сама могла бы для тебя придумать. — А потом добавляет свою запоздалую мысль. — А если нет... мне придется, действительно, покреативить.

Только слишком не расстраивайтесь насчет того, что Ди-Ди не собирается мстить. Она, как настоящая подруга, уважает мой выбор, даже если она с ним не согласна. Она знает, когда отступить и позволить мне справиться со всем самой.

Или... просто выжидает удобного момента.

Ди притягивает меня в объятия и говорит мне в ухо:

— Не позволяй ему выбраться сухим из воды. Множественные оргазмы это всего лишь повязка, а не лечение.

Я усмехаюсь.

— Спасибо, Ди.

Она поворачивается к Билли.

— Пошли. Посмотрим, может ли Амелия прекратить заниматься пакостями с Шерифом Митчеллом, чтобы приготовить нам поесть.

Билли морщится.

— Еще слишком рано шутить об этом.

Они выходят через дверь, оставляя меня и Дрю одних.

Я глажу его по руке.

— Джордж не единственный, кто рад тебя видеть. Если я не сказала об этом раньше... я, правда, счастлива, что ты здесь.

Дрю с нежностью улыбается и прикасается к моей щеке.

— Я знаю.

Мы поднимаемся наверх в мою комнату, и я закрываю за собой дверь. Обхожу вокруг кровати и снимаю обувь, запихивая ее под кровать. В комнате мрачно и я включаю лампу на прикроватной тумбочке, которая заливают комнату теплым тусклым светом.

— Моей маме может потребоваться время, чтобы все понять. Скорее всего, она будет не слишком любезна с тобой какой-то время.

Дрю садится на край кровати и пожимает плечами.

— Я не переживаю насчет твоей мамы.

— Нет?

— Она любит тебя. Все пройдет, когда она поймет, что я то, что ты хочешь. Что я делаю тебя счастливой. Теперь, именно этим я и собираюсь заняться.

Мы молчим несколько секунд. Я сажусь рядом с ним на кровать, подгибая под себя ноги. Дрю трет ладони о ноги. Размышляя.

А потом говорит, что, очевидно, его беспокоило.

— Так... Уоррен был здесь все время?

Хотя Дрю разговаривал с Билли до того, как встретил меня в парке, думаю, до настоящего момента он не особо осознавал его присутствие.

— Билли приехал сюда в гости к Амелии. Он зашел в ресторан через несколько дней после моего приезда домой.

— И вы вдвоем... вместе проводили время?

Я знаю, к чему он ведет. Как опытный адвокат, устраивающий перекрестный допрос со свидетелем, которого он пытается запутать. Создает предпосылки, составляет вопросы, которые помогут спутать карты.

Я смотрю вниз на свою кровать, не в силах встретиться со взглядом Дрю. Чувствую себя виноватой, хотя технически, не должна.

Не только привычки Дрю сложно искоренить. Как обычно, промедление — мой друг.

— Ты, действительно, хочешь прямо сейчас об этом поговорить, — спрашиваю его.

Он грубо усмехается.

— Что б ты знала? Я не хочу говорить об этом никогда. Но лучше бы сразу избавиться от всего дерьма. — Он тихонько качает головой. — Что ты сделала, Кейт?

Я резко вздергиваю голову. Чувствую себя оскорбленной — настороже — его предполагаемым обвинением.

— Что сделала я? Тебе бы яйца оторвать за такую наглость.

Он пожимает плечами.

— Мы сейчас говорим не о моих яйцах, но спасибо, что вспомнила. Ты с ним спала?

— А ты спал со стриптизершей?

— Я первый спросил.

У меня пропал дар речи. И я, возможно, рассмеялась бы, если это все не было таким

печальным.

Смирненным голосом я говорю ему:

— Нет. Нет, я не спала с Билли.

Дрю делает выдох. И его голос смягчается.

— Я тоже. Ну, то есть... не с Уорреном... я тоже не спал с той стриптизершей.

Я встаю с кровати.

— А хотел?

Учитывая прошлые предпочтения Дрю, думаю, это справедливый вопрос. Как я это вижу, это был его шанс снова вернуться в те дни, когда разнообразие было для него нормой.

— Нисколечко.

Он цепляется пальцем за ремень моих джинсов и подтягивает меня к себе, ставя у себя между коленями. Кладет руки мне на бедра, когда смотрит на меня вверх.

— Помнишь ту ужасную мелодраму, которую ты заставила меня смотреть в прошлом году? Ту самую, с парнем из *Офиса*?

Он говорит про *Эту дурацкую-любовь*. Я киваю.

Дрю продолжает.

— И в конце, как он сказал «Даже когда я тебя ненавидел, я любил тебя».

Я снова киваю.

— Вот и у меня было также. Никогда я думал о том, чего хочу — дело было в том, что я думал, что должен был делать. Всегда думал только о тебе. Ты была в моей голове, в моем сердце... даже когда тебя там больше не было.... ты все еще там была.

Походящий момент, чтобы это сказать, никогда не наступит. Солгать ему или умолчать — не вариант.

— Билли и я поцеловались.

Руки его сильнее сжимаются на моих бедрах. Слова висают в воздухе, словно густой смрад.

Когда он не отвечает, я настойчиво говорю:

— Это ничего не значило.

Дрю горько улыбается.

— Конечно, не значило.

— Я страдала. Была в замешательстве. Поцелуй длился всего несколько секунд. И дело было не в желании и притяжении. Это было просто, как... утешение.

Дрю отодвигает меня в сторону и поднимается. Потом начинает делать резкие шаги по комнате. Каждый мускул его тела натянут и сжат.

— Я же говорил, что это случится. Все это время, я, нахрен, говорил тебе. Этот придурок просто ждал подходящей возможности, чтобы опять залезть к тебе в штаны.

— Все не так, Дрю. Все было невинно.

Образ грязного поцелуя Дрю со стриптизершей врывается на первый план моих мыслей. А прям за ним и моя злость.

— Это даже близко не стояло с тем, что сделал ты. На *что* мне пришлось смотреть.

— И от этого я должен чувствовать себя лучше?

— Я не пытаюсь заставить тебя чувствовать себя лучше! Я пытаюсь объяснить, что произошло. Чтобы мы могли пройти через это и двигаться дальше. Ты ведь этого хочешь, не так ли? *Не так ли?*

Должно быть, отчаяние в моем голосе проняло его. Потому что он прекращая метаться по комнате и какое-то время просто смотрит на меня.

В его голубых глазах обеспокоенные эмоции негодования и некоторого понимания. Смешанного с желанием выплеснуть всю ярость, которая ни к чему не приведет — ярость, которую Дрю не имеет права испытывать и он об этом знает.

Он делает выдох и снова садится на кровать.

— Да, этого я и хочу.

Я печально улыбаюсь.

— И я.

Он не смотрит на меня, а пялится прямо на дверь в мою спальню.

— Это был просто поцелуй?

— Да.

— Без тисканья? Перетекающего в сношение?

Я закатываю глаза.

— Да.

Напряженно, он кивает.

— Ладно... хорошо. Думаю, это уравнивает наши поступки.

Какое-то время он молчит. А потом решительно говорит:

— Не хочу, чтобы ты с ним разговаривала. Никогда.

— Дрю...

— Нет, Кейт. Не хочу, чтобы он звонил нам домой или присылал тебе электронные письма. Не хочу, чтобы ты с ним встречалась за чертовым обедом, или на ваших девичниках. — Его взгляд прожигает меня, когда он умоляет. — Я хочу, чтобы Билли Уоррен исчез из нашей жизни. Навсегда.

Я закрываю глаза. Потому что я знала, что так и будет. И не думайте, что я не понимаю, как себя чувствует Дрю. Может, вы даже согласитесь с ним.

Но выбирать между Билли и Дрю для меня не вариант. Может, это эгоистично, но они нужны мне оба. Дрю — мой любовник, любовь всей моей жизни, отец моего ребенка. Но Билли — мой лучший друг — также как и Ди-Ди.

— Он мой друг.

У меня твердое выражение лица, говорящее ему без слов, что я не желаю сдаваться. Ни в этом случае, ни сейчас.

Он сжимает челюсть.

— Как ты можешь меня об этом просить? Как ты вообще это видишь? Чтобы я смотрел, как ты с ним разговариваешь и при этом не прибил его?

Беру руки Дрю и крепко их сжимаю.

— Если бы ты и я решили больше не быть вместе, я все равно не захотела бы быть с Билли. Никогда. И он бы не захотел быть со мной. И, поначалу, когда я сюда приехала, я думала, что ты не хочешь этого ребенка. И я думала, что не смогу растить его одна. Билли заставил меня взглянуть на вещи по-другому, что я это смогу. А что еще важнее, он помог мне понять, что я этого еще и хочу.

Дрю отворачивается.

Я беру в ладони его лицо и поворачиваю его опять ко мне.

— Если бы здесь не было со мной Билли, я, скорее всего, сделала бы аборт до того, как ты приехал. Подумай об этом. Подумай о том, что мы могли бы потерять, Дрю. И что я никогда не смогла бы себя простить — или тебя. Я перед ним в долгу. Мы перед ним в долгу.

Он крепко сжимает глаза. На самом деле, я не жду, что он со мной согласится. Это горькая пилюля для любого мужчины, особенно для такого, как Дрю. Но он слушал. И я могу только надеяться, что он подумает о том, что я сказала и поймет, что моя жизнь — наша жизнь — будет лучше, если в ней будет такой друг, как Билли.

Сейчас уже достаточно того, что он не выражает активного несогласия.

Он устало трет глаза своими ладонями. И когда их опускает, задает мне вопрос. И в каждом его звуке слышится отчаявшееся любопытство:

— Почему ты просто не сказала мне, Кейт? Когда тебе только пришла мысль о том, что ты можешь быть беременной?

Вам тоже это интересно, правда? Ничего бы этого не произошло, если бы я не держала свои подозрения при себе.

Если бы Вуди сразу пошел в полицию...³⁷

— Я была... потрясена. Напугана. Сама не могла понять своих чувств по поводу возможной беременности... не была уверена, как ты это воспримешь. Мне нужно было время, чтобы привыкнуть к этой мысли. Принять ее. Чтобы — постепенно — радоваться ей. И я радовалась. После посещения Бобби я была счастлива. Я шла домой, чтобы рассказать тебе... но... было слишком поздно.

Дрю говорит мне:

— Я старался чертовски сильно не делать поспешных выводов. Опять. Когда я увидел мужское имя в твоём календаре, а потом ты солгала, насчет того, куда собиралась... я, действительно, разозлился.

Но потом я остыл и подумал, что, может быть, ничего страшного. Может быть, ты пошла покупать мне подарок, или планировала какой-то сюрприз.

— И вместо того, чтобы спросить меня, или подождать, что это за сюрприз, ты следил за мной?

— Я не мог сидеть просто так. Должен был *что-то* делать. А потом я увидел тебя, на парковке, ты была такой счастливой видеть того сукиного сына. Никогда не думал, что ты будешь мне изменять. Не хотел в это верить, но увидел это прямо перед собой.

— Моя бабушка говорила «Не доверяй тому, что слышишь, и только наполовину тому, что видишь».

Дрю фыркает.

— Она хренов гений.

Я готова принять ту часть, что сыграла в этой ситуации, но у меня нет комплекса мученика. Поэтому я спрашиваю:

— Если ты думал, что я тебе изменяю, почему ты не отреагировал, как нормальный человек? Не ударил кулаком в стену, или не напился? Зачем строить такие жестокие схемы, словно какой-то супер-злодей из Бэтмана?

Он качает головой и прикасается к моим волосам.

— Когда я думал, что увидел то, что увидел... это был какой-то кошмар. Просто ад. Даже Богу или Сатане и близко не снилось такое ужасное чувство, которое испытал я.

— Я очень хорошо тебя понимаю.

— И я просто хотел, чтобы она ушла. Чертова давящая боль. Хоть немного. Так что, после того, как я купил бутылку Джека, я пошел в тот клуб джентльменов, куда мы часто ходили с ребятами в былые времена. Она просто... была там. И ты же знаешь, как говорят — лучший способ выкинуть кого-то из головы — это взобраться на кого-то еще.

— Никто так не говорит, Дрю.

— Ну, а должны. В общем, я подумал, что если ты увидишь меня с кем-нибудь еще, ты поймешь, что теряешь. И потом... ты... прекратишь... и вернешься ко мне. Будешь просить пощады. Умолять о прощении. Я все спланировал.

Сухо, я отвечаю:

— Угу, все так и сработало.

— Я сказал, что это был план, я же не говорил, что это был хороший план.

Он мрачнеет

— Когда ты ушла... я словно сошел с ума. Я просто не мог поверить... что ты не выбрала меня.

Голос его такой разбитый, он так был не похож на человека, с которым я жила два года.

У меня из глаз катятся слезы вины и печали.

— Прости.

Дрю меня обнимает, прижимается губами к моей шее, и говорит:

— Мне так жаль, Кейт.

Потом он отклоняется и вытирает слезы на моих щеках.

— Пожалуйста, не плач. Больше никогда не хочу, чтобы ты плакала из-за меня.

Я хлюпаю носом и вытираю глаза.

— В тот вечер, после ужина у твоих родителей, чтобы ты сказал, если бы я рассказала тебе тогда?

Его губы растягиваются в маленькой улыбке, когда он представляет то прекрасное если-бы.

— Я бы побежал в аптеку, не важно, сколько было бы времени, и купил бы один из тех домашних тестов. Или десять! И я сидел бы вместе с тобой за столом, пока ты пила бы тонну воды, чтобы мы могли ими воспользоваться.

В слезах я усмехаюсь, потому что это звучит так правильно.

— И потом, когда все они оказались бы положительными, я бы сложил их по порядку и сфотографировал бы на телефон, чтобы мы могли отправить их твоей маме и моим родителям, Мэтью, и Александре. А потом, я бы поднял тебя на руки и отнес бы в спальню, где мы провели бы несколько часов, изнуряя друг друга. Только это было бы медленно, нежно, потому что я, скорее всего, переживал бы, чтобы тебе не навредить. А потом, уже после, когда мы бы лежали... я бы тебе сказал, что с нетерпением жду, когда эти девять месяцев пройдут. — Его голубые глаза светятся нежностью и страстью. — Потому что я знаю, что у нас будут самые лучшие дети.

Смеясь, я убираю его темные волосы со лба. Потом наклоняюсь вперед и скрепляю его сладкую мечту поцелуем.

А он меня спрашивает:

— Если бы тогда в квартире, я бы был один, что бы ты сказала? Как бы ты мне рассказала?

Мои глаза снова наполняются слезами, и я поднимаюсь с кровати и достаю из комода

маленькую футболочку. Я держу ее у себя за спиной, когда подхожу и встаю перед Дрю.

Говорю мягко:

— Я бы тебя усадила и сказала бы, что когда я начала работать в компании, я никогда не ожидала, что встречу кого-то вроде тебя. И что я никогда не ожидала, что влюблюсь в тебя. Я, правда, не ожидала, что ты полюбишь меня также сильно в ответ. А потом я бы сказала, что самое замечательно в жизни — это то, чего ты не ожидаешь. А потом, я бы отдала тебе вот это.

Я кладу ему в руки футболку. Он медленно разворачивает ее, а потом читает слова, его губы изгибаются в восторженной гордой улыбке. У него хриплый от эмоций голос:

— Это очень, очень здорово.

Он откладывает футболку в сторону. Потом откидывает одеяло. Берет край моей рубашки и стягивает ее через мою голову. Раздевая меня, обнажая меня перед ним. Следующие — мои джинсы, и я стою перед ним, в своем бежевом кружевном белье. Я медленно расстегиваю его рубашку, мои руки скользят по его плечам и груди, заново знакомясь с телом, по которому я так сильно скучала.

Но в этом нет ничего сексуального. Когда Дрю остается в одних боксерах, он выключает лампу, и мы забираемся под одеяло. Я в предвкушении хорошего, глубокого сна. Наконец-то. Ту же усталость вижу в Дрю.

Эмоциональное истощение может вымотать сильнее, чем любая из тех сумасшедших программ по похудению.

Дрю лежит на спине; моя голова у него на груди. Он целует меня в макушку, а рукой гладит по волосам.

Голос у меня тихий, когда я его спрашиваю:

— Ты все еще думаешь, что я идеальная?

— Ты о чем? — спрашивает он сонным голосом.

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на него.

— Ты постоянно это говоришь. Когда мы на работе, или когда занимаемся любовью — порой я даже не знаю, осознаешь ли ты это. Ты говоришь мне, что я идеальная. И теперь, после всего, ты все равно так думаешь?

Я знаю, что, на самом деле, я далека от идеала. Никто не идеален. Но реальность меня не интересует — я просто хочу знать, изменилось ли его мнение обо мне. Стала ли я хуже в его глазах, чем была до этого.

Он прикасается к моему лицу, ласкает пальцами мои губы.

— Я все еще считаю тебя идеальной для меня. Ничто никогда этого не изменит.

Я улыбаюсь и ложусь назад. Затем, в обнимку мы засыпаем.

Глава 17

На следующее утро, когда я открываю глаза, еще рано. Через шторы пробивается серый свет, но солнце еще не встало. А место рядом со мной пустое. Я одна.

На какой-то ужасный, сумасшедший момент, мне кажется, что все было сном. Приезд Дрю в Гринвилль, наше примирение — все это лишь иллюзия, вызванная мыльными операми и романами Джули Гарвуд.

Потом я вижу записку на краю стола.

Не паникуй. Пошел вниз за кофе и завтраком. Скоро вернусь. Оставайся в кровати.

С облегчением, я поворачиваюсь на спину и закрываю глаза. Я уже знаю, что если слишком резко встану, в ответ получу приступ тошноты. Теперь я уже не так сильно противлюсь утренней тошноте. Конечно, никому не понравится, когда их кишки проснутся наружу, но, как бы странно это ни было, мне это внушает уверенность. Будто бы мое тело говорит мне, что все в норме. Все системы исправны.

Через десять минут, я медленно встаю и натягиваю халат. Потом спускаюсь вниз, на запах свежесваренного кофе.

У черного хода в кухню я слышу голос Дрю. Вместо того чтобы войти, я заглядываю в щелку, где дверная петля. Дрю стоит у разделочного стола, замешивая тесто в чашке. Мама чопорно сидит за столом в углу. Разглядывая счета, громко стуча по кнопкам на калькуляторе. У нее строгое лицо, злое — чертовски настроенное на игнор другого человека на кухне.

Я слушаю и наблюдаю, успевая застать окончание истории Дрю.

— И я говорю «Два миллиона? Я не могу предлагать такое своему клиенту. Возвращайтесь, уже без этих шуточек».

Он смотрит на мою мать, но реакции ноль. Он возвращается к своему тесту и говорит:

— Это как я несколько недель назад сказал Кейт — некоторые парни должны знать, когда их обошли.

Мама швыряет счет на стол и берет еще одни из кучи.

Дрю вздыхает. Потом ставит чашку на стол и садится напротив моей матери. Она делает вид, что его нет.

На мгновение он задумывается, потирая своими костяшками щетину на своем подбородке. Потом наклоняется к моей матери и говорит:

— Я люблю Вашу дочь, Кэрол. Как... я-подставляюсь-за-нее-под-пули любовью.

Моя мама фыркает.

Дрю кивает.

— Угу, понятно. Может, для Вас это ни черта не значит. Но... это правда. Не могу обещать, что я снова не оплошаюсь. И если вдруг это случится, это не будет таким масштабным, как моя последняя катастрофа. И я могу обещать, что все сделаю, что в моих силах, чтобы загладить свою вину перед Кейт... сделать все правильно.

Мама продолжает смотреть в счет, что в ее руках, будто в нем содержится лекарство от рака.

Дрю садится прямо, смотрит в сторону окна и немного улыбается.

— Когда я был ребенком, я хотел быть, как отец. Он всегда носил хорошие костюмы и работал на последних этажах огромного здания. И у него всегда все было под контролем, словно весь мир под рукой. Когда я повстречал Кейт... нет... когда я понял, что она предназначена для меня, все, что я хотел, так это быть тем парнем, который делает ее счастливой. Который ее удивляет, заставляет ее улыбаться.

В первый раз моя мама смотрит на Дрю. Он смотрит на нее в ответ и говорит ей решительным голосом:

— Я все еще хочу быть тем парнем. Я все еще думаю, что смогу им стать. И я надеюсь, что однажды, Вы будете думать так же.

Спустя мгновение, Дрю встает и возвращается к приготовлению завтрака.

Я жду, наблюдая, как моя мама продолжает сидеть за столом, молча и не двигаясь. Разве это не то, что хотят слышать все родители? Что единственная цель человека, которого любит ваш ребенок — это сделать их счастливыми? Не могу поверить, что она не тронута словами Дрю.

Она говорит:

— Ты все делаешь не так.

Дрю перестает мешать и поворачивается к моей матери.

— Разве?

Она поднимается и забирает у него из рук чашку.

— Да, если ты растираешь слишком сильно, блины получатся тяжелыми. Сильно толстыми. Надо мешать так, чтобы просто смешать ингредиенты. — Она слегка улыбается Дрю. Но этого достаточно. — Я тебе помогу.

Медленно, Дрю улыбается в ответ.

— Это было бы здорово. Спасибо.

Вот — намек на теплое и пушистое. Мое сердце немного оттаивает. Потому что каждая девушка хочет, чтобы ее мама видела хорошее в человеке, которого она любит.

Я врываюсь на кухню.

— Доброе утро.

— Доброе утро, милая. Как ты себя чувствуешь? — спрашивает мама.

— Хорошо. Правда, хорошо.

Я подхожу к Дрю, который нежно меня целует и обнимает за плечи.

— Ты почему встала? Ты не прочитала мою записку?

— Прочитала. Но я хотела посмотреть, что ты делаешь. Как дела?

Он подмигивает.

— Все нормально.

Мы остаемся в Гринвилле еще на один день, прежде чем вылетаем в Нью-Йорк поздним рейсом. Первым делом в воскресенье утром мы вместе переступаем порог нашей квартиры.

Я оглядываю гостиную, пока Дрю складывает наши сумки в углу. Квартира убрана, сверкает чистотой и пахнет лимонной полировкой для мебели. Она выглядит точно так же, как и тогда, когда я отсюда вышла неделю назад. Ничего не изменилось.

Практически читая мои мысли, Дрю говорит:

— Я вызывал уборщиц.

Я посмотрела в коридор, что ведет в ванну.

— А костер?

Мы обсудили с Дрю его экскурс в пироманию. Он сказал, что сжег несколько фотографий, но есть копии. Ничего не утеряно безвозвратно.

Как-то поэтично, вам не кажется?

Мрачно, я ему говорю:

— Дрю, нам надо поговорить.

Он осторожно меня осматривает.

— Ни один разговор в истории, который начинался с этих слов, еще никогда не заканчивался хорошо. Почему бы нам не присесть.

Я сажусь на диван. Он садится в глубокое кресло и поворачивается ко мне.

Я перехожу сразу к делу.

— Я хочу съехать.

Он прокручивает мои слова у себя в голове, а я готовлюсь к спору, который, я знаю, произойдет.

Но он просто едва кивает.

— Ты права.

— Да?

— Да, конечно. — Он оглядывает комнату. — Я должен был подумать об этом раньше. Ведь это

там, где случился твой самый ужасный кошмар. Как дом из *Ужаса Амтивилля* — кто же здесь захочет жить?

Он воспринимает это намного лучше, чем я думала. До тех пор, пока он не продолжает:

— У сестры есть отличный агент по недвижимости. Позвоню ей прямо сейчас. А пока мы можем остановиться в Уолдорфе, если хочешь, пока не подыщем новое место. На этом рынке, это не займет слишком много времени.

— Нет, Дрю, я сказала, Я хочу съехать. Одна. Хочу найти свою собственную квартиру.

Он хмурит брови.

— Зачем тебе это?

Вам, скорее всего, тоже интересно. Я думала об этом какое-то время, планировала в своей голове, с тех пор, как решила, что оставлю этого ребенка с Дрю или без него. Потому что есть разные степени зависимости. Я всегда хотела быть финансово обеспеченной, и теперь я такая. Но я никогда не была зависимой эмоционально. И на данном этапе моей жизни, это то, чего мне хочется.

Даже если это просто ради того, чтобы доказать себе, что я это могу.

— Я никогда не жила сама по себе. Ты знал об этом?

Все еще сбитый с толку, Дрю говорит:

— О-кей?

— Сначала я жила в общежитии. Потом Ди, Билли и я, и еще куча других людей нашли себе место в кампусе. После этого, всегда я жила либо с Билли, либо с Билли и Ди в квартире или доме. А потом, я переехала сюда к тебе.

Дрю наклоняется вперед, упираясь локтями себе в колени.

— Что ты хочешь сказать, Кейт?

— Я хочу сказать, что я никогда не приходила к себе домой. Никогда не украшала свою квартиру и не покупала мебель, чтобы при этом ни с кем не консультируясь. Мне двадцать семь лет, и я практически никогда не спала одна.

Он открывает рот, чтобы возразить, но я продолжаю.

— И... я думаю, что ты четко доказал, что мы поторопились. Мы перешли от недельной интрижки к проживанию вместе.

— И посмотри, как все чудесно повернулось! Я знаю, чего я хочу, и я хочу тебя. Не было никакого смысла ждать, потому что...

— Но, может быть, *был бы* смысл подождать, Дрю. Может быть, сейчас у нас был бы более твердый фундамент в отношениях, если бы мы просто... повстречались... немного, прежде чем съехаться. Может, если бы мы не торопились, ничего бы из этого не произошло.

Он раздражен. И немного паникует. Он пытается это скрыть, но я вижу.

— Ты сказала, что простила меня.

— Простила. Но... я не забыла.

Он качает головой.

— Это просто женская трепотня, и теперь ты будешь вываливать на меня все это всю оставшуюся жизнь!

В его словах есть смысл. Я бы солгала, если бы сказала, что какая-то маленькая часть меня не хотела бы до него донести, что он не может обращаться со мной так, как ему вздумается. Что существуют последствия его действий.

Что если он снова облажается, я могу — и я это сделаю — оставить его.

Но дело *не только* в этом.

— Ты хочешь сделать ремонт? — спрашивает он. — Ради бога! Хочешь перекрасить стены в розовый и постелить белье с чертовым единорогом? Я и слова не скажу.

Теперь я качаю головой.

— Мне надо знать, что я могу это сделать, Дрю. Ради *себя*. И... когда наш сын или дочь начнут жить самостоятельно, я хочу знать, какого это, чтобы я могла им помочь.

На данном этапе, я ожидаю, что Дрю согласится со всем, что я от него хочу.

Женщины знают, когда у них в руках власть. Вы же знаете о чем я. Дни после того, как ваш муж забыл про годовщину, или когда ваш бойфренд провел слишком много времени с ребятами в баре, наблюдая за игрой. Дни после скандала, когда выигрыш в женской колонке журнала, — спокойны. Полны любви. Мужчины из кожи вон лезут, чтобы быть внимательными и заботливыми. Ставят свои ботинки в шкаф, выносят мусор без напоминания, и помнят о том, что надо поднять сидушку унитаза, когда они мочатся.

Так что хоть я и понимаю, что Дрю не слишком обрадуется моему объяснению, я представляю себе, что он все равно окажется понимающим и готовым помочь.

— Что ж, это чертовски глупо!

Не совсем то, что я представляла.

Скрещиваю руки на груди.

— Только не для меня.

Он вскакивает на ноги.

— Тогда ты ненормальная!

Он пропускает руку через свои волосы и берет себя в руки.

Когда он говорит, его слова спокойны, вразумительны; уравновешенный бизнесмен берет свое.

— Ладно... давай согласимся, что последние дни были через чур эмоциональными. И ты

беременна — ты не совсем ясно мыслишь. Когда Александра была беременной, она хотела обрезать все свои волосы, в стиле Майли Сайрус. Парикмахер ее отговорила, и в итоге она была рада. Так что... давай сделаем паузу... и вернемся к этому позже.

Я вздыхаю.

— Для нас это будет хорошо. Мы также будем видеться каждый день, но немного времени проводить врозь, побудем немного одни...

— Ты сказала своей матери, что не хочешь быть одной. Что нам надо быть вместе, чтобы пройти через это.

— Это было тогда, — говорю я, пожимая плечами. А потом перехожу к старому надежному средству. — Если ты что-то любишь, отпусти это. Если оно вернется к тебе, значит оно твое.

Он щипает пальцами свою переносицу.

— Значит... ты хочешь доказать мне то, что никогда меня не оставишь... оставив меня?

— Нет. Я хочу доказать, что я никогда тебя не оставлю... вернувшись к тебе.

Дрю спереди оттягивает свои штаны и смотрит вниз.

— Нет — мой член на месте. Что объясняет многое, потому что твои объяснения имеют смысл только для женщины.

Я закатываю глаза. А Дрю нажимает:

— Ты беременна, Кейт, черт бы побрал! У нас будет ребенок. Сейчас не время отступать назад и думать о том, хочешь ли ты этих отношений!

Я беру его за руку и усаживаю рядом с собой на диван.

— Ты помнишь все, что ты делал, перед тем, как я сюда переехала? Цветы, шарики, зажигательная речь сестры Би, ремонт в домашнем кабинете — все это было замечательно. Показывая мне, как сильно ты меня хотел, и как сильно ты желал изменить свою жизнь ради меня.

Я смотрю на наши соединенные руки.

— Но они также привели к предложению, от которого я не могла отказаться. Никакая женщина бы не смогла. И я думаю, что часть тебя верит, что ты манипулировал мной, чтобы я съехала с тобой. Что если бы ты меня не допек и не перехвалил тогда, я бы никогда тебя не выбрала.

— Ты бы не выбрала.

— Видишь, о чем я? И это просто неправда. Мне могло потребоваться какое-то время, чтобы снова тебе доверять, поверить, что ты был готов к отношениям, но это бы произошло. Я бы все еще любила тебя и хотела бы жить с тобой, из-за тебя. А не из-за того, что ты для меня делал. Все бы наладилось, Дрю. И ты бы никогда не сомневался, почему я с тобой.

Он отнимает руку и трет свое лицо.

— Значит... ты хочешь платить за квартиру, собрать все свои вещи, купить мебель, пройти через все сложности переезда... чтобы доказать мне и себе тоже, что ты на это способна? При этом зная, что в какой-то момент, ты снова переедешь ко мне?

— Ну, когда ты говоришь это так, это звучит смешно.

— Да! Спасибо. Уберем всю эту психическую и эмоциональную чушь, и это смешно!

— Нет, не смешно. Потому что, позже, когда мы решим опять жить вместе, мы будем на равных. Не будет так, что тебе придется искать для меня место в твоей жизни — мы будем вместе принимать решения. По любому вопросу.

Он отворачивается к двери, думая. Потом снова поворачивается ко мне.

— Нет, прости, Кейт: я хочу сделать тебя счастливой, хочу. Но я не могу отнестись с пониманием к этой бессмыслице. Я на это не соглашусь. Нет. Просто — нет.

Он скрещивает руки на груди и дуется. Как двухлетний ребенок, который не успокоится, пока не получит свое.

Было время, еще не так давно, когда его отказ сломил бы меня. Когда я бы позволила его мнению стать моим. Когда я бы сдалась ради наших отношений и их благополучия.

Но больше я так не поступлю.

Я поднимаюсь.

— Я это сделаю, Дрю, с тобой или без тебя. И, действительно, надеюсь, что с тобой.

Потом направляюсь через коридор в спальню.

Несколько минут я стою посреди комнаты, вспоминая. Некоторые прекрасные и романтические моменты своей жизни, проведенные в этой комнате.

Я солгу, если скажу, что я не буду по ней скучать.

Но я твердо верю, что мой переезд принесет нам пользу. Что, в какой-то момент, он проведет разницу между нами, раздавленными под тяжестью нашей собственной страсти и упрямства и даже более сильной парой, чем мы были до этого.

Я просто хочу, что бы Дрю тоже это увидел.

Вздыхнув, я подхожу к шкафу, чтобы собрать свой багаж. Неделю назад я собрала только маленькую сумку с собой, так что теперь придется упаковать вещей побольше. Я замечаю большой бежевый кожаный чемодан на верхней полке. Эти шкафы, явно, не рассчитаны для маленьких людей. Я встаю на цыпочки, пытаюсь схватиться за ручку. Подумываю о том, чтобы принести из комнаты стул, но сначала пытаюсь подпрыгнуть.

Когда я сгибаю колени, чтобы проделать вторую попытку, слышу, как позади меня встает Дрю. Он протягивает руку у меня над головой, и с легкостью достает чемодан и опускает его вниз.

— Не надо сильно вытягивать руки у себя над головой. Это не очень полезно для тебя... для малыша.

Он выходит из шкафа и кладет чемодан на кровать.

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю его, следуя за ним.

Он пожимает плечами.

— Когда Александра была беременной, я много читал. Я хотел быть готовым на случай если ей приспичит рожать на семейном сборище, или если мы застрянем в пробке в одной машине.

Он открывает чемодан. А я улыбаюсь.

Он берет меня за плечи и усаживает на край кровати.

— Просто... подними ноги. Отдохни.

Потом он поворачивается к комоду и достает оттуда стопку моих футболок, и аккуратно укладывает их в чемодан. Пока он это делает, в мою сторону не смотрит.

— Ты помогаешь мне уложить вещи?

Он натянуто кивает.

— Угу.

— Но ты все еще не хочешь, чтобы я съезжала?

— Неа.

— И... ты все еще думаешь, что это глупая идея?

— Угу. У тебя редко бывают глупые идеи, но если и есть, эта — самая идиотская из них.

Он достает еще одну кучу одежды из комода, когда я спрашиваю:

— Тогда почему ты мне помогаешь?

Он бросает одежду в чемодан и смотрит мне прямо в глаза. И на его лице отражены все его чувства — расстройство, уступчивость... преданность.

— За последние два года, я, наверно, десятки раз говорил тебе, что все для тебя сделаю. — Он пожимает плечами. — Пришло время так сделать или уже заткнуться.

И вот... вот поэтому я люблю его. Подозреваю, что поэтому и вы его любите тоже.

Потому что, не смотря на все его ошибки и пороки, Дрю достаточно смелый, чтобы отдать мне все, что у него есть. Положить свое сердце на разделочную доску и дать мне в руки топор.

Он делает вещи, которые ненавидит, только потому, что я его об этом прошу. Он пойдет против своих инстинктов и здравого смысла, если мне это будет нужно. Он поставит свое благополучие, свое счастье на второе место после моего.

Я поднимаюсь, обнимаю его за шею, и прижимаюсь губами к его губам. Спустя мгновение мои

ноги отрываются от пола, а его рука зарывается в мои волосы. Его губы ловят мой стон, когда он прижимает меня к себе сильнее.

Я отклоняюсь назад и говорю ему:

— Ты — замечательный.

Он нежно мне улыбается.

— Это всеобщее мнение.

Я улыбаюсь.

— И я тебя люблю.

Он опускает меня на пол, но держит руки вокруг моей талии.

— Хорошо. Тогда ты разрешишь мне поставить три замка на дверь квартиры, в которую ты решишь переехать. И цепочку. И дверной засов.

Я улыбаюсь шире.

— Хорошо.

Дрю медленно шагает вперед, подталкивая меня к кровати.

— И ты не будешь возмущаться, когда я проведу туда сигнализацию.

— Нисколечко.

Мы делаем еще один шаг вместе, будто бы танцуем.

— Еще я подумываю купить тебе одну из тех штук на шею из серии «я упал и не могу подняться».

Я прищуриваю глаза, делая вид, что я думаю над этим.

— Об этом мы еще поговорим.

— И... ты разрешишь провожать тебя с работы до дома каждый вечер.

— Да.

Тут мои ноги упираются в край кровати.

— Я также будут посещать доктора вместе с тобой.

— Даже на секунду не думала, что не будешь.

Дрю берет мое лицо в ладони.

— И однажды, я собираюсь просить тебя выйти за меня замуж. И ты будешь знать, что это не из-за того, что ты беременна, или потому что это скрытая попытка удержать тебя.

У меня в глазах выступают слезы, когда мы смотрим друг на друга.

Хриплым голосом он продолжает.

— Ты будешь знать, что я тебя прошу, потому что ничто не заставляет меня гордиться сильнее, чем сказать: «Это моя жена, Кейт». И года я тебя спрошу, ты ответишь мне «да».

Когда я киваю, одна слезинка катится по моей щеке. Дрю вытирает ее большим пальцем, а я обещаю:

— Непременно.

И потом он меня целует, со всей страстью и желанием, которое он держал в себе последние два дня. Дрю придерживает мою голову, когда мы вместе падаем на кровать. Потом я выгибаюсь, и по моему животу вниз к бедрам расплывается жар, когда я трюсь о него там, где он уже твердый и готовый.

Упираясь локтями в кровать у моих плеч, Дрю поднимает голову и бормочет:

— Ну... примирительный секс... или секс перед расставанием? Потому что у меня есть фантастические идеи для того и для другого.

Я раздвигаю ноги шире, устраивая Дрю между ними.

— Это, определенно, примирительный секс. Может, чуть-чуть давай-сделаем-перерыв секс. И полностью последний-в-этой-квартире секс. Это много дел — так что это займет много-много времени.

Дрю улыбается. И эта его мальчишеская, очаровательная улыбка — одна из моих любимых — появляется у него только по особым случаям.

— *Обожаю* ход твоих мыслей.

И мы не покидаем кровать весь оставшийся день.

Эпилог

Восемь месяцев спустя...

Ну вот... я снова начал ходить в церковь. Каждую неделю. Иногда дважды в неделю.

Угу — это я, Дрю.

Давно не виделись. Скучали по мне? Судя по вашему виду на лице, который говорит «Хотелось бы запихать твой член в автоматическую точилку для карандашей»... думаю, что нет.

Все еще злитесь? Не могу сказать, что я вас за это виню. У меня ушло три недели, прежде чем я перестал хотеть надрать самому себе зад, когда смотрелся в зеркало. На самом деле, как-то вечером, когда мы с ребятами праздновали одну глобальную сделку, которую заключил Джек, и после нескольких стопок Йегера, я умолял Мэтью пнуть меня по яйцам так сильно, как он только мог.

Потому что я не мог избавиться от взгляда Кейт в ту ужасную ночь, когда она от меня уходила.

Он преследовал меня снова и снова, как один из тех фильмов по кабельному телевидению, который постоянно показывают, но который никто не смотрит.

К счастью для меня, Мэтью отказался. И к еще большему счастью — с ним не было Долорес, она то, думаю, была бы более чем счастлива исполнить мою просьбу. Дааа — список задниц, которые мне пришлось целовать в последние несколько месяцев — длинный. Прямо как конвейер. Кейт, Долорес, Кэрл, мой отец, Александра...

Я затарился бальзамом для губ — так не хотелось их стереть.

Вы многое пропустили. Я постараюсь ввести вас в курс дела.

Что вам известно о годах восстановления? У любой великой команды по бейсболу есть такие. Черт, у Янки они бывают через каждый год. Целью года на восстановление является не выигрыш Мировой Серии. Он нужен для того, чтобы развивать силу, выявить ваши слабые стороны. Сплотить команду... сделать ее сильной.

Вот на что были похожи те недели для меня и Кейт, после того, как она, нахрен, съехала. Она недолго искала новую квартиру. Одна спальня, меблирована, приличный район. Она была маленькой... моя сестра назвала ее причудливой. А если быть объективным, я бы назвал ее довольно милой.

Но объективность, на самом деле, не мой конек, так что она была идиотской. Я ее ненавидел — каждый ее миллиметр.

Первый понедельник, когда Кейт и я вернулись к работе, был не очень приятным. Мой отец затащил нас в свой кабинет и усадил обоих, чтобы мы прослушали Лекцию.

Это способ наказания, который он разработал в те времена, когда я был еще ребенком, когда он понял, что отлупить меня за проступки было не таким эффективным, как принято считать. Старик, тот еще говорун — Венди Девис³⁸ и рядом не стояла — и мог он проделывать это часами. Были времена, когда я, действительно, думал, что лучше бы он меня ударил, было бы намного проще.

Долгая словесная порка, к которой он прибег именно в тот день со мной и Кейт, включала в себя такие слова, как «разочаровали» и «злой рок», «инфантильность» и «самокритика».

В конце он объяснил, что в его жизни было две великих любви — его семья и наша компания — и он не позволит одной разрушить другую. Так что, если я и Кейт еще когда-нибудь позволим нашей личной жизни влиять на профессиональную, кто-нибудь один из нас или мы оба пойдем искать работу в другом месте.

В общем-то, я думал, что это было довольно великодушно с его стороны. Если бы я был на его месте, я бы выкинул из компании свою задницу. Потом, когда мы сказали, что он станет дедушкой в третий раз... Ну, скажем, что эта новость оказала огромное влияние на наше примирение.

Кейт и я виделись каждый день, на работе и после нее. Без ночевок, но у нас были свидания — ужины, концерты, прогулки по Центральному Парку, долгие разговоры по телефону, которым в

пору тягаться с подростковой глупой девичьей болтовнёй. Разговаривали мы много. Думаю, в этом и был весь смысл.

Ничего не скрывали. Обсуждали все. Говорили о наших комплексах — неуверенности в себе — она, как сорняк; если сразу от нее не избавиться, начинает размножаться. И прежде, чем вы это поймете, ваш сад превратится в джунгли Вьетнама.

Кейт обвинила меня, что я использую секс, как оружие и гарантию безопасности. А я сказал ей, что она от меня отгораживается — закрывается, и я не знаю, о чем она думает на самом деле. Между нами двоими, у нас было столько вопросов, что хватило бы на целый сезон ток шоу Доктор Фил.

А вы не знали?

Выложить все это начистоту помогло. Я так много говорил о своих чувствах, удивительно, как еще грудь не отрастил.

Знаете, когда вы убираетесь у себя в гараже? И вам надо его перепотрошить — вытряхнуть все коробки, расчистить полки — прежде чем вы сможете снова это все составить? Вот примерно так все и было.

Мы подробно поговорили о том, чем занимались во время нашего расставания. И уверяю вас — те разговоры доставили столько же радости, сколько и колоноскопия.

Сплетение ее языка с языком Уоррена было расписано в деталях.

Был ли я зол?

А керосин легко воспламеняется?

Я хотел разнести стену своим кулаком — и его лицо. Я все еще хотел провести между ними черту и сказать Кейт, чтобы она больше никогда не разговаривала с тем сукиным сыном. Больше никогда не виделась с ним.

Никогда.

Но я не сказал. Потому что как бы я ненавидел это признавать, тот кретин ее поддерживал, когда я... нет. Он собрал ее по кусочкам, когда я помог ей рассыпаться. Так что пусть это звучит глупо, по-идиотски, и даже невозможно, но он оказал мне услугу. Плюс, этот идиот много значит для Кейт. И хотя я хочу быть для нее всем, я не могу заставить лишиться ее чего-то — кого-то — что делает ее счастливой.

Так что в свете моего собственного поведения, буду к этому придурку благосклонен. На этот раз.

Конечно, в следующий раз, когда я его увижу, все ставки прочь. Если он меня достанет, у меня будет полное право запихать его зубы ему в глотку. А с моим талантом раздражительности, это весьма гарантированно.

Почему вы на меня так смотрите? Только не говорите мне, что теперь этот парень вам *нравится*. Господи Боже, не могу поверить.

Ладно... следующая тема для разговора... вы же знаете, что я не трахался с той

стриптизершей. Но вот чего вы не знаете... не то, чтобы я не пытался это сделать.

Прежде, чем вы мне оторвете голову, давайте просто вспомним, что Кейт разорвала голыми руками мое сердце на куски. Она сказала, что уходит от меня, что все кончено.

И я ей поверил.

Что снова возвращает меня к тому, с чего я начала — церковь. Все просто — я теперь должен Богу. Много должен. И не за то, о чем вы, наверно, думаете.

Что вы знаете о нарушении эрекции? Синдром вялого члена. Неудачный запуск. Это положение, с которым сталкивается каждый бедный чувак с членом в определенный момент своей жизни. И как космические камни ударяются о землю, когда-нибудь и это случается.

Но у меня, это было лишь однажды. Угадайте, когда? Правильно — в ту ужасную ночь. После того, как Кейт испарилась, стриптизерша устроила мне свое маленькое шоу на пятнадцать минут. Потом она предложила перевести наши отношения на новый уровень — познакомиться поближе на диване, в спальне, подальше от люстры в столовой.

Но я знал, что этого не произойдет. Не могло произойти. Потому что я был таким же твердым, как жеваный комок жвачки.

Ну, может, у меня ничего не получалось, потому что я был сильно расстроен из-за Кейт. Может, потому что я выпил слишком много алкоголя. Но я предпочитаю думать об этом, как о божьем промысле.

Вмешательство судьбы, чтобы спасти меня от своей собственной глупости.

И это сработало. Потому что сегодня, наши отношения лучше, чем раньше. И я точно уверен, что этого бы не было, если бы я трахнул другую женщину. Не знаю, смогла бы Кейт меня когда-нибудь простить за это. Я знаю, что сам бы себя я не простил.

После всего, через что мы прошли, мы подошли к хорошему. Примирение. Завоевание ее обратно. Здесь у меня все замечательно, помните?

Но я не хотел повторяться; так неинтересно. Так что в этот раз не было кучи цветов. Никаких шариков. Никакого музыкального трио.

В этот раз были страстные сообщения. Маленькие, но значимые подарочки. Записки на двери в ее квартиру. Каждый раз, когда я думал о ней, пока ее не было рядом, каждый раз, когда я скучал по ней, лежа без нее в кровати, я давал ей об этом знать. Добавляя или не добавляя при этом стихи.

Кейт тоже не оставалась безучастной. Не смотря на ее очевидную радость по поводу ее независимости, она всячески показывала мне, что чувствует себя одинокой без меня. Она настояла, чтобы перед сном мы разговаривали по телефону. Зачастую все заканчивалось тем, что она клевала носом, а я все еще висел на другом конце и долго слушал ее дыхание.

Разве это не жалко?

Отвалите — мне все равно.

Кейт также готовила для нас ужин три раза в неделю у себя в квартире. Потом мы работали за ее кухонным столом, как приличные школьники, готовящиеся к выпускным экзаменам.

Но где-то на восьмой неделе, я почувствовал, что пора сделать великий жест. И я сделал свой главный шаг.

Вы когда-нибудь видели *Скажи что-нибудь*? Помните, когда Джон Кьюсак держал у себя над головой тот бум-бокс? Я позаимствовал у него эту картинку. Только вместо CD проигрывателя, я стоял на тротуаре у дома Кейт с караоке.

Вы же помните мое отношение к караоке, не так ли? Есть полно вещей, которые у меня хорошо получаются — пение к ним не относится. Но я на это наплевал и громко пропел все слюнявые песни о любви, которые только пришли на ум.

Пришли Мэтью, Стивен и Джек и сели на бордюр и мешали мне, но я не обращал на них никакого внимания. Потому что все это время, что я пел, Кейт стояла на балконе, наблюдая за мной с легкой улыбкой на ее совершенных губах.

И публичное унижение тут же пропало.

Потому что на середине «Зеркал» Джастина Тимберлейка, Кейт спустилась вниз, взяла меня за руку и завела к себе в квартиру. Прежде, чем войти, я показал своим ребятам фак. И как только мы оказались внутри, Кейт оседлала меня, как принцесса-воительница, втянутая в сражение.

Что? Вы думали, что у нас не было секса, так? Я, и два месяца без секса?

Почему бы вам просто клещами через нос не вытянуть мне мозги? Уверен, это будет не так болезненно.

У нас был секс. Но, как я уже говорил, без ночевки. Что выглядело, как поедание мороженого без кондитерской обсыпки. Все было хорошо, но чего-то все равно не хватало.

Хотя в ту ночь, изменилось все. Потому что когда я открыл глаза, было утро, и Кейт уже не спала. Смотрела на меня. Она водила пальчиками по моей груди и целовала меня. А потом она сказала мне, что была готова — хотела, чтобы мы снова съехались.

Это... был второй самый счастливый день в моей жизни.

Довольно быстро мы нашли новую квартиру. Я до этого уже начал присматриваться, и подобрал три варианта.

Для Кейт было важно, чтобы у нас было место, которое мы могли бы назвать «нашим» во всех смыслах этого слова. Для нее, это выглядело, как новое начало наших отношений. Символ каких-то женских полномочий, которых, как она думала, раньше ей не доставало. Я всегда считал Кейт сильной, независимой — я никогда не думал, что *она* так не считала.

Зданию было больше ста лет, оригинальные молдинги, окна во всю стену и два балкона, которые выходят на Центральный Парк. Плюс несколькими этажами ниже от нас живет Бон Джови, что классно. Кейт его большая фанатка.

Ну вот, думаю, все. Или я что-то упустил?

Я получил хороший урок. В этот раз окончательно. Серьезно. Если я вернусь домой и увижу Кейт с каким-то непонятным парнем в постели? Я не ужаснусь — я слова не скажу.

Я просто возьму ее, перекину через плечо и утащу в ближайшую лабораторию ДНК, чтобы убедиться, что это действительно Кейт, а не какая-нибудь злобная давно-потерявшаяся ее сестра-близнец, которая одержима идеей разрушить наши жизни.

Больше никогда не буду сомневаться в Кейт. Или в нас, если уж на то пошло.

Все еще не верите мне?

Ничего страшного. Время покажет. И, кроме того — Кейт мне верит. И это все, что имеет чертово значение, не так ли?

А теперь, если вы торопитесь, больше не буду докучать вам своими рассказами. Но история еще не окончена. Остальное можете посмотреть — в прямом эфире.

— Не могу больше есть. Я скоро лопну.

— Боже, Мэтью — еще кусочек! Как можно? — спрашивает Долорес.

Мэтью потирает свой торчащий живот, как дедушка в День Благодарения.

— Это дар.

Она закатывает глаза.

Все в сборе. Ребята приходили помочь мне собрать мебель в детской, а девочки увязались за ними, чтобы руководить. Массивное дерево вишневого цвета — тяжелое, зараза. Послушайте моего совета: выбирайте материал под дерево, выглядит также, но с ним намного легче.

Шэму³⁹ пристально смотрит на Мэтью, когда он берет свой пятый кусок пиццы.

— Seriously, Мэтью, тебе надо остановиться.

Шэму? О, это Александра — ее новое временное прозвище. Мэтью и я придумали его несколько недель назад, когда она неудачно надела на пляж слитный черно-белый купальник для беременных.

Только Стивену не говорите. У него сейчас напрочь отсутствует чувство юмора, если мы с Мэтью подшучиваем над моей сестрой.

С набитым ртом Мэтью ей говорит:

— Не завидуй, Шэм — только потому что тебя сильно раздуло, чтобы наслаждаться этой вкуснотищей.

Оу-оу. Вы уловили эту оплошность?

Александра уж точно.

— Как ты меня назвал?

— Что?

— Шэм. Ты назвал меня Шэм. Какого хрена это значит, Мэтью?

Я никогда не видел того, кого бы выстроили в шеренгу для расстрела, но теперь я хоть знаю, как они выглядят. Мэтью давится своим куском, словно он пытается проглотить кирпич. А его выпученные глаза смотрят на меня, моля о помощи.

Ты сам по себе, дружище. У меня на подходе ребенок. И было бы здорово иметь при себе все четыре конечности, когда он родится.

— Я... ааа... у меня лицевой спазм.

Долорес сбита с толку. Александра щурит глаза.

— Лижущийзадговнюкхзреновсукинсын. Видишь?

Шэму отворачивается.

— Плевать.

Хм. Сплошное разочарование. Наверно, беременность ее изнуряет. Кстати, о беременности — в комнату вразвалочку входит Кейт.

У нее длинные и блестящие волосы. Они развиваются у нее из стороны в сторону, когда она идет. Устало хмурит брови, и одной рукой поддерживает низ живота, который просто необъятный.

Я не могу отвести от нее глаз. Она такая кругленькая и хорошенькая. Как одна из тех неваляшек, с которыми я играл в детстве. Она падает на диван рядом со мной и кладет свои разбухшие, как у Фреда Флинстоуна ноги на кофейный столик.

— Я такая огромная.

Я улыбаюсь и кладу свою руку на ее живот, поглаживая его, как лысину на удачу. Зная о том, что там настоящий малыш, наблюдая за тем, как он перемещается под ее кожей, просто чертовски великолепно.

Когда идет игра Янки, я говорю ему — вещаю с места событий, как спортивный обозреватель. А ночью, когда Кейт спит, я кладу ей на живот пульт от телевизора, чтобы посмотреть, как малыш пнет его изнутри. Здорово, правда? Жутко, как в *Чужих*, но все равно здорово.

— Ты, правда, большая, — говорю я. — Думаю, ты увеличилась в два раза, по сравнению с завтраком.

Вся комната затихла.

А Кейт смотрит на мою руку чуть дольше.

— Простите... мне надо... идти.

Она поднимается и шлепает по коридору так быстро, как только может.

Наверное, опять обиделась — последнее время это часто случается.

Потом Долорес шлепает меня рукой.

Шлеп.

Прямо в ухо.

— Ой!

Потираю свою мочку, которую жжет.

Шэму раздраженно вздыхает

— Можешь сделать это еще и за меня, Долорес? Не думаю, что смогу встать.

Шлеп.

— Господи. Что за хрень?

Александра набрасывается на меня.

— О чем ты *думаешь*? Нельзя говорить женщине, которой осталось три дня до родов, что она огромная!

— Я не говори. Она сказала. Я просто с ней согласился.

— Долорес.

Шлеп.

— Да Господи, ты, боже мой!

Если звон в ушах — это симптом, значит у меня замечательный шанс, что я оглох.

— Кейт знает, что я ничего такого не имел в виду.

Долорес самодовольно складывает на груди руки.

— Конечно, знает, придурок. Именно поэтому она сейчас сидит в ванне и плачет.

Я тяжело сглатываю и смотрю в коридор. Возможно, Долорес просто издевается надо мной. Сейчас, это ее любимое времяпрепровождения, заставляя меня чувствовать себя виноватым за все дерьмо, за которое Кейт меня уже простила. Долорес Уоррен — это Микки Мэнтл⁴⁰ по злопамятству.

Александра поднимается с дивана.

— И на этой ноте — отвези меня домой, Стивен. Как бы ни забавно было наблюдать за тем, как мой братец будет ползать на коленях, я слишком устала, чтобы насладиться данным моментом в полную силу.

Долорес и Мэтью поднимаются, чтобы тоже пойти, чтобы вчетвером вместе уехать на одном

такси. Хотя на самом деле не знаю, как у них это получится — Александра сама займет все заднее сиденье.

Но я оставлю это маленькое замечание при себе.

Кроме того, сейчас у меня есть дела поважнее. Как, например, отыскать свою девушку.

Тихонько стучу в дверь ванной.

— Кейт?

За дверью раздаются шуршащие звуки.

— Я сейчас.

Черт. У нее гнусавый голос. Сырой. Долорес мне не врала. Я тянусь и достаю с верхушки молдинга ключи. Открываю замок и медленно толкаю дверь, и вот она. Стоит перед зеркалом, с мокрыми от слез дорожками по щекам.

Кейт поворачивается и смотрит на меня и икает. У нее жалостливый тон. Печальный.

— Я не хочу быть толстой.

Закрывает лицо руками и начинает рыдать.

Я стараюсь сдержать смех. Правда. Но она выглядит такой забавной и несчастной, поэтому у меня плохо получается.

— Кейт, ты не толстая.

Голос у нее приглушен руками.

— Да, толстая. Вчера я не смогла надеть на себя туфли. Ди-Ди пришлось помогать мне, потому что я не могла достать.

Теперь я уже не могу ничего поделать и громко смеюсь. Упираюсь подбородком в ее плечо и убираю руки от ее лица. Наши глаза встречаются в зеркале.

— Ты — беременна — не толстая. — Потом думаю какое-то мгновение и между прочим добавляю, — Александра — толстая.

Она косится своими мокрыми глазами.

— Она беременная.

— Но не в бедрах.

Кейт качает головой.

— Ты такой плохой.

— Я не специально. Я просто пытаюсь констатировать тот факт, что ты шикарна. — Я провожу руками вверх и вниз по ее узким бедрам. — Сексуальна, до ужаса.

И я не пытаюсь запудрить ей мозги. Ее талия может быть на максимуме, но ноги у нее стройные. Красивые. И у нее все еще самая прекрасная и подтянутая задница на этом побережье реки Гудзон.

Конечно, у нее гормоны и большую часть времени она ведет себя неразумно, но остальное время она возбуждена. Сильнее, чем когда-либо. Плюс — ее груди. Не могу о них забыть. Они размером с ее голову. Так здорово.

В ее обычной груди тоже нет ничего плохого, но груди во время беременности как Индия. Ты не должен там жить, но просто съездить туда — великолепно.

Кейт сомневается в серьезности моих слов.

— Сексуальная? Пожалуйста. Не надо мне вешать лапшу на уши, Дрю.

Я улыбаюсь.

— Поверь мне, дорогая — сейчас я думаю совсем не о лапше на твоих ушах.

Она поворачивается в кольцо моих рук, все еще неубежденная.

— Как ты вообще можешь думать, что это, — она показывает на свое тело, — сексуальное?

Я мешкаю. Потираю рукой свою шею.

— Ты можешь разозлиться.

— Риски.

Я пожимаю плечами.

— Ну... Я же сделал это с тобой. — Тот факт, о котором она не даст мне забыть, как только окажется в родильном зале. — Я сделал тебя такой — поставил свою метку. Это моего ребенка ты вынашиваешь. Это как огромная неоновая вывеска, которая говорит СОБСТВЕННОСТЬ ДРЮ ЭВАНСА. Назови меня пещерным человеком, но меня это чертовски возбуждает.

Она с минуту молчит, потом смотрит на наши руки, которые держатся вместе.

— А если я не смогу сбросить вес, после того, как родится ребенок?

— Сбросишь.

— Но если нет?

Я снова пожимаю плечами.

— Тогда я стану любителем пухлых щечек. Немного пышного тела в постели тоже неплохо.

Она закатывает глаза, а потом смеется. Беру ее лицо в руку и прижимаюсь к ее губам. Поначалу поцелуй сладкий и нежный.

А потом... нет.

Она прикусывает зубами мои губы. Сильно и спешно. Умоляя о большем. И у меня дрожат ноги от потребности ее удовлетворить.

Меня все еще поражает та сила, которой она обладает. Эта маленькая женщина может поставить меня на колени одним лишь взглядом... вздохом. Но я бы ни на что это не променял. Я уже был по другую сторону. Я видел, что может предложить свобода.

Мучение.

Оденьте на меня хреновы цепи; возьмите в рабство.

Кейт отклоняется назад, глаза закрыты. Задыхаясь.

— Дрю... Дрю... мне нужно...

Убираю назад волосы с ее лица.

— Что, малыш, скажи мне? Что тебе нужно?

У нее открываются глаза.

— Ты хочешь меня, Дрю?

Я захватываю губами ее нижнюю губу. И издаю шипящий звук.

— Да.

— Покажи мне. Заставь меня это почувствовать. Не думай о малыше... просто... трахни меня... как раньше...

Пресвятая Мария Матерь Божья.

Ладно, в данный момент, Кейт... растянута. Хрупкая. Как воздушный шарик, наполненный водой до предела.

Мне приходилось прилагать сознательные усилия, чтобы быть осторожнее с Кейт во время секса. Медленно и нежно, не смотря на фантастично креативные позиции. Но сейчас, то, что она говорит — ее голос — Господи, я делаю все, чтобы не загнуть ее у раковины и не отыметь ее до потери сознания.

— Я хочу жестко... пожалуйста, Дрю... как у нас бывало...

Боже, вот, наверно, как чувствует себя помешанная горилла, только что сбежавшая из зоопарка.

— Просто... не смотри на меня, если...

Словно ветка сухого дерева, я внезапно ломаюсь. Крепче хватаю ее за руки и разворачиваю кругом. Рукой хватаю ее за волосы и оттягиваю ее голову назад так, чтобы я мог атаковать ее шею. И мой жесткий стояк трется об ее зад. Кейт стонет. Другая моя рука скользит вверх по ее животу, сильно хватая ее за грудь. Она переполняет мою ладонь. Наши губы сливаются, языки переплетаются в противоборстве. Беру ее на руки и направляю прямиком в спальню.

Кейт прижимается к моей груди.

— Подожди, Дрю, я сильно тяжелая. Можешь повредить себе спину.

Если бы я не был так возбужден, я бы чертовски оскорбился. Прерываю ее еще одним глубоким поцелуем. Затем кладу ее на кровать.

Одну за одной расстегиваю пуговицы спереди ее платья. Не чтобы подразнить ее, а чтобы показать ей.

— «Не смотри на меня», ну-ну! Смотреть на тебя — это самое лучшее!

Ну ладно, не самое лучшее. Но довольно приятное.

Она в нетерпении ерзает и расстегивает свой лифчик. Спускает его с плеч. А я какое-то время люблюсь своим творением, лаская взглядом каждый сантиметр ее тела. *Восхитительная!*

Потом зарываюсь лицом в ее грудь, облизывая и посасывая ее, отдавая должное каждому благодатному холмику.

Кейт изгибает спину и тянет меня за волосы. Извиваясь. Стягиваю через голову рубашку.

Она обнимает меня за спину — массируя ее — прижимая меня сильнее. Я издаю стон и подбираюсь поцелуями к ее шее, чтобы снова слиться с ней в долгом поцелуе. Я не хочу, чтобы прямо сейчас она думала о ребенке, но я не могу просто так пройти мимо ее живота, чтобы не почтить его своим вниманием. Прижимаюсь к нему губами, с трепетом.

Потом я поднимаюсь. Расстегиваю ремень и стягиваю на пол брюки и белье. Дыхание Кейт учащается. Разбухшие губы приоткрыты. А возбужденные глаза смотрят прямо на меня.

Беру ее за лодыжки и стягиваю к краю кровати, обвивая ее ноги вокруг себя.

Скольжу своим членом вверх и вниз по ее влагилицу, покрывая головку ее соками.

Потом останавливаюсь и встречаюсь с ней взглядом. Я знаю, она хочет горячей скачки, и я с радостью, но сначала:

— Если тебе станет больно, или ты почувствуешь хоть какой-нибудь дискомфорт, ты должна мне сказать.

Она быстро кивает. И это все, что мне требуется, прежде чем я врываюсь в нее. *Черт.* Мы вместе издаем стон, протяжный и громкий. Я закидываю голову назад и снова делаю толчок.

Сейчас она туже. Не знаю, то ли это давление ребенка, или просто милость Божья, но ее вагина сжимает меня, словно Венера хренова мухоловка, наслаждающаяся своей последней добычей. Наши бедра сталкиваются, с шумом, трением, так грубо, как только я могу это позволить.

Все это вызывает ощущения первобытности. Грубости. Но такие невероятно сильные, просто недопустимо. Ее массивные груди скачут при каждом толчке. Она задыхается и рычит, наслаждаясь каждой секундой всего этого. Кейт тянется к моему бедру, но оно слишком далеко от нее, поэтому, вместо этого, она сжимает простыни.

Сохраняя ритм быстрым и устойчивым, я скольжу рукой между нами, и начинаю ласкать ее

клитор, именно так, как она это любит. Потом я начинаю двигаться быстрее, сжимая ее невероятно темные соски. Грудь Кейт всегда была ее слабым местом, но в последнее время, она стала сильно чувствительной.

Она открывает рот, но издает лишь слабый хнык. И это просто невыносимо.

— Давай, малыш, ты же можешь еще.

Я сильно и долго сжимаю каждую ее грудь. И она кричит.

— Дрю... Дрю... да...

Ну вот, так намного лучше.

Я кладу свои руки ей на колени, держась за них, как за рычаги. Притягиваю ее к себе, когда делаю толчок.

— Боже... Кейт...

Я больше не смогу сдерживаться. И при таком темпе, я этого и не ждал. Опускаю голову, и просовываю руку под ее зад. Приподнимаю ее выше — чтобы войти в нее еще глубже. Двигаюсь быстрее.

Кейт сжимает ноги, и я чувствую, что она тоже близка. И она стонет... что-то бубнит... и все это так прекрасно. И потом она теряет контроль. Сжимается вокруг меня. Унося меня с собой. Я держу ее за талию, прижимая ближе к себе, когда мы кончаем вместе.

Позже, когда наше дыхание, наконец, успокаивается, я падаю на кровать рядом с ней.

— Черт. Никогда к этому не привыкну.

Она смеется.

— Угу. Мне это нужно было.

Потом она прикусывает нижнюю губу и смотрит на меня искоса. Застенчиво.

— Хочешь повторить?

Нашла о чем спрашивать.

Несколько часов спустя я просыпаюсь после сексовой комы от звуков голоса Кейт.

— Ух... чертова пицца. Будь проклят тот, кто ее придумал.

Я потираю сонные глаза и смотрю в окно. Снаружи все еще темно, всего лишь пару часов ночи. Кейт расхаживает по комнате, поглаживая свой живот. Тяжело дыша.

— Кейт? Что случилось?

Она останавливается и смотрит в мою сторону.

— Нечего. Спи. — Она тихонько стонет. — Просто живот болит.

Просто живот болит?

Известные последние слова.

А следующее, что вы узнаете, дядюшка Морти лежит на столе в морге от обширного инфаркта, о котором он даже не подозревал. При мне такого не случится, приятель.

В одно мгновение я соскакиваю с кровати, спортивные штаны уже на мне. Стою рядом с Кейт, кладу руку ей на плечо.

— Может, позвонить врачу?

— Что? Нет... нет, я уверена, что это просто... уух... — Она сгибается, держась за поясницу. — Ооо...ой...

И тут между ног у нее льется вода. Как из ведра.

Мы оба просто стоим. В ступоре. Смотрим, как капает вода с края ее сорочки на ковер. А потом, как змея по траве, реальность ползет сквозь наш разум.

— О. Мой. Бог.

— Твою ж мать!

Помните, я говорил про шарик с водой?

Точно — он только что лопнул.

Х-х-х.

Ух-ух.

Х-х-х.

Ух-ух.

Когда мне было шестнадцать, моя школьная команда по баскетболу заканчивала матч вничью на Чемпионате Штата. Во время последней игры мы были без одного игрока, за три секунды до окончания матча. Угадайте, кому они передали мяч? Кто забил победный трехочковый?

Угу — это был я. Потому что уже тогда, я был крут. С отличной реакцией. Не нервничал. Страх? Паника? Это удел лузеров.

А я не лузер.

Тогда почему у меня трясутся руки, как у не проходящего лечение больного с синдромом Паркинсона?

Кто-нибудь когда-нибудь вам говорил, что вы задаете чертовски много вопросов?

Мои костяшки белые, крепко вцепились в руль.

Кейт на пассажирском сидении — с полотенцем под ней — дышит согласно всей этой дыхательной технике, о которой нам рассказывала раскритикованная хиппи инструктор на курсах будущих мам.

Х-х-х.

Ух-ух.

Х-х-х.

Ух-ух.

Потом, на половине ух, она кричит:

— О, нет!

Я чуть не влетел в чертов телефонный столб.

— Что! Что не так?

— Я забыла кислые яблочные леденцы!

— *Что?*

Голос у нее вялый от разочарования.

— Леденцы со вкусом кислого яблока. Александра сказала, что только они помогли ей подавить жажду, когда она рожала Маккензи. Я собиралась купить несколько сегодня днем, но забыла. Может, остановимся и купим?

Ладно. Кажется, разум Кейт помахал нам ручкой — так что мне надо оставаться голосом разума. Что на самом деле чертовски страшно, если учесть, что я уже сам на волоске от этого.

— Нет, мы не можем остановиться и купить их! Ты сошла с ума что ли?

Тут же большие карие глаза Кейт наполняются слезами. И я чувствую себя самым большим кретином на свете.

— Пожалуйста, Дрю? Я просто хочу, чтобы все было идеально... и что, если я захочу леденец во время родов, и ты пойдешь искать его, а потом появится ребенок, пока тебя не будет? Ты все пропустишь! — В два ручья у нее текут по щекам слезы. — Я не смогу этого *вынести*, если ты все пропустишь.

Пожалуйста, только бы это была не девочка. Ради Бога, пожалуйста, только не девочка. Все это время, я молился о том, чтобы ребенок был здоровым, не задумываясь о том, какого он пола.

До настоящего момента.

Потому что, если у меня будет дочь, и ее слезы будут загонять меня в угол, как сейчас слезы Кейт? Тогда я влип по самое не хочу.

— Ладно, Кейт. Все хорошо, малыш. Не плач, сейчас остановлюсь.

Она всхлипывает. И улыбается.

— Спасибо.

Сворачиваю направо, делая разворот в неположенном месте, и заезжаю на бордюр перед магазинчиком. Потом, быстрее, чем пит-стоп на гонках, я уже опять на дороге, с кучей желанных леденцов, катающихся по заднему сиденью.

А Кейт возвращается к своему дыханию.

Х-х-х.

Ух-ух.

Х-х-х.

Ух-ух.

Потом замолкает.

— Думаешь, медсестры поймут, что у нас был секс?

Я демонстративно смотрю на ее живот.

— Ну, если только ты не собираешься заявить, что это непорочное зачатие, думаю, они хорошо себе это представляют. — Потом я жму на гудок. — Прочь с дороги, бабуля! — Клянусь, если ваши седые пышные волосенки — это единственное, что вы можете видеть через приборную доску? Вы не имеете права садиться за руль.

Х-х-х.

Ух-ух.

— Нет, ты думаешь, они узнают, что у нас был секс сегодня?

Кейт такая смешная, когда дело касается таких вещей. Как-то я проходил мимо и заметил, как она сидит на унитазе, и это был конец света. Лично я думаю, что это смешно. Но сейчас я не собираюсь с ней спорить на эту тему.

— Это же родильное отделение, Кейт, а не ЦРУ. Они не будут шарить там с ультрафиолетом, в поисках моих головастиков.

Х-х-х.

Ух-ух.

— Дааа, ты прав. Они не смогут узнать.

Кажется, эта мысль ее успокоила. Подбодрила.

Ууууух.

И я счастлив за нее. Теперь, если только я смогу избежать сердечного приступа, у нас будет

все нормально.

Спустя час Кейт находится в частной палате Нью-Йоркской Пресвитерианской больницы, подсоединенная ко всяким трубочкам, которых больше, чем у девяностолетнего в реанимации. Я сажусь на стул рядом с ее кроватью.

— Ты что-нибудь хочешь? Может растереть спину? Ледяную крошку? Наркотики?

Сам бы я сейчас выпил стакан виски. Или целую бутылку.

Кейт берет мою руку и крепко ее сжимает, будто мы в самолете перед самым взлетом.

— Нет, просто... поговори со мной. — Потом голос ее становится тихим. Спокойным. — Мне так страшно, Дрю.

В груди у меня все сжимается. Никогда еще в своей жизни, я не ощущал себя таким беспомощным.

Но я делаю все возможное, чтобы это скрыть.

— Эй, все эти роды, это же проще простого. Я хочу сказать, женщины рожают постоянно. Я как-то читал, что раньше они рожали прямо в поле. Оботрут ребенка, кладут себе в рюкзак, и дальше работать. Как это тяжело, наверно?

Она фыркает.

— Тебе легко говорить. Твой вклад — одно веселье. И все. Женщинам достается больше всего.

Она права. Но женщины сильнее мужчин. Конечно, мы можем превзойти их в физической силе, но во всем остальном — психологически, эмоционально, сердечно-сосудисто, генетически — женщины гораздо сильнее.

— Это потому что Бог мудрый. Он знал, если через весь этот ужас придется пройти мужчине, человеческий род вымер бы еще вместе с Адамом.

Она усмехается.

Потом из дверей доносится голос:

— Как у нас здесь дела?

— Привет, Боби.

— Привет, Роберта.

Да — я обращаюсь к ней только по полному имени. Пост-травматический стресс? Возможно. Все что я знаю, когда слышу имя Боб? Сразу хочется вскрыть себе вены садовым ножом.

Роберта проверяет приборы в конце кровати.

— Все выглядит хорошо. У тебя раскрытие примерно три сантиметра, Кейт, так что надо еще

немного подождать. Есть какие-то вопросы?

Кейт смотрит на нас надеждой.

— Эпидуральную?

Вот вам совет — не будьте мазохистами. Делайте эпидуральную анестезию. Повторю вам, на случай, если вы не слышали: ЭПИДУРАЛЬНАЯ АНЕСТЕЗИЯ.

По словам моей сестры — это чудо лекарство. Она бы с радостью отымела того парня, кто это придумал — а Стивен, наверно, позволил бы ей. Стали бы вы дергать зуб без новокаина? Или удалять аппендикс без наркоза? Конечно, нет.

И не надо мне тут рассказывать всякую ерунду о том, что надо «прочувствовать весь процесс» деторождения. Боль есть боль — нет здесь ничего чудесного.

Это просто охренеть как больно.

Роберта лаково улыбается.

— Пойду, организую ее прямо сейчас. — Она делает кое-какие заметки на планшете, потом возвращает его на место. — Скоро вернусь, чтобы проверить, как ты. Попроси сестер отправить мне сообщение, если тебе что-то понадобится.

— Хорошо. Спасибо, Роберта.

Когда она выходит за дверь, я поднимаюсь и беру телефон.

— Хочу позвонить твоей маме. Здесь связь плохо ловит. У тебя все будет хорошо, пока я не вернусь?

Она машет рукой.

— Конечно, я никуда не денусь. Мы будем здесь.

Я наклоняюсь и целую Кейт в лоб. Потом наклоняюсь еще ниже и целую ей живот, говоря:

— Без меня не начинай.

Потом выбегаю за дверь — пытаюсь догнать врача Кейт в коридоре.

— Эй, Роберта!

Она останавливается и разворачивается.

— Привет, Дрю. Как дела?

— Я нормально, нормально. Я хотел спросить тебя о частоте сердцебиения ребенка. Сто пятьдесят — не многовато ли?

Голос Роберты терпимый, понимающий. Она уже к этому привыкла.

— Это в пределах нормы. Обычно наблюдаются слабые колебания в частоте сердцебиения плода во время потуг.

Я киваю. И продолжаю.

— А давление у Кейт? Есть признаки предэклампсии?

Знание — сила. Чем больше вы знаете, тем больше контролируете ситуации, по крайней мере, именно это я себе повторял последний восемь месяцев.

— Нет, как я тебе уже говорила вчера по телефону — и позавчера тоже — у Кейт давление не придраться. Оно было нормальным всю беременность.

Я потираю подбородок и киваю.

— А ты когда-нибудь принимала в родах ребенка с плечевой дистоцией? Потому что никогда не знаешь, что это случается, когда головка ребенка уже...

— Дрю. Я думала, мы договорились, что ты перестанешь смотреть Скорую Помощь?

Скорая Помощь должна выходить с предупреждающим знаком. Этот фильм шокирует. Если вы страдаете легкой ипохондрией или собираетесь стать родителем, готовьтесь к бессоннице уже после просмотра одного сезона.

— Я знаю, но...

Роберта поднимает руку вверх.

— Слушай, я знаю, что ты чувствуешь...

— Знаешь? — спрашиваю я резко. — Ты когда-нибудь брала всю свою жизнь и передавала ее кому-нибудь в руки и просила его позаботиться о ней? Вернуть тебе ее в целостности и сохранности? Потому что именно это я сейчас и делаю. — Я провожу рукой по волосам и смотрю в сторону. И когда я снова начинаю говорить, у меня дрожит голос. — Кейт и этот ребенок... если что-нибудь когда-нибудь...

Я даже не могу закончить свою мысль, не говоря уже о том, чтобы это произнести.

Она кладет руку мне на плечо.

— Дрю, ты должен мне доверять. Знаю, это трудно, но постарайся и сосредоточься на положительном. Кейт молода и здорова — и нас полно причин считать, что эти роды пройдут без осложнений.

Я киваю головой. И логическая часть моего мозга знает, что она права.

— Возвращаясь к Кейт. Постарайся насладиться тем временем, что у вас осталось. После сегодняшней ночи, вас уже будет не двое — и еще очень долго.

Я заставляю себя кивнуть еще раз.

— Хорошо. Спасибо.

Разворачиваюсь и иду назад к палате. Останавливаюсь в дверях.

Вы ее видите?

Вся в окружении подушек — зарыта в пушистое одеяло, которое мы взяли из дома по ее настоянию. Она выглядит такой маленькой. Чуть ли не маленькая девочка, которая прячется в кровати своих родителей во время грозы.

И я чувствую необходимость сказать ей эти слова — убедиться, что она знает.

— Я люблю тебя, Кейт. Все, что у меня есть хорошего в жизни; все, что действительно имеет значение — это только потому что есть ты. Если бы мы не встретились? Я был бы жалок — и, скорее всего, слишком туп, чтобы это даже понять.

Она смотрит на меня с непроницаемым лицом.

— Я рожаю, Дрю — я не умираю. — Потом ее глаза становятся шире. — Господи, я ведь не умираю, правда?

И вот, что помогает мне резко прийти в себя и перестать паниковать.

— Нет, Кейт. Ты не умираешь.

Она кивает.

— Тогда, ладно. Ну что б ты знал, я тоже тебя люблю. Люблю, что ты финансируешь будущее Маккензи, потом что ты не перестанешь ругаться. Люблю, как безжалостно ты дразнишь свою сестру, но ты убьешь любого, кто обидит ее. Но больше всего... я люблю то, как ты любишь меня. Я постоянно это чувствую... каждый день.

Я подхожу к ней и беру ее лицо в свои ладони. Потом наклоняюсь и с нежностью целую ее в губы.

Она берет мою руку и сжимает ее. А потом решительно сжимает челюсть.

— Давай сделаем это.

Оказалось, что все переживания напрасны. Потому что в 9-57 этого утра Кейт родила мальчика. И я был рядом с ней все это время. Разделяя ее боль.

В прямом смысле этого слова.

Вполне уверен, что она сломала мне руку.

Но кого это волнует? Несколько сломанных костей мало что значат — не тогда, когда вы держите трех с половиной килограммовое чудо.

Это я сейчас и делаю.

Я знаю, что каждый родитель думает, что его ребенок самый прекрасный — но будьте честными — он тот еще красавчик, вам не кажется? Клочок черных волос ровно лежит на макушке его головки. Его ручки, носик, губки — смотреть на них, все равно, что смотреть в зеркало. На его глаза, это глаза Кейт.

Он превосходен. Совершенство во плоти.

Надо признать, что родился он не совсем таким. Несколько часов назад он скорее напоминал орущего общипанного цыпленка.

Но он был *моим* орущим общипанным цыпленком, он все равно был самым красивым на свете.

Это нереально. Обожание. Почитание, которое просто переполняет, на него смотреть даже больно. Я люблю Кейт, больше жизни. Но на это потребовалось время. Я *постепенно* в нее влюблялся.

Это же... было мгновенным. Как только я его увидел, я тут же понял, что ради него могу прыгнуть голозадым в бассейн с аккумуляторной кислотой. Сумасшествие, правда? И я не могу дождаться, когда смогу учить его разным вещам. Показать ему... все. Как, например, менять колесо автомобиля, и подлизываться к девчонке, как бить по бейсбольному мячу, и как делать хук справа. И не обязательно в этом порядке.

Я привык смеяться над теми парнями в парке. Папашки со своими колясками и глупыми улыбками и барсетками.

Но теперь... теперь я их понимаю.

Голос Кейт отвлекает меня от созерцания моего малыша.

— Эй.

Голос у нее уставший. И я ее не виню.

— Как ты себя чувствуешь?

Она сонно улыбается.

— Ну... представь себе, это как помочиться дыней.

Я морщусь.

— Ой.

— Угу.

Ее взгляд падает на бледно-голубой сверток в моих руках

— Как там маленький парень?

— Хорошо. Мы тут просто общаемся. Лясы точим. Я рассказываю ему о важных вещах в жизни, как, например, девчонках и машинах, и... девчонках.

— Даже так?

— Да.

Я смотрю на нашего сына. А мой голос блаженный.

— Ты проделала такую большую работу, Кейт. У него твои глаза. Я люблю твои глаза — я

когда-нибудь говорил тебе про это? Это было первое в тебе, на что я обратил внимание.

Она выгибает одну бровь.

— Я думала, что первое, что ты во мне заметил — была моя задница?

Я смеюсь, вспоминая.

— О, да, точно. Но потом ты повернулась и просто... сразила меня наповал.

Малыш издает пронзительный крик, завладевая нашим вниманием.

— Думаю, он хочет есть.

Кейт кивает, и я передаю его ей. Она расстёгивает свою пижаму, оголяя одну налитую грудь. Подносит малыша ближе, и он присасывается к ее соску, прям как знаток.

А вы ожидали меньшего? Это же мой сын как-никак.

Какое-то время я наблюдаю за ними. Потом опускаю руку вниз, чтобы поправить свой стояк в моих штанах.

Ненормальный. Да — я знаю.

Кейт улыбается и смотрит на мой пах.

— У Вас проблема там, мистер Эванс?

Я пожимаю плечами.

— Нет. Никаких проблем. Просто жду своей очереди.

Знаете, в этом мире есть два типа женщин: одни, которые пытаются понять, смогут ли они выдержать шесть недель без секса после рождения ребенка, также как и их парни. И есть вторая группа. Те, которые в предвкушении ждут ласк руками, губами, да еще каком предвкушении! Потому что они знают, что потом им оплатят тем же, когда запреты будут сняты.

Кейт определенно относится ко второй группе. Я это знаю, и это знает мой член.

— После кровавой бойни, свидетелем которой ты стал в родовой? Не думала, что ты когда-нибудь снова захочешь со мной секса.

У меня отвисает челюсть. От шока.

— Ты что, шутишь? Знаешь, я и до этого знал, что у тебя удивительное влагилице, но теперь, когда я увидел, на что оно способно? Для меня оно достигло статуса супергероя. На самом деле, я думаю вот как мы и должны его называть. — Я поднимаю руки вверх, изображая огромную вывеску. — Невероятная Киска.

Она качает головой. И улыбается, глядя вниз на малыша.

— Кстати, об именах... наверно, нам следует что-то придумать и ему, не думаешь?

Кейт и я решили подождать с именем, пока малыш не родится — чтобы убедиться, что оно хорошо ему подходит. Имя — это важно. Они создают первое впечатление о вас в мире. Именно поэтому я никогда не понимал, почему люди нарекают своих детей ярлыками, типа Эдмунд, или Альберт, или Монинг Дью⁴¹.

Почему бы уже совсем не церемониться и не назвать своего ребенка Болван?

Я наклоняюсь на стуле.

— Хорошо — можешь начинать первая.

Она водит взглядом по лицу ребенка.

— Коннор.

Я качаю головой.

— Коннор — это не имя.

— Конечно, имя.

— Нет, это больше фамилия. — И своим самым лучшим Терминаторским голосом я говорю, — Сара Коннор.

Кейт закатывает глаза. Потом говорит.

— Мне всегда нравилось имя Дальтон.

— Я даже не собираюсь что-то отвечать по этому поводу.

— Ла-дно. Колин.

Я фыркаю.

— Ну, уж нет. Звучит, как колония. И его прозовут Козел, как только он ступит на детскую площадку.

Кейт смотрит на меня с изумлением.

— Ты точно ходил в Католическую Школу? Звучит так, будто бы ты рос в колонии для несовершеннолетних.

Жизнь — это одна большая игровая площадка. Помните об этом.

Менталитет уличной стаи. Вам надо учиться с раннего возраста, как не быть слабым звеном. Это их сжирают. Заживо.

— Раз уж ты не одобряешь мои варианты, что предложишь сам? — спрашивает она.

Я смотрю на сонное личико нашего сына. На его идеальные губки, его длинные черные ресницы.

— Майкл.

— Не-а. В третьем классе Майкл Роллинс блеванул на мои ботинки. И как только я слышу это

имя, я тут же вспоминаю об изрыганных хот-догах.

Справедливо. Пробую снова.

— Джеймс. Не Джим или Джимми — и уж точно не такая хрень, как Джейми. А просто Джеймс.

Кейт приподнимает брови. И пробует имя на языке.

— Джеймс. Джеймс. Мне нравится.

— Да?

Она опять смотрит вниз на малыша.

— Да. Пусть будет Джеймс.

Я лезу в свой задний карман и вытаскиваю оттуда свернутый листок бумаги.

— Здорово. Теперь фамилия.

Кейт смущена.

— Фамилия?

Мы обсуждали насчет Брукс, как второго имени. Но давайте будем честны — единственные, кто пользуются своим вторым именем — это серийные убийцы и обозленные родители. Так что я придумал кое-что получше.

Я положил развернутую бумажку на колени Кейт.

Взгляни.

БРУКС-ЭВАНС

Она поднимает взгляд, ее глаза широко раскрыты от удивления.

— Ты хочешь сделать двойную фамилию?

Я довольно старомоден. Я считаю, что женщины должны брать фамилию своих мужей. Конечно, это относится к тому, что женщина — это чья-то собственность. И нет, я с этим не согласен. В будущем, когда появится какой-нибудь оболтус, и скажет, что ему *принадлежит* моя племянница — я куплю ему лопату.

Чтобы он смог вырыть себе могилу, перед тем, как я его туда зарюю.

Но технически говоря, Кейт последняя из Брукс. Имена в честь кого-то больше не значат так много, но у меня такое чувство, что это много значит для нее.

— Ну... он же наш. И ты проделал большую работу. Должна получить свою половину.

Ее взгляд смягчается, и она мне напоминает:

— Ты же ненавидишь делиться, Дрю.

Я заправляю выбившуюся прядь волос ей за ухо.

— Ради тебя, я рад сделать исключение.

Плюс, я возлагаю надежды, что в скором времени, фамилия Кейт будет совпадать с фамилией нашего сына.

Конечно, Кейт заслуживает самого лучшего предложения в мире — а на самое лучшее требуется время.

Планирование.

Я над этим уже работаю. По субботам я беру уроки управления воздушным шаром, когда она думает, что я играю с парнями в мяч. Потому что я планирую взять Кейт на одну частную прогулку на воздушном шаре в Долину Хадсон. Там нас будет ждать изысканный пикник, когда мы приземлимся. И вот где я предложу ей руку и сердце.

Таким образом — если вдруг Кейт мне откажет — у меня будет абсолютно уединенное место, где я смогу уговаривать ее до тех пор, пока не передумает.

Гениально, правда?

Поблизости нас будет ждать лимузин — но не слишком близко — чтобы увезти нас обратно домой, где мы будем сидеть на заднем сиденье и где мы сможем расслабиться по пути. И заняться лимо-сексом, конечно. Никогда не упускайте возможность заняться сексом в лимузине — это всегда так весело.

Глаза Кейт блестят от слез. От счастливых слез.

— Мне нравится. Джеймс Брукс-Эванс. Звучит отлично. Спасибо тебе.

Я наклоняюсь вперед и целую нашего сына в лобик. А потом целую в губы его мать.

— Ты все неправильно поняла, дорогая. Это я должен говорить спасибо.

Она с нежностью смотрит на Джеймса. И голосом, который может заставить ангела позеленеть от злости, она начинает петь.

Есть песня, которую поют, когда отправляются в путь

Песня, которую поют, когда едут к морю

Песня, которую поют о своем доме в небе

Может быть, ты сможешь в это поверить, если это поможет тебе уснуть

Но я не против просто спеть

Сладких снов вам, леди лунного света

Баю-бай сладенький мальчик Джеймс

Я выбираю темно-зеленые и голубые цвета

Не подведи меня в моих снах

И баю-бай сладенький мальчик Джеймс

В своей жизни мужчина может плакать всего несколько раз, не выглядя при этом полным дураком.

Это вот как раз один из них.

Когда Кейт заканчивает, я прочищаю горло. И вытираю влажные глаза. Потом забираюсь на кровать рядом с ней.

Я уверен, что в больнице это запрещено, и готов признать, что некоторые медбратья выглядят чертовски грозно.

Но, да ладно — они ж все-таки медбратья.

Кейт поворачивается ко мне, и теперь Джеймс оказывается между нами. Кладу руку на бедро Кейт, обнимая их обоих.

Глаза Кейт бархатно теплые.

— Дрю?

— Ммм?

— Думаешь, у нас всегда так будет?

Я ей слегка улыбаюсь.

— Конечно, нет.

А потом я прикасаюсь к ее лицу — на то, что я планирую смотреть каждое утро и каждую ночь, пока не появится смерть, чтобы уволочь меня.

— У нас просто будет лучше и лучше.

Ну, вот и все.

Как вам для чертовски счастливого конца, а? Или начала... думаю... зависит от того, с какой стороны на это посмотреть.

В любом случае, настало время рассыпать жемчужины мудрости.

Совет.

Но судя по событиям последнего года, становится вполне очевидно, что я не знаю ни хрена, о чем говорю. Не думаю, что вам следует прислушиваться к тому, чего я тут наговорил.

Все еще хотите, чтобы я попробовал?

Ладно. Но не говорите, что я вас не предупреждал.

Значит, вот:

Номер один — люди не меняются. Чудес не бывает. Нет волшебной таблетки.

Что вы видите — это то, что вы получаете. Конечно, некоторые привычки можно подправить. Приструнить. Как, например, моя склонность делать поспешные выводы. Сама идея того, чтобы считать, что я все знаю — при этом, сначала не сверяясь с Кейт — сейчас меня от этого тошнит.

Но другие черты характера, они прилипли.

Мое чувство собственности, упрямство Кейт, наш коллективный дух соперничества — они являются большей частью того, кто мы есть, чтобы их искоренить.

Это как... целлюлит. Вы, дамы, можете весь день провести в спа, обертываясь грязью и морскими водорослями. Можете выкинуть целое состояние на всякие кремы и скрабы. Но в конце дня, та морщинистая рябая кожа все равно будет на месте.

Простите, что приходится вам это говорить, что есть — то есть.

Но если вы кого-то любите, *действительно* любите, вы воспринимаете его таким, какой он есть.

Вы хотите полный пакет — целлюлитная задница и все такое.

Номер два — жизнь не совершенна. Или предсказуема. Не ждите от нее такого.

В одну минуту вы плаваете в океане. Гладкая и спокойная вода, вы расслаблены. А потом — из ниоткуда — вас затягивает подводное течение.

Все зависит от того, что вы будете делать дальше. Приложите все силы, что у вас есть? Будете бороться, чтобы остаться на поверхности, даже если болят руки и ноги? Или просто сдадитесь и опуститесь на дно?

Вся разница в том, какая у вас реакция на изменения и повороты в жизни.

Теперь номер три — важно то, как вы преодолеваете сложные неожиданные времена? Тот свет в конце тоннеля стоит всего дерьма, через которое вам придется пройти.

Это то, что я никогда не забуду. Я вспоминаю об этом каждый раз, когда смотрю на Кейт. Каждый раз, когда я смотрю на нашего сына.

Когда все сделано и сказано? Награда более чем стоит того.

Конец второй книги

От редактора

Хочу выразить огромную признательность Яне Давиденко, которая корпела над переводом

этой книги (впрочем, как и предыдущих). За обложку отдельная признательность Ксении Левченко.

Следующая, третья книга в серии должна быть про Долорес и Мэтью. Как у них все завязалось (к чему все пришло мы уже знаем). Четвертая книга будет вновь про Дрю и Кейт. Предполагается, что она будет последней в серии. Впрочем, поживем увидим.

Перевод осуществлялся специально для группы ВК «Электронные книги и переводы книг». Копирование текста без ссылки на группу и без указания на переводчика запрещено. Уважайте труд других людей.

Notes

[

<1

]

название рома

[

<2

]

название водки в США

[

<3

]

американская рок-группа

[

<4

]

Бессмертные (Tucks Everlasting) — художественный фильм.

[

<5

]

Йода — один из главных персонажей «Звездный войн».

[

<6

]

герои телесериала «Придурки из Хаззарда».

[

<7

]

имеются в виду американцы итальянского происхождения

[

<8

]

Цезарь Миллан — мексикано-американский профессиональный тренер собак, широко известен своей телевизионной серией «Переводчик с собачьего».

[

<9

]

Дизайнер

[

<10

]

Надя Команечи — знаменитая румынская гимнастка.

[

<11

]

«Барни и Друзья» — детский телевизионный сериал. Производство PBS, США. Барни — главный персонаж сериала: это плюшевый фиолетовый Тираннозавр, наделенный человеческими качествами, который своими действиями учит детей вести себя в окружающей среде.

[

<12

]

карточка из игры «Монополия».

[
<13
]

американская кинокомедия.

[
<14
]

люди, которые занимаются сексом в самолете

[
<15
]

Джон Уэйн Боубит и Лорена Боубит — американская супружеская пара из Манассаса, штат Виргиния, США, получившая всемирную известность после того, как в 1993 году Лорена в ответ на домашнее насилие со стороны Джона отрезала ему ножом половой член.

[
<16
]

Нэнси Керриган — американская фигуристка, на которую было совершено нападение во время чемпионата США, ее ударили её колено телескопической дубинкой. Держась за колено и воющая «Почему, почему, почему», Нэнси Керриган попала в объектив камеры. Это видео оставалось ключевой новостью на всех телеканалах в течение нескольких дней после нападения.

[
<17
]

место в мозге человека, где «хранятся» воспоминания о том, кто, что сказал или сделал.

[
<18
]

имеется в виду пословица: леопард не может сменить свои пятна; аналогом служит русские

пословицы: горбатого могила исправит, сколько волка не корми, а он все в лес смотрит.

[

<19

]

оливковая ветвь — как знак примирения

[

<20

]

Дорогая мамочка — Драматичная история взросления юной Кристины в семье своей приёмной матери Джоан Кроуфорд, одной из известнейших голливудских актрис 30-х годов.

[

<21

]

здесь имеется в виду инопланетянин из одноименного фильма — ET.

[

<22

]

eBay

[

<23

]

Thunder Road

[

<24

]

Сэнди — ураган

[

<25

]

С.М.И. — слишком много информации.

[

<26

]

Форт-Нокс — военная база в США.

[

<27

]

Лиза «Левый Глаз» Лопес-певица, танцовщица. Страдала от алкогольной зависимости, сожгла дом своего бойфренда, заподозрив его в измене.

[

<28

]

Строчка из поэмы Роберта Бернса «To a Mouse. On turning her up in her nest with the plough», пер.С.Я. Маршака «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом»

[

<29

]

Расширение и выскабливание.

[

<30

]

Дрон-беспилотный летательный аппарат с ударными возможностями.

[

<31

]

Monkey ball banana blitz — компьютерная игра.

[

<32

]

Стратокстер — модель гитары.

[

<33

]

Персонажи из «Алисы в Стране Чудес»

[

<34

]

детская хороводная игра

[

<35

]

Перевод Н. Вольпин

[

<36

]

Мишель Даггар родила 19 детей.

[

<37

]

цитата из мультфильма Дятел Вуди

[

<38

]

Венди Дэвис — политик

[

<39

]

Шэму — кличка тренированного дельфина-касатки, который содержится в развлекательных парках морских животных.

[

<40

]

американский бейсболист

[

<41

]

утренняя роса

mir-knigi.org